

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил МАРИШИН

ДИЗЕЛЬ
РЕШАЕТ ВСЁ

Делай, что должно, и будь, что будет

Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем... Мог ли наш современник Семен Любимов подумать, что эти слова станут для него актуальны? Став из-за абсолютно невероятной случайности виновником разрушения собственной реальности, герой видит катастрофические для него последствия его вмешательства — СССР, лишившись одного из главных факторов Победы, разрушен сокрушительным ударом гитлеровского Рейха. План Ост доведен до своего логического завершения и к началу двадцать первого века коренного населения на территории Европейской России практически не осталось. Осознав произошедшее, Семен отправляется в прошлое, в точку изменения реальности, и вступает в борьбу за то, чтобы вернуть историю в изначальное русло. На дворе СССР конца двадцатых годов, индустриализация и коллективизация стоят первыми пунктами в повестке дня. Сумеет ли герой, начав с самого малого, обрести достаточное влияние на окружающую действительность и достичь своей цели? Ведь любые его действия, с какими бы благими намерениями он их не совершал, могут иметь самые непредсказуемые последствия.

Михаил Маришин
ДИЗЕЛЬ РЕШАЕТ ВСЁ

Глава 1

ЗВОНОЧЕК

Эпизод 1

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное, —
Свистят они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения...

Сталин слушал незнакомую песню, которая раздалась из трубки аппарата настолько неожиданно, что он даже не убрал руку с вертушки. Песня завораживала.

Мгновения спрессованы в года,
Мгновения спрессованы в столетия,
И я не понимаю иногда,
Где первое мгновенье, где последнее.

Ее спокойный мотив так отличался от революционных песен, между тем слова заставляли задуматься. Перед глазами как бы сами собой вставали мама, Гори, друзья детства, семинария.

У каждого мгновенья свой резон,
Свои колокола, своя отметина.
Мгновенья раздают — кому позор,
Кому бесславье, а кому бессмертие.

Первомайская демонстрация в Тифлисе, Туруханск, первый номер «Правды», Ленин, революция, товарищи по партии.

Из крохотных мгновений соткан дождь —
Течет с небес вода обыкновенная.
И ты порой почти полжизни ждешь,
Когда оно придет, твое мгновение.

Гражданская, Царицын, Пермь, Западный и Южный фронты, восьмой съезд, пленум 1922 года, борьба с оппозицией, XVI партконференция.

Придет оно, большое, как глоток,
Глоток воды во время зноя летнего...

А в общем, надо просто помнить долг
От первого мгновенья до последнего.

Да, хорошая песня! И заканчивается правильно.

— Слушаю, — хриплый голос ворвался в трубку внезапно, оборвав песню на полуноте.

Слегка ошарашенный, расчувствовавшийся Сталин ответил, даже забыв поздороваться.

— Товарищ Ворошилов, какая песня душевная! В первый раз услышал, а так пробрало!

Кто автор?

— Музыка Таривердиева, слова Рождественского. В первый раз сталкиваюсь с человеком, говорящим по-русски, ни разу не смотревшим фильм «Семнадцать мгновений весны». Кстати, я не Ворошилов.

Очарование слетело в момент, по спине прошелся холодок близкой опасности.

— Кто вы такой? — голос в трубке был, действительно, незнаком.

— Штандартенфюрер Штирлиц, ёшкин кот! Вообще-то, вежливые люди, раз уж решили поговорить, сначала сами представляются.

— С вами говорит товарищ Сталин, секретарь ЦК ВКП(б)! — отчеканил вождь предельно официальным тоном. — Что вы делаете в кабинете товарища Ворошилова?!

— С чего вы взяли, что я в кабинете Ворошилова? Который, кстати, давно уже на том свете. Вам что, в вашем дурдоме этого не объявили? Так спросите Левитана в соседней палате, он вам озвучит.

— Как на том свете?! Ты убил Клина, сволочь?! Я немедленно звоню в ОГПУ! Тебя найдут, недобиток!!! Ответишь по всей строгости социалистического закона!

— Ага, кровавого палача Берию на меня натрави! Аривидерчи! — в трубке раздались короткие гудки.

Вождь ударил по рычагу и начал уже набирать номер Менжинского, как раздался звонок соседнего телефона.

— Сталин у аппарата.

— Товарищ Сталин, — прозвучал ровный голос Поскребышева, — к вам прибыл товарищ Ворошилов с докладом по ситуации в районе КВЖД.

— Пусть войдет, — облегченно сказал Иосиф Виссарионович и сел на стул.

— Здравствуй, Клим. Представляешь, только что звонил тебе и какая-то гадина в твоём кабинете сказала, что тебя нет в живых, — возмущенно произнес отец народов, — слава богу, это была брехня.

— Как в моем кабинете?! Коба, что ты такое говоришь?! Надо немедленно шутника найти!!!

— Ну так распорядись, раздолбай! Враги по вашему наркомату шастают как у себя дома! Ворошилов выскочил в приемную как ошпаренный.

— Товарищ Поскребышев, — обратился вышедший вслед за наркомвоенмором хозяин, — подготовьте мне, пожалуйста, справку по композитору Таривердиеву, поэту Рождественскому и кинофильму «Семнадцать мгновений весны».

— Вот времена, даже в дурдоме порядка нет! Психам телефоны на руки выдают! — проворчал я для порядка и спрятал старенький мобильник обратно в рюкзак. На что тот обиженно пискнул в ответ, извещая о разряженной батарее. И то верно, пятый день уже к концу как с базы вышел, возвращаться пора. Не беда — за день дойду.

Огляделся вокруг и решил, что лучшего места, чем рядом с огромным валуном, невесть как оказавшимся посреди леса, не найти. Да и смеркается уже, а тут место высокое, сухое и ручеек недалече. Надо только обойти камень для порядка и расположиться с южной, подветренной стороны.

За заботами по устройству ночлега времени задуматься о постороннем практически нет. И только когда я уже сидел под навесом у небольшого костерка, на котором стоял котелок с почти уже готовой кашей на ужин для меня и четвероногого напарника, мысль, царапавшая мозг, но как-то мягко, издали, оформилась окончательно и ударила по голове со всей своей неприкрытой абсурдностью.

Какой, к лешему, телефонный звонок? Мне за три недели никто не разу не позвонил, специально в дебри забрался, чтоб никто не достал! До ближайшего населенного пункта полсотни километров по прямой!

Это что же выходит, галлюцинация? Одичал и по человеческому обществу соскучился? Общения не хватает? Да что тут думать — достал мобильник и посмотрел. М-да, последний вызов сегодня 18.07, номер не определен. Сети нет. Для очистки совести попробовал позвонить домой — облом. На этом эксперименты со связью и закончились, мобильник жалобно пискнул последний раз и экран погас.

— Вот так-то, друг ситный, — сказал внимательно следившему за моими манипуляциями Одину, — пора домой, из лесных дебрей в каменные джунгли.

— Ув! — коротко ответил пес, выражая свое несогласие. Оно и понятно, ему здесь раздолье.

— Ладно, не расстраивайся, — попытался утешить я напарника и, чтобы не быть голословным, отдал ему подстреленного наемни глухаря.

После ужина, завернувшись в спальник и положив под руку «Сайгу», глубокомысленно изрек:

— Утро вечера мудренее, — и провалился в глубокий, спокойный, как всегда без снов, сон. Один и посторожит и ко времени разбудит.

Эпизод 3

Проснулся рано утром от вежливого тыканья холодным носом в лицо. В просветы между еловыми лапами заглядывали набухшие дождем свинцовые облака, гася солнечный свет и создавая в лесу серые сумерки.

— Привет, Один! Доброе утро, малыш! — сонно проворчал я и попытался вновь закрыть глаза, за что был тут же прикушен за кончик носа. — Ну все! Все! Встаю, изверг, поспать не дашь!

Поеживаясь от утренней сырости, запалил потухший костерок и спустился к ручью умыться. Из черной глубины облюбованного мной омутка выглянула звероподобная физиономия, более уместная в веке пятнадцатом — чернющая борода резко контрастировала с рыжими усами, отросшие волосы всклокочены. Прямо как не русский человек. Леший, да и

только! Ладно вот доберусь до машины на базе, там и побреюсь, вернусь в лоно цивилизации в привычном виде русоволосого, кареглазого молодца.

А может, ну его! Остаться бы здесь, среди этой тишины, где прозрачный, густой воздух зримо обтекает влажные стволы и нет бензинового чада. Где под ногами стелется разноцветный ковер, где бурый от хвои, где багряно-желтый, а где и еще зеленый, по которому идешь совершенно бесшумно, ибо даже сухие ветки утопают в нем под ногами, и если ломаются, то глухо, теряя голос в толще мха и опада. Ведь столько мечтал вырваться сюда, в осенний северный лес хотя бы на недельку, а тут неожиданно целый месяц выпал, но пролетел будто один день.

Ну хватит! Разнылся, как маленький! Я решительно прервал созерцание самого себя и, раздевшись по пояс, размялся, изображая зарядку, энергично растер себя обжигающе ледяной водой. Вот так-то лучше! Теперь чего-нибудь горячего проглотить и в путь.

Быстренько выпив кружку сладкого чая и покормив пса, свернул свое хозяйство и скорым шагом двинулся к намеченной цели. Переход предстоял немаленький, да и воспоминания о вчерашнем звонке вызывали смутное беспокойство. Шел и прикидывал и так и этак, но разумного объяснения произошедшему не находил, про себя решил, что никому никогда рассказывать об этом не буду, однако эта здравая мысль меня отнюдь не успокоила. Поэтому я за весь день сделал всего пару коротких привалов и упрямо продвигался к своей цели под зарядившим с утра холодным дождем.

Ориентироваться в лесу для меня особого труда никогда не составляло, за всю жизнь ни разу не помню, чтобы я заблудился. Просто интуитивно выбирал дорогу мимо хороших местных ориентиров — ручейков, оврагов, приметных горюшек. Поэтому никакими техническими средствами никогда не пользовался, так, компас таскал с собой на всякий случай и все. Карта же — дело святое.

Но тут, уже ближе к вечеру, я впервые в жизни стал в себе сомневаться. Лес был не тот! Нет, речки-ручьи никуда не делись, но сам лес в целом неуловимо изменился. Стал каким-то подчищенным, что ли, бурелома и гнилых стволов попадалось все меньше и меньше, пока они не исчезли совсем.

И уж совсем меня изумила дорога. Дело в том, что место это мне посоветовал друг-зенитчик. Заброшенный городок дивизиона «двухсоток» располагался вдали от цивилизации и практически никем за последние пятнадцать лет не посещался. Мой товарищ, бывший здесь до меня, даже нашел приказы, которые он подписывал аж в 1985 году. Люди, когда это место покидали, конечно, утащили с собой все что можно, но самих строений это никак не коснулось. Чем я и воспользовался, загнав машину в пустой бокс. Дополнительным бонусом была дорога, которую, конечно, последние четверть века никто не ремонтировал, однако по ней и не ездил почти никто, для паркетника терпимо.

И вот эта самая дорога предстала в совершенно новом облике двухполоски с идеальным асфальтовым покрытием. Вышел я на нее, попробовал на крепость каблуком, убедился, что не глюк, и скрылся обратно в лес. Уж больно некомфортно я себя на открытом пространстве почувствовал, когда такие непонятки творятся. Ну не могли же за пять дней новый асфальт положить в медвежий угол, в самом деле! Тогда откуда дровишки?

В общем, решил я воспользоваться тем, что дорога в этом месте делает крюк, обходя овраг, и срезать пару километров до базы напрямик лесом. За что потом не раз себя похвалил, может и с перебором, но, видимо, какая-то чуйка все же есть.

— Один, ты что нибудь понимаешь? — спросил я напарника, выйдя из леса и перевесив «сайгу» за спину, тупо глядя на уже освещенные электрическим светом к наступающему вечеру незнакомые постройки. — Стоит на недельку хабар без присмотра в безлюдном месте оставить, как понаедут, понастроят, ищи теперь наше добро! Пойдем по душам поговорим, — возмущенно сказал я. Пес же хранил характерное для лаек гордое молчание.

Однако напрямик пройти не получилось, не успел я продвинуться вверх по склону, к бывшей стартовой позиции, а теперь вообще непонятно к чему, и на полсотни шагов, как наткнулся на колья с натянутой на них колючкой. Еще выше, тоже шагах в пятидесяти, виднелся второй ряд кольев и колючка на них, как пить дать, была.

Я озадаченно стоял и вертел по сторонам головой, думая, в какую сторону обойти препятствие, и уже почти двинулся в сторону дороги, здраво рассудив, что там должен быть проезд, как в разом загустевшем, ледяном воздухе, резко, словно предупредительный выстрел, ударило.

— HALT!!!

Тело, не обращая внимания на затупивший мозг, бросилось на землю еще до того, как погас последний звук короткой команды. И поступило совершенно правильно, потому что спустя мгновение раздалась короткая очередь и пули прошили воздух прямо надо мной, на уровне груди стоящего человека. Один метнулся в сторону и исчез.

«Мамочки родные, что же это делается! Мало того, что лаются не по-русски, так еще пуляют почему зря! — думал я, сбрасывая тощий рюкзак с левого плеча, „сайгу“ с правого и перехватывая их в руки. — Надо ноги делать, пока ими располагаю, до милиции, даст бог, доберусь, там и выясню, что за звери здесь завелись».

Все это в голове проносилось на заднем плане, сам же я интенсивно работал локтями и коленями, извиваясь в мельчайших низинках и пользуясь любой тенью, живенько продвигался к опушке, благо под горку. Вслед еще прошла пара очередей, но наугад, стрелок меня явно не видел.

Добравшись до опушки и скрывшись в кустах, уперся взглядом, как мне показалось, в иронично улыбающуюся морду Одина.

— Чего ржешь? Видал? Помнишь как я зайцев да вальдшнепов стрелял? Вот мы с тобой для этого козла вроде зайца и есть, так что не попадайся.

Вдали глухо заурчал двигатель, и я, выбрав местечко поудобнее и хорошо укрытое скомандовав Одину для порядка «лежать!», что, впрочем, было излишне, так как напарник уже устроился рядом со мной, приготовился смотреть, что будет дальше. Занял место в партере, так сказать, а вместо театрального бинокля у меня БКФЦ с пятикратным увеличением.

Приблизительно через пять минут за вторым рядом проволоки остановился джип, в котором я с удивлением опознал «Геленваген», только видок у него был насквозь утилитарный, совершенно не похожий на тот, к которому я привык. Да, вдобавок, еще

камуфлированная раскраска, а не благородный черный цвет элитных иномарок.

Из машины высыпали шесть солдат, включая водителя, и сгрудившись в свете фар, принялись голосить не по-нашенски. На вопли вылез мой стрелок-неудачник, подошел к группе и что-то сказал в ответ, махая рукой в мою сторону. Так, интересно, часовой получил от разводящего подзатыльник, от чего его каска съехала на нос, и заверещал пуще прежнего, аж на месте подпрыгивает. Командир что-то коротко ответил и дал команду притихшей группе, после чего все прибывшие не торопясь сели обратно в «Гелик», развернулись и укатили в сторону дороги. Часовой же подошел к колючке и устался на лес.

Пока продолжалась эта беседа, я подробно рассмотрел действующие лица и, надо сказать, увиденное меня совсем не вдохновило. Прежде всего, бросились в глаза каски, такой фасон я последний раз в фильмах про войну видел, натуральный немецкий Stahlhelm. Вся семерка была одета в броники, а вот разгрузок ни у кого не было, амуниция размещена на поясе и тесак впечатляющих размеров тоже. Камуфляж двухцветный в мелкую точку. Вооружены они были автоматами смутно знакомого вида, но модель я с ходу назвать затруднился, видно что-то редкое. У старшего — еще и пистолетная кобура в придачу. В общем, они мне крайне не понравились, не говоря уже о том, что нагло обнесли мое добро колючкой и простреливают подступы.

Прикинув свои возможности в случае прямого вооруженного столкновения, решил до этого не доводить. Но оба имеющихся у меня пятизарядных магазина переснарядил, первый — всеми пятью наличными пулевыми патронами, второй — картечью, еще пяток картечей осталось. Мелкой дроби тоже патронов двадцать есть, но это уж если совсем припрет.

Тем временем вновь нарисовался «Гелик», но уже с моей стороны колючки и вся компания, правда кроме водителя, вновь высыпала на свежий воздух. Ишь, фонариками по земле шарят, а мой-то, мой, руками машет и вещает, смотрите, мол, левее. Так, следы нашли, забурobili что-то по-немецки, пора, видимо, и мне свое слово сказать.

— Эй, фюреры недоделанные! Какого рожна вы здесь объявились и в честных людей стреляете?

Что тут началось! Прямо сорок первый год, ни дать ни взять.

— Партизанен!!! — И очередями по лесу веером, фонари тоже в эту сторону, грамотеи, лежат, светят и поливают почему зря. Водитель даже «Гелик» в сторону леса развернул.

«Нет, братцы, разговаривать мне с вами не с руки, ноги бы унести, — думал я, отползая на карачках в глубь леса и в сторону. — Ядренбатон на всех фрицев скопом!»

— Форвертс! — Ёкарный бабай, они что, прочесывание на ночь глядя решили устроить? Точно вскочили, бегут, постреливать не забывают.

Ну и я побежал, на бегу в лесу они в меня попасть только случайно могут, даже если увидят. Однако загонят они так меня, широко расходятся и бегать здоровы, чисто лоси, я же целый день шел, устал уже, а тут вместо отдыха — марафон.

И тут меня такое зло взяло! Что же это такое?! В моем лесу меня какая-то немчура гоняет как зайца и крови моей хочет! Да еще нагло, как будто я вообще беспомощный, прямо с фонарями и несутся. Ну все Гансы, достали вы меня!

Принял влево и, не добежав пару десятков метров до оврага, сбросил рюкзак, после чего нырнул вниз и рванул по дну еще левее, выходя на фланг. Фонарики стригут поверху уже совсем близко. Опаньки! Заголосили! Видать рюкзак нашли. Выглядываю наверх — ближняя троица сгрудилась у рюкзака. Два быстрых выстрела картечью по ногам. Да! «Сайга-12К» — вещь! Недаром ее в штатах как гладкоствольный штурмовой карабин классифицируют. Эти

трое хотя и живы, но бегать еще долго не будут, если вообще в живых оставлю. Быстро меняю магазин, автоматически передергиваю затвор и теряю картечный патрон. Растяпа!

Тихо иду по низу на противоположный фланг. Дальние два фонаря погасли и почти тут же, к воплям обезноженной троицы добавился дикий протяжный крик дальнего от меня фрица. Его напарник, видимо, окончательно растерявшись, обернулся к новому источнику опасности и выпустил длинную очередь. Раздался собачий визг, а крики немца прекратились. Сволочь! Он подстрелил Одина! Выстрел, всего метров с двадцати по резко очертившемуся над склоном оврага силуэту, просто не мог пройти мимо, и пуля, звонко врубившись в затылок каски немца, заставила его пораскинуть мозгами по поводу своего недостойного поведения. Так, теперь посмотреть, что с дальним и с собакой, вроде молчат, но береженого Бог бережет. По низу продвигаюсь дальше к намеченной цели, так немец труп, с такими дырами в башке не живут. И намертво вцепившийся сзади в его правое плечо Один — тоже. Эх, жизнь, жестянка! Жаль-то как!

Ладно, переживания оставим на потом, а сейчас к делу. Что это у нас здесь? Лопни мои глаза! Это же штурмгевер! Немного футуристичный вид, калибр маловат, а так — он самый, вне всякого сомнения. Ну что ж, высшая доблесть, как говорят, — победить врага его же оружием. Где там у нас недостреленные ползунки? Рюкзачок-то забрать надо.

Один из фонарей отлетел далеко и лег удачно, освещая рюкзак и два слабо шевелящихся тела. Третьего не видно, плохо. Отхожу подальше и спрятавшись за укрытием достреливаю короткой очередью подранка. В ответ бьет только один ствол со стороны оврага. Вот ты куда закатился, голубчик! Сменив позицию, достреливаю второго, меняю позицию. Отвечает с прежнего места, видимо, даже ползать уже не может. Ну что ж, не можешь — заставим! Включенный фонарь летит в сторону немца и ложится удачно, свет бьет немцу в глаза. Он пытается расстрелять фонарь, но я быстрее. Кажется все, заткнулся. Обойду-ка я его, больно неудачно он носом клюнул, прям в тень за дерево. Вид сбоку просто шикарный, сам немец в тени, но силуэт четко очерчен на освещенном фоне. Очередь. Вот теперь точно все. Теперь барахло и оружие подобрать и ХОДУ! На базе ревун уже давно надрывается, кажется, как я стрелять начал.

Вот так я и стал обладателем штурмгевера с тремя магазинами, вальтера Р-38 с запасной обоймой, бреника и фонаря. Из четырех других вынул батарейки, на наши «кроны» похожи, названия нет, только невразумительное буквенно-цифровое обозначение. Холодняк подобрал весь, питаю слабость к этому делу.

Эпизод 6

Всю ночь перебирал ногами под морозящим дождем как проклятый и к утру совершенно выбился из сил. Стали посещать мысли о геройской гибели в неравном бою, гори оно все синим пламенем. Тем более что с рассветом развиднелось, дождь прекратился и где-то в стороне послышался стрекот вертушки. К чему бежать, если они сейчас район оцепят, а потом прочешут. Вертушку я, всяко не обгоню. Жалко гранат нет, фокус с самоподрывом в толпе врагов мне не светит.

С этим похоронным настроением я выскочил на небольшую полянку и наткнулся на сгорбленную фигуру в потрепанном немецком комке, сидящую ко мне спиной на трухлявом стволе. Прятаться, на случай, если этот здесь не один, было уже поздно, и я с перепугу

заорал:

— А ну, хенде хох! Мать перемать! Дернешься — стреляю.

— Битте, ниht шиссен, — еле слышно продребезжало в ответ.

— Кол в подол! — заскулил я, обходя пленного на расстоянии и осматриваясь по сторонам. — Куда я попал! В Вологодской области никто по-русски не говорит!

— Русиш ист ферботен.

— Постой, так ты все понимаешь? — сказал я, заглядывая под капюшон и вглядываясь в лицо дряхлого старика. — Ну стало быть, и говорить можешь.

Да! Собеседник мне достался тот еще. Да ему лет сто — не меньше. Худющий, морщинистое лицо обрамлено редким седым волосом и трехдневной, абсолютно белой щетиной.

— Ты как здесь оказался, старый пень?

— Да как оказался — от хозяина я ушел, добрый херр, — моргнул старик слезящимися глазами и тут же спросил: — А ты большевик, да?

Настала моя очередь часто моргать.

— С какого перепуга — большевик? И сам ты хер, Семеном меня зови.

— Ну как, на арийца ты непохож, одежда чудная, да и бороды они не носят. По-русски говоришь опять таки, — привел он свои доводы. — А отец говорил, мол, настоящие большевики немцев все одно придут и победят. Штурмгевер вон у тебя. Скажешь, на дороге нашел?

— Как на арийца не похож? Я самый, что ни на есть истинный ариец, а немчура твоя — седьмая вода на киселе. Русские — самые арийские арийцы всех времен и народов! Когда это отец тебе такую мудрую мысль про большевиков озвучил?

— Когда? Да, аккурат, об сорок первом годе, как в партизаны ушел. Больше я его и не видел.

— Так партизаны, значит, здесь есть? Дорожку не подскажешь?

— Да какие партизаны? Немцы с финнами их лет за пять всех повывели. Ты вообще первый русский человек за последние полсотни лет, — грустно сказал дед.

— Тааак! А годик какой ныне, старче?

— Так 2011-й, какому еще быть. Или ты последние шестьдесят лет, как медведь, в берлоге проспал?

— Считай, что так. Ты мне давай-ка все по порядку, для начала скажи, мил человек, как немцы вообще здесь оказались.

— Как оказались? Да напали внезапно, 22 июня, я тот день хорошо помню, воскресенье было. День пасмурный, народу объявили, мол, правительственное сообщение будет. И аккурат в полдень Хрущев объявил — напали на нас германские фашисты на свою голову, так накажем их и понесем же свет мировой революции в Европу! Ага, понесли, немцы уже в октябре в Вологде были, а армия наша разбежалась. Вот тогда-то отец в партизаны и ушел, у него от армии бронь была, а тут чего уж дома-то высиживать. Мать как жену партизана зимой расстреляла айнзацкоманда. Я же командиру их глянулся, взял он меня за собаками глядеть. Ягер он был, любитель. Вскорости усадьбу здесь себе построил, там я все это время и прожил. Сынок его в город уехал, там жил, в усадьбу только на отдых и заявлялся, хорошо ко мне относился. А вот внучок его городской, только по малолетству здесь бывал. И вот незадача, попал он на ракетную базу служить, здесь недалече. Заявился третьего дня с дружками и говорит, надо, мол, старика пристрелить да собакам и скормить. Хорошо

перепились они все. Я той же ночью и ушел, больно уж не хочется, чтоб псы мои кости грызли. Лучше в лесу где-нибудь лежать.

— Дааа, дела. Постой, а ты ничего не путаешь? Молотов же заявление 22 июня делал.

— Нее, все точно. А Молотова еще в 39-м расстреляли, шпион он немецкий оказался.

Выкормыш сталинский.

— А Сталин-то здесь причем?

— Ну так, это он главный предатель был. После того, как его убили, верхи будь здоров как чистили. Много его сообщников перестреляли.

— Ты хочешь сказать, что Сталина убили до войны?!

— Точно так, в 38-м году, помню, я в школу, в первый класс тогда учиться пошел.

Праздник у коммунистов партийный такой был — октябрьская назывался. Вот его прямо на празднике и хотели арестовать, да он сопротивление оказал, пришлось убить.

— И что теперь делать? — задал я риторический вопрос сам себе вслух.

— А ты сынок, на запад, к финской границе иди, коли здесь набедокурил. Пока из колоний ягеров поднимут, глядишь, и перейдешь, — принял вопрос на свой счет старик. — На-ка вот тебе, порошочек, собакам след отбивает. Мне он уже ни к чему. Пришло мое время.

— Слушай, может тебе оружие оставить? — попытался отдариться я.

— Зачем оно мне? Не вижу и не слышу почти, да и в руках не удержу.

— Прости, старик, — горько сказал я, — и прощай.

Отвернулся и пошел прочь не оборачиваясь.

— Прощай, добрый человек, — донеслось сзади. — Видно есть Бог на свете, хоть в последний час послал русского человека. Теперь и помирать не страшно.

Эпизод 7

Вопрос «кто виноват?» передо мной уже не стоял. Свяжав свой телефонный разговор и полученную информацию, оставив в стороне технические подробности, тихо брел по ельнику и призывал все известные мне маты на свою голову. И кто меня за язык тянул?!

Но человеку свойственно искать себе любые оправдания и перекладывать собственную вину на других. Я-то был полностью уверен, что общаюсь с пациентом дурдома! И к тому же, ну что я ему такого сказал?!

Стоп! Вот здесь подробно! Таривердиев и Рождественский? Нет, в семидесятых они были мужиками средних лет, значит, до 1938 года или не родились еще или совсем мальчишки. Мимо!

«Семнадцать мгновений» усатому, по понятным причинам, не доступен, да и звуковое кино вообще только-только в тридцатых пошло. Нет, не это.

Штандартенфюрер Штирлиц? Вот здесь уже теплее, звонил-то он в кабинет Ворошилова. А там такой фрукт! А звания такие у немцев и вообще СС когда появились? Этого не знаю, нечего гадать. Но факт нахождения фашиста в святая святых Минобороны сбрасывать со счета не стоит, хотя, для шпиона, уж больно нагло получается. К тому же ляпнул, что Ворошилов мертв, что легко опровергается. На всякий случай возьмем на заметку.

Так, что еще? Левитан? Его сам Сталин продвинул, ночью голос по радио услышав,

значит, диктор хозяину знаком и тут вопросов не возникнет. Мимо.

Остается «кровавый палач Берия». Так, вспоминай подробно. Берия в Москву переведен в 1938 году, сначала замнаркома, а потом и наркомом внутренних дел. Горячо! Точно, он перед седьмым ноября личную охрану Сталина сменил, Власик [\[1\]](#) стал вождя охранять! А прежний начальник охраны арестован за подготовку покушения был! Они прямо на мавзолее во время парада или демонстрации ударить планировали, ежовские люди. Как под патроном задымилось, засуетились и решили поступить кардинально.

Это что ж выходит? Я брякнул про Берию и его на внутренние дела не поставили? А с какого перепуга Сталин мне, Штирлицу, вообще поверил? Или просто решил перестраховаться? Нет ответа.

Ладно, что мне это дает? А ничего не дает. Я-то — в 2011 году, в чужом мире. Один как перст.

Сразу навалились черные мысли. Все потерял — сыновей, семью. Да вообще весь свой народ, судя по тому, что дед сказал! Сирота, круглее не бывает! Да по сравнению со мной Ункас — многодетный отец!

Стоп! Жалеть себя будешь потом, когда напьешься. Хм! Мысль не плохая, но несвоевременная. Подумаем лучше, можно ли все это как-нибудь исправить? А что, позвонить товарищу Сталину, объяснить все, покаяться. Хрен! Мобила сдохла! Зарядка в машине, машина у немцев на базе, а скорее всего, вообще — в другом мире. Отпадает.

С другой стороны, Иосиф Виссарионович до меня как-то дозвонился. Мы пообщались — и моего мира не стало. Опа! Я-то остался! Нестыковка! Может, все окружающее — глюк? Не, жрать хочется как наяву, натурально.

Соберись! В заднице сидишь, а мысли все одно на жратву перескакивают! На чем остановился? Так, мой мир исчез, я остался. Когда это произошло? По идее — сразу как я про Берию брякнул или даже еще раньше. Что-нибудь вокруг тогда изменилось? Вроде нет. Значит, мой мир идентичен этому? Стоп! Один-то вместе со мной перенесся, значит, какая-то территория просто ухнула из одного мира в другой. Место, место. Что в том месте особенного? Есть особенность, леший раздери! Камень! Еще тогда удивился его необычности, помню. Хм, синь-горюч камень, сказки и все такое? Может, и меч-кладенец под ним? Ну я ни разу не Илья-Муромец, чтоб этот валун ворочать, но сходить на место переноса надо, попытка не пытка, вдруг обратно перебросит, мол, пошутил я. Все равно других, более разумных в этой абсурдной ситуации, планов нет. Бежать мне некуда и незачем.

Итак — решено!

Эпизод 8

Четкое осознание ближайшей цели будто придало сил, и я, отбросив в сторону переживания и посторонние мысли, упрямо шагал через лес, избегая заходить в уже изрядно облетевшие березняки и осинники. Стрекот вертушек раздавался все чаще и чаще, поэтому я старался держаться под надежным хвойным прикрытием. Пару раз пришлось замирать и прятаться, когда вертолеты проходили совсем близко, вид же их меня немного обнадежил. Судя по игривой яркой раскраске, военными они не были, да и размерами не поражали, на три-четыре пассажира максимум. Такими машинами частую гребенку не обеспечишь, скорее

всего, они только поиском занимаются, а преследование идет по земле. Значит, еще побегаем.

Каждые пять-десять минут ходьбы я останавливался в каком-либо укрытии и слушал лес. Увидеть погоню в моих условиях гораздо сложнее, чем услышать, а кто предупрежден — тот вооружен. И вот, в один из таких моментов, я услышал едва уловимое: «вжих-вжих-вжих».

Огляделся по сторонам, но так и не увидел источник моего беспокойства. Между тем звук явно приближался, ну не невидимка же в самом деле! Тень, мелькнувшая по земле, заставила поднять взгляд выше, и я замер в изумлении. Между стволами деревьев плавно и величественно плыло нечто. Его тело, по которому струились, постоянно изменяя свое положение, темно-серые и темно-зеленые полосы, венчалось плавно машущими, полупрозрачными, стрекозиными крыльями. Зрелище было на редкость красивое, и я улыбнулся, рассматривая это чудо. Эх, жалко фотика с собой нет! Взгляд между тем остановился на трех черных точках, расположенных равносторонним треугольником на теле этого существа, они не двигались и казались глазами. Глазами?! Очарование мигом слетело. Епонский евин! Это ж дрон!!!

— Рихард, как ты думаешь, кто это? — спросил практикант-зоолог у своего руководителя. — Может, и правда, лесной дух, как говорил часовой с базы?

— Нет, Свен, это явно человек, — ответил напарник, разглядывая на мониторе то быстро перемещающуюся, то замирающую в кустах фигуру. — Лесным духам армейские бронежилеты и оружие ни к чему.

— Откуда здесь человек? Наши все на месте, колонии тоже вооружили своих всех, у армейцев тоже все, ну кроме пятерки, которая в лес ушла, — сказал практикант. — Может, кто-то из них сошел с ума и дезертировал?

— Нет, этих наши, — ответил Рихард, переключая режим монитора с черно-белого на цветной и обратно.

— Но как здесь мог кто-то посторонний взяться? Мимо наших кордонов в национальный парк никто не пройдет, а прибывающие туристы регистрируются и снабжаются маячками. Все они вышли на связь и предупреждены об опасности.

— Вот поэтому, Свен, нам и надо взять его живым, — задумчиво сказал начальник и распорядился: — Свяжись с нашими, предупреди их об этом, пусть ампульные ружья со снотворным прихватят с собой.

— Похоже, он нас заметил.

Человек на экране присел и закрутил головой, внезапно поднял взгляд и уставился прямо в камеру.

— Свен, увеличь и сфотографируй!

На застывшем на миг экране замерла грязная бородатая физиономия с идиотской улыбкой.

— Хайлиге шайзе! Это точно, псих какой-то.

Изображение внезапно дернулось, на экране что-то мелькнуло, и он погас.

— Переключись на другой беспилотник, да и сами, давай, поближе подлетим, — сказал Рихард. — Я вызываю десантную группу в этот район. Охотники! Я патруль пять, неизвестный обнаружен, вооружен, координаты... движется на северо-запад. Веду преследование. Ждем помощи.

— Мы выдвигаемся, — четко прозвучало в эфире.

Цель, благодаря камуфляжу, размазывалась, и истинные ее размеры угадать было сложно. Поэтому расстояние до нее я оценил неверно и пуля «Сайги» прошла выше, дрон оказался гораздо ближе ко мне, чем я рассчитывал. Да и стрелял я навскидку. Тем не менее, видимо, попал в один из соосных винтов, вниз полетели осколки прозрачного пластика, сверкая на солнце игривыми искорками. Дрон дернуло, повело в сторону, и он врубился лопастями в дерево. Осколки пластика посыпались вниз уже водопадом, и спустя мгновение переливающийся шар с треском упал на землю.

Так, меня засекли, и теперь вся надежда на скорость. Я рванул к ближайшим елкам и вовремя, над головой, правда, на большой высоте, прошел маленький вертолет.

Мой темп передвижения резко снизился, я уже не рисковал выходить даже в редколесье, приходилось продирается сквозь густой подлесок, нырять под еловые лапы и перепрыгивать поваленные стволы. Спустя полчаса такого бега с препятствиями я выдохся, между тем вдаль послышался новый, густой, басовитый гул тяжелого вертолета и, кажется, даже не единственного. Радует только одно — сесть им здесь негде, хотя, если используют спуск на подвеске, это значения не имеет.

Десантных бортов, действительно, оказалось два. Один гудел где-то позади, по моим расчетам, недалеко от того места, где меня засек дрон. Правильно, там есть небольшой заливной лужок на берегу речки, в которую впадает ручеек, текущий мимо камня. Значит, преследователям, чтобы выйти на мой след, через нее придется переправляться. Минут сорок у меня есть, если, конечно, пойдут по следу, а не устроят тупое прочесывание. Более вероятно первое, народу на борту от силы человек двадцать может быть, а лес здесь густой, прочесывание без гарантии. Значит собаки, по муравейнику я, само собой, уже давно потоптался, но, видимо, пора использовать и дедов дар для верности. Ха! Ну чем я не Сусанин? Залезут за мной в самую чащу — след потеряют. Принимается.

Второй тяжелый вертолет ушел куда-то далеко вперед по ходу моего движения. Ага, засада значит, но, судя по почти пропавшему звуку, слишком далеко, моя цель ближе. В случае же, если возле камня перехода нет, то не один ли хрен, как помирать. Сдаваться я в любом случае не собираюсь. Ладно, постоял, подумал, а теперь ходу, ходу, ходу! Осталось совсем немного!

М-да, а вот вторую группу я недооценил. Если те, кто шел по пятам никак себя не проявили, может, даже совсем на мой след не напали, то те, кто по моим расчетам, должны были тихо и мирно сидеть в засаде, меня напрасно поджидая, нагло направились мне навстречу!

Стоило только высунуться из чащи возле камня, как впереди между стволами, замелькали человеческие фигуры и послышался собачий лай. Я упал на землю и замер. Нет, это бесполезно, ветер в сторону противника, собаки найдут. Свинство! За пару шагов от цели! Впрочем, сейчас — или никогда! Они меня чувят, но пока не видят, надо рвануть броском вперед. Главное — подобраться к камню, верю, сработает! А если нет — то остальное уже значения не имеет.

И рванул! Впереди послышались возбужденные крики, грохнула пара одиночных выстрелов.

— Уррааа!!! — заорал я и выпустил из штурмгевера очередь на полрожка веером.

Лес на мгновение поймал мертвую тишину, будто время остановилось и все застыли на месте, только я, ломая низкие ветки, с разбегу залетел на вершину валуна.

— А ну вертай все взад, глиняная твоя душа!!! — выкрикнул я и подпрыгнул на месте, тут же получив шприц в бедро.

Мир внезапно кувырнулся, и я, сделав неполную пару сальто назад, растянулся во все свои 186 сантиметров, лежа на спине и широко раскинув руки. Картинка перед глазами закружилась, и я отрубился.

Глава 2

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

Эпизод 1

Очнулся я с жестокой головной болью и неприятной сухостью во рту. Рядом кто-то то ли тяжело вздыхал, то ли стонал. С трудом разлепив глаза и полюбовавшись на алое, подсвеченное зарей, облако прямо у меня над головой, я с трудом оторвал голову от земли и сел, неосторожно сломав при этом торчащий рядом сухой прут.

— Может, хватит шуметь? — громко проворчал я. — И так голова раскалывается.

В ответ раздался яростный рев и треск ломаемых сучьев, будто через лес ломанулся взбесившийся танк. Схватив первое, что попало под руку, на мое счастье это оказалась «Сайга», я выпалил в выскочившую на меня бурую гору все три оставшихся пулевых патрона и еще пару раз щелкнул курком всухую. Гора сделала еще пару шагов, упала на колени и ткнулась лосиной мордой у моих ног, едва не придавив ветвистыми рогами.

— Ничего себе, денек начинается! — только и смог промямлить я и упал обратно на спину.

В лесу воцарилась хрупкая тишина, только ветерок, играя в вершинах деревьев, тихонько шуршал и постукивал ветками, уже изрядно подрастерявшими свой осенний наряд, да тихонько падали листья, нашептывая что-то свое, человеку недоступное. Насколько я мог судить, оглядевшись вокруг, место было то же самое, вон ручеек со знакомым омутом, вот пригорок, на котором я и лежу. Вот только камня не было и в помине! Где ты, отродье магматическое? Ну да ладно, главное — сработало! Обломитесь, фашисты проклятые! Поймать меня хотели, ага! А я вас аннигилировал к чертям собачьим! Туда вам и дорога!

Все это, конечно, хорошо, я живой и есть надежда, что скоро буду относительно здоровый, но где теперь я сам? В любом случае, надо собрать себя в кучу и подняться, тем более лежать на редкость неудобно, под спиной мешается рюкзак и, несмотря на броник, чем-то давит в бок. Под задницей, судя по ощущениям, вообще какая-то палка. Решив начать с малого, слегка повернулся набок и ухватив рукой помеху под пятой точкой, на ощупь оказавшуюся теплой и гладкой, с легким шорохом плавно вытянул ее вбок. Повернувшись на место и скосив глаза, посмотрел на свою находку. Та-а-ак! Меч-кладенец имеет место быть! Что теперь, Баба-Яга из кустов вылезет?! Да сколько ж можно! За что это все на мок голову?!

Раздражение решительно вымело из организма похмельную апатию, и я, несмотря на боль в затекших ногах, встал. Правое бедро отозвалось жжением. Ощупав себя, наткнулся на шприц, воткнувшийся минимум на половину иглы.

— Уроды! — вслух еще раз ругнув немцев, избавился от помехи. — Надо бы место укола йодом обработать.

Это что, уже сам с собой разговариваю? А почему нет? Всегда приятно поговорить с хорошим человеком, а лучше всего спеть. И я, полностью раздевшись и оглашая лес громким воплем «Косил ясь конюшину» сбежал к омуту и бултыхнулся в черную, ледяную осеннюю воду. А-а-а-xxx!!! Так и сердце остановиться может! Дыхание перехватило сразу, пришлось

выскакивать обратно. Но как бодрит! С первым днем тебя, родной, в новом, судя по отсутствию камня, мире! День рождения, ура! Буду отмечать, тем более, что отдых мне позарез нужен — целую неделю уже на ходу. Подобрал часы, что там у нас за число? Ага, пятое октября, среда.

Эпизод 2

Поскольку никаких признаков цивилизации вокруг не наблюдалось, а к походу я совершенно не был готов, решил посвятить целый день бытовым хлопотам. В основном заготовке провизии, благо мяса теперь у меня хоть завались. Чего не скажешь о соли и остальном, видимо скоро вообще одной лосятиной придется питаться.

При разделке туши с самой лучшей стороны показал себя трофейный штык-нож, который я решил попробовать в деле. Сначала хотел просто отрезать заднюю ногу и уйти подальше, ну куда мне такая гора мяса? Да и волков тоже надо иметь в виду, хоть они в первой половине осени и сытые. Но жадность взяла верх, решил идти до конца и нож меня не подвел, такое впечатление, что эта работа на заточке никак не сказалась.

Чуть в стороне разложил аж четыре костра, благо дров вокруг полно, и приступил к таинству приготовления пищи. Да, устроил себе праздник живота, и отварные язык с губой тебе пожалуйста, и печень жареная. Обедение! Впрок же нажарил шашлыка, мариновать, конечно, времени не было, но что имеем, тем и рады.

В промежутках между этими хлопотами уделил время своему оружию. Если с «Сайгой» проблем не было, ну что для меня почистить «калаш» — пятнадцать минут, то трофей заставили с собой повозиться. Пользоваться ими, осмотрев внешне и разобравшись с затворами, предохранителями и переводчиком, я более-менее мог, а разборка-сборка заставила пораскинуть мозгами. В конце концов, и с этим справился. Штурмгеве́р мне достался не новый, но ухоженный и много времени тоже не отнял. Патрон к нему 5,56x45 похоже, штангенциркуля у меня нет, но на первый взгляд именно он. «Вальтер» же меня возмутил, в стволе не то что ржавчина, а чуть что не чернозем, с ним пришлось повозиться. Проверил пружины и переснарядил все магазины. Для «Сайги» осталась только дробь и восемь картечных выстрелов, боекомплект к штурмгеве́ру ограничился двумя с половиной тридцатипатронными рожками, еще два пустых закинул в рюкзак. В патроннике «вальтера» нашелся семнадцатый к двум обоймам. Бонус, приятно.

Следующим мое внимание привлек меч, который я невольно старался игнорировать, будто бы надеясь, что он пропадет, растворится в воздухе сам собой, и мир, вернется обратно, в привычное мне, хоть чуть-чуть прогнозируемое, состояние. К моему глубокому сожалению, этого не произошло, и я решил, в первую очередь, его хорошенько рассмотреть. Видал я раньше древние мечи — один сплошной кусок ржавчины, если почистить, то там от железа-то почти ничего и не оставалось. Этот же был в прекрасном состоянии. Попробовав ногтем заточку, я был приятно удивлен. Длинный, пожалуй, около метра, однодольный обоюдоострый клинок благородного матового серого цвета был украшен симметричным волнистым рисунком чередующихся слоев стали. Бронзовая рукоять сразу вызывала ощущение древности своим черным цветом, перекрестья не было, и гарда, ограничивалась лишь упором для кисти. С другой стороны рукояти было идеально шарообразное яблоко. Никаких надписей, клейм и узоров на мече не нашлось, исключая «кельтский крест» на

навершии. Хотя называть его так категорично я бы поостерегся, на церквах Новгорода таких крестов полно.

Взяв меч в руки и слегка им помахав, окончательно убедился, что это оружие конника, на спату очень похож, позволяет наносить как рубящие, так и колющие удары. Выбрав неподалеку подходящую сухостойну, толщиной около пяди, нанес рубящий удар по диагонали слева сверху вниз. Тумм! Клинок вошел в дерево больше чем на половину диаметра и застрял, думаю, если бы бил строго по горизонтали, то перерубил бы на раз. Елку пришлось подтолкнуть, и она, ломая сучья соседних деревьев, рухнула на землю. Подходяще! Вот только рукоять узковата, по-видимому, раньше она была чем-то обшита. Ладно, позже раздобуду кожаный ремешок и навью на нее по руке, заодно и темляк получится.

А вот ножен к мечу не оказалось, я даже не поленился покопаться в земле на месте находки. И как же мне тебя с собой таскать? Пришлось спрятать клинок в брезентовый чехол от «Сайги», предварительно слегка смазав оружейным маслом и обмотав тряпками.

Остаток времени посвятил приведению одежды в состояние костюма лешего. Пришил на брезентуху, броник и рюкзак пучки сухой травы, благо осенью их менять по мере увядания не надо, как летом. Нещадно обкорнал кобуру «вальтера», превратив ее в открытую. Прорезал с внешней стороны в остатках кобуры два отверстия под ремень, теперь она, вместе с содержимым, будет надежно прижата к телу. От натирания пуза оружием предохранят остатки клапана, а ремешок просто засунем между ремнем и кобурой, избавившись от застежки. Привычно и позволяет моментально извлечь оружие, гарантируя при этом, что оно не выпадет в самый неподходящий момент. Вот теперь я ко встрече с недобитыми фашистами готов.

Солнце уже перевалило далеко за полдень, глянул на часы — почти четыре. Пора собираться и уходить, а то ночью сюда наверняка пожалуют серые зубастики, мне такая компания ни к чему.

За пару часов отойду километров на пять-шесть, там можно и на ночлег устраиваться.

Нищему одеться — лишь подпоясаться. Только это не про меня, я теперь далеко не нищий, барахла даже больше, чем хотелось бы. Рюкзак забит пожитками и шашлыком, кусок лосиной шкуры, свернутый как переметная сума, им же. Еще три ствола, меч, ножи, топорик, всего добра килограммов на сорок — сорок пять. Ну ничего, запас карман не тянет.

Эпизод 3

Пятый день иду лесом на юг. Никаких признаков цивилизации по-прежнему нет. Нет деревень, дорог, не летают самолеты, нет даже одиночного паршивенького следа. На территорию городка ракетчиков я само собой прогулялся, но ничего не обнаружил, кроме девственного леса. Это куда ж меня забросило?

Вот ведь человек зверюга какая, вечно чем-то недоволен. Когда меня фрицы по лесу гоняли, подумывал, что обрадовался бы даже обществу Гайдара на пару с Чубайсом, не к ночи будь помянуты. Сейчас уже искренне жалею о немцах, и пристрелить-то меня несчастного некому, а самому не к лицу, да и грех. Завтра, наверное, буду думать, что и Бабка-Ежка не такая уж дурная компания, докатился. И уж совсем плохо было бы, окажись я единственным человеком на этой земле.

А если серьезно, то вопрос «что делать?» вновь встал передо мной в полный рост.

Вариантов, по сути, было всего два. Первый — продолжать движение в надежде встретить людей. Второй — готовить зимовье и продолжить поиски в следующем году. В общем дилемма — журавль в небе или синица в руках. И решать надо быстро, сегодня уже десятое октября как-никак, скоро зарядят затяжные дожди и падут первые заморозки. До них надо успеть устроить себе более-менее надежное и теплое жилище, как минимум. Вообще-то говоря, решить нужно было еще вчера, а то и позавчера, обустройство на зиму дело не быстрое, но я еще на что-то надеялся.

И не зря. Под вечер пятого дня, когда лес уже затаился в сумерках, я вдруг услышал далекий, протяжный гудок. Это, по-видимому, пароход или паровоз, либо их более современные аналоги. Развернул карту чтобы хоть примерно прикинуть свое место, так, это, по всей видимости, железная дорога Ленинград — Вологда. Определившись со своим местом, принялся матерно ругать себя на чем свет стоит. Это ж надо! А еще говорят, дуракам везет! По всему выходило, что я оказался недалеке от железки, аккуратно обойдя лесом ближайшие населенные пункты, отмеченные на карте. Пусть в мое время они в основном позаброшены, но где гарантия, что время именно мое? Надо было сразу идти в ближайшую деревню, дубина! На заднем плане мелькнула мысль, что нет худа без добра. А ну как там немцы?

На следующий день, преодолев еще километров десять до железки, выбрал удобную позицию в кустах, и приготовился наблюдать. Так, что тут у нас? Железная дорога, однопутная, проводов над путями, за исключением телеграфных, нет. Значит — не электрифицирована. Интересно, это когда ж эта ветка в таком виде была? Максимум до шестидесятых, наверное, все ж Европа, не Дальний Восток. Ага, кто-то неспешно топают вдоль путей, пока далековато, даже бинокль рассмотреть подробности не помогает. Подождем, но очень похоже на обходчика, молоток присутствует. Поговорить? Не-е-ет. Напугаю, взаимно приятного общения не получится. И что, в лес его потом? Так что, глазками пока посмотрим, торопиться мне теперь некуда.

Слева, из-за дальнего поворота со стуком и шипением показался поезд и дал короткий гудок. Над котлом черного паровоза вспух султан пара и рассеялся в дыму. Обходчик отошел немного в сторону от пути и приветливо помахал рукой, поздоровались, значит.

Рассматривая в бинокль приближающийся паровоз, разглядел на его котле красную звезду. А жизнь-то налаживается! По крайней мере немцами здесь и не пахнет. Хорошо! Выходит, по моим выкладкам, война еще не началась. Значит, сейчас самое позднее сороковой год. В запасе около восьми месяцев минимум, можно попробовать побарахтаться. Под эти мои рассуждения паровоз неспешно протащил мимо около десятка платформ, груженных лесом.

А вот теперь мне позарез нужен план. Что мы имеем? Отрезок времени с семнадцатого по сорок первый год и немецкое вторжение в перспективе, с хреновыми последствиями, вплоть до полного уничтожения моей Родины. Что я могу в этой ситуации сделать? М-да, лишней армии у меня в кармане не завалилось, по сути, у меня есть только информация. Как ее наиболее эффективно реализовать? По-любому, нужно выходить на высшее руководство. А кто у нас высшее руководство? По последним сведениям — до 7 ноября 1938 года товарищ Сталин, а потом не знаю, скорее всего, там жуткая драка за власть должна была быть. Здесь мне нужна дополнительная информация. И при ее получении желательно не засветиться, чтобы сохранить свободу маневра. Мелкие населенные пункты отпадают, там все друг друга знают и придется врать, объясняя, кто я и откуда, что чревато. Значит, мне нужно в город.

Ближе всего Череповец, дальше Вологда, от нее можно и до Москвы добраться уже. Вот и ладушки, ближайшая цель определена. А теперь отползем обратно в лес, обходчик уже близко, да и приготовиться к поездке надо.

Эпизод 4

Первым делом, коли уж я решил, что войны нет, необходимо избавиться от оружия. Само собой, выбрасывать я его не собирался, но и в открытую носить его нет никакой возможности. Поэтому, еще раз почистив оружие, принялся распахивать его по сумкам. Для штурмгевера с его не складываемым прикладом место нашлось в чехле, в теплой компании с мечом. А «сайгу» пришлось сложить и запихнуть в рюкзак. Ствол, естественно, не поместился, пришлось пустить на его маскировку бандану. Осталась у меня еще вязаная шапочка, для этого времени не характерная, придется рискнуть, а при первой же возможности разжиться местным головным убором.

Следующим предметом забот стал бронежилет. Носить это камуфлированное чудо в открытую — проще транспарант развернуть: «Я не отсюда и, вообще, непонятно кто». Пришлось потратить время на спарывание соломы с броника и одеть поверх него брезентуху. Налезла с трудом, теперь я этакий крепыш на вид, не подходи — задавлю. Немного неудачно вышло с «Вальтером», нижний край броника слегка мешал быстро его вытащить, придется пережить. С другой стороны, благодаря «поддевке» пистолет на брючном ремне, прикрытый курткой навыпуск, совершенно не выделялся.

Ну вот, теперь уничтожить лишние запасы и вперед. Уничтожать шашлык пожиранием — сплошное удовольствие, до определенной стадии. Пришла на ум фраза Верещагина из «Белого солнца пустыни»: «Опять икра! Хоть бы хлеба достала, что ли!» Тем не менее жадность не давала остановиться и, когда я уже не мог запихнуть в себя ни кусочка, закономерно не смог с первой попытки подняться на ноги. Хорошо, что вообще встал. Проглот, блин! А еще поезд бегом догонять собрался! И как теперь? Любим же мы создать себе трудности, а потом героически их преодолевать!

Эпизод 5

Четвертый час лежу рядом с железкой, изображая пук соломы. На запад идут поезда с лесом на платформах, но мне туда не надо. На восток прут теплушки. Ну хоть бы на одной тормозная площадка была! Похоже, мои переживания по поводу пробежек на полный желудок оказались совершенно беспочвенными. Время уже к вечеру, смеркается, обходчик прошел в обратную сторону приблизительно час назад. И, как назло, в это же время прошел поезд, составленный из платформ с какими-то ящиками под брезентом. Это то, что мне нужно! К сожалению, пришлось пропустить.

«Мой» поезд показался, когда я уж совсем собрался уползти в лес и устроиться на ночлег. Паровоз попыхивал дымом, который удачно сносило в противоположную от меня сторону, позволяя разглядеть сам поезд. Увиденное, впрочем, меня совсем не обрадовало, за паровозом были все те же теплушки. Ладно, пропущу и уйду ночевать. Состав тем временем приблизился, и я увидел за первыми тремя товарными вагонами длинный ряд платформ.

Сейчас или никогда!

Лишь только поезд изогнулся на повороте и скрыл меня от взгляда из будки машиниста, я рванул к неспешно проходящим мимо меня платформам что было духу. Ухватился за край и изо всех сил оттолкнулся от земли. Есть! Я теперь на коне!

Груз составляли все те же большие деревянные ящики, между которыми я и забился, укрывшись брезентом. Пространства там было — только-только протиснуться человеку, но в длину позволяло лечь во весь рост. Мне большего и не нужно, и так путешествую высшим классом, в индивидуальном вагоне. Ради интереса оторвал с помощью топорика одну доску и, подсвечивая фонариком, заглянул внутрь. Похоже, станки. В Череповце и Вологде крупных индустриальных строек до войны, кажется, не было. Значит, груз транзитный. Хорошо. Но на всякий случай нужно держать ухо востро, а то завезут на какой-нибудь завод, выбирайся потом с территории. Если поймают, с моим-то барахлом, — сразу шпионом окажусь, как пить дать.

Остаток светлого времени посвятил спарыванию пучков сена с одежды и рюкзака. Пора из леших обратно в людей переквалифицироваться.

Поезд медленно шел сквозь ночь, отстаиваясь на разъездах, пропуская встречные. Долго стояли в Череповце, наверное, меняли паровоз, пришлось сидеть, затаившись как мышь, железнодорожники осматривали состав. На этой долгой остановке решил не высаживаться. Что я в чужом городе и чужом времени среди ночи делать буду? Доеду уж до Вологды, пока везут, а там посмотрим.

На конечную точку своего маршрута я прибыл под утро, часов в семь, совершенно разбитый. Все-таки частые остановки и необходимость отслеживать путь не способствуют спокойному сну. А организм любит, когда его спят ночью.

Как бы то ни было, я на месте. И, осторожно спрыгнув с платформы, прошмыгнув меж каких-то сараев-складов, оказался в городе.

Глава 3

ВОЛОГДА

Эпизод 1

Несмотря на ранний час, жизнь в провинциальном городе уже кипела вовсю и на улицах было довольно много народу. Особенно поразила очередь в булочную, которая тянулась метров на тридцать уже по улице. В прошлой жизни я больше всего ненавидел именно стоять в очередях. Это что ж, если я здесь останусь, и мне так придется? Лучше бы меня пристрелили!

«Не каркай!» — ехидно выступил внутренний голос и опять спрятался подальше в подсознание. Эх, где ж ты был, когда я последний раз по телефону разговаривал!

Первым делом я направился на вокзал, благо он был недалеко, чуть дальше по улице, и не пришлось искать его методом опроса прохожих. Все-таки, чувствовал себя я не совсем уверенно. Сам вокзал представлял собой красивую кирпичную постройку, чем-то похожую по стилю на Белорусский вокзал Москвы, только более скромную по размерам, не хватало привычной бело-зеленой расцветки. Здесь на покраске стен явно сэкономили, ограничившись только обрамлением окон и дверей.

Внутри вокзала был натуральный людской муравейник. Даже не ожидал такое увидеть, люди спали на узлах, здесь же рядом ели, множество народа хаотично передвигалось без видимой цели. В воздухе сильно сквозило от постоянно раскрываемых дверей, и стоял глухой гул голосов.

Протолкавшись к расписанию, вывешенному на стенде, с замиранием сердца прочел: «Расписание движения поездов от станции Вологда на 1929 год». Приплыли. Простоял пять минут, свыкаясь с немудрящей мыслью, что о 1929 годе я вообще ничего не знаю. При этом меня толкали со всех сторон суетящиеся люди, а я стоял, раскрыв рот, и ничего не чувствовал.

Наконец, приведя мысли в порядок, нашел в расписании поезда дальнего следования на Москву. Так, отправление два раза в сутки в восемь и двадцать часов ровно, на утренний я, в принципе, успеваю, если б были деньги местного образца на проезд. В любом случае, пройти к кассам, посмотреть на процедуру продажи билетов будет отнюдь не лишним. Вдруг здесь без паспорта никуда не уедешь?

Переместившись к окошку дальнего следования убедился, что оно уже открыто, но народу не сказать, чтоб много. Да что там, мало народу едет! Вот пригородные кассы чуть ли не штурмом берут, тоже плохо. Потоптался невдалеке, вроде бы просматривая тарифы на проезд, посмотрел процедуру продажи билетов, вроде ничего, кроме денег, не спрашивают, это уже лучше. Ладно, вернусь вечером, теперь главное достать энную сумму наличности.

Тут, кстати, подошел пригородный поезд и толпа народа потекла с перрона через здание вокзала. Из разговоров двух теток я понял, что они направляются на толкучку. Взглянув на толпу с мешками и всякой всячиной, решил, что не они одни, смешался с потоком и отдался его воле. Лучший способ купить что-либо нужное, как говорил Матроскин, это продать что-либо ненужное. Шапка, билет, жратва мне была нужна, а вот

четыре немецких штык-ножа явно лишние.

Эпизод 2

Городской рынок Вологды произвел на меня тягостное впечатление. Народ кучковался на сравнительно небольшой площадке неправильной формы, ограниченной небогатыми домами и хозяйственными постройками. Под ноги то и дело попадались рытвины в ветхой мостовой, заполненные осенней грязью.

Для порядка немного потолкался, прицениваясь к местным товарам. Все-таки в экономических реалиях двадцать девятого года я совершенно не ориентировался. Народ суетился и торговался, в основном продавая скоропортящиеся продукты и то, что в девяностых называли «сэконд хенд». Покупать в большинстве старались хлеб и различные крупы, а также хозяйственный инвентарь, посуду и бытовые мелочи. Найдя продавца с топорами и прочим острым железом и выбрав момент, когда народу вокруг стало поменьше, подошел и, указав на первый попавшийся колун, спросил:

— День добрый! Эта игрушка в какую цену, хозяин?

— Добрый! — последовал не слишком приветливый, судя по интонации, ответ: — Не игрушка это, а справный инструмент для хорошего плотника.

— Пусть так, не хотел обидеть, прости, — с готовностью извинился я. — Так по чем?

— За полсотни рублей отдам.

— А не дороговато ли? Какие-то они у тебя все разные, — попытался поторговаться: — Не фабричные, что ли?

— Да что ты понимаешь! Это я сам ковал, своими руками, а фабричные — мусор, и сравнивать нечего.

— Ой ли? А железо откуда берешь? На заводе покупаешь?

Продавец потупился, видно вопрос больной.

— Ну лом разный перековываю, но ты не смотри, я кузнец потомственный, свое дело знаю.

— Раз дело знаешь, то скажи мне, добрый человек, — достал заранее приготовленный немецкий штык, — вот эта вещица на какую цену потянет?

Кузнец повертел нож в руках, рассмотрел внимательно, попробовал ногтем заточку и заодно на звук, посопел и изрек.

— Знатная штука, если б сам продавал, то не дешевле своего топора, но у тебя не возьму, нет у меня денег таких. Да и клеймо на нем больно странное.

— Это знак качества, — соврал я про фашистского орла на свастике. — Может посоветуешь, кому продать такое можно?

— Ты, мил человек, в мясной ряд сходить попробуй, может, кто и возьмет.

— И на том спасибо.

Да, облом. Не к тому человеку обратился, сразу не мог сообразить, что продавать пользователю нужно, а не производителю. Хоть приблизительную цену узнал, и то хлеб.

Придется потолкаться среди торговцев мясом, благо их здесь неожиданно много. Вопрос прояснил не в меру разговорчивый торговец, простодушно заявив.

— А чего ради скот беречь? Все одно в колхоз заберут, а так хоть прибыль.

На мое счастье, первая же попытка впарить трофеи вышла относительно удачной,

получилось, после яростного торга, продать один нож за сорок рублей. Хотя просил я за него изначально шестьдесят, но видно торговля — не мое, устаю от нее неимоверно, не лежит душа. Стоило только покупателю согласиться на минимально приемлемую для меня сумму, как ударили по рукам и я отправился попытать счастья к соседу, заинтересованно поглядывавшему в нашу сторону. Так, пользуясь стайным инстинктом, все берут — и я возьму, удалось продать еще два немецких тесака, а вот четвертый застрял, желающих на него не находилось, пятый же я решил оставить на память.

Уже хотел удовлетвориться достигнутыми результатами в сто двадцать восемь рублей и покинуть нелюбимое мной место торжища, как вдруг меня тихонечко подергали за рукав.

— Дядя, ножик продаешь? Глянуть можно?

Я обернулся и увидел перед собой молодца-крепыша невысокого роста, но широкого в кости. Из-под кепки выбивались белобрысые волосы, а светло-голубые глаза, казалось, рассыпали смешинки. Улыбаясь во все тридцать два зуба, парень прямо смотрел мне в глаза и весь, кажется, лучился изнутри добром.

— Ну что ж, за погляд денег не беру, держи, — достал нож и подал рукоятью вперед, — али покупать собрался?

— Купил бы, сразу видно — клинок хороший, да и удобный, — парень погрустнел. — Да денег с собой нет. Может, дойдешь со мной до дома? Здесь недалеко, там и по рукам ударим.

— Ладно, веди, коли недалеко, — с легкостью согласился я, осточертело уже вертеться на этой толкучке. — Только шапку быстро по дороге куплю, я сюда возвращаться не собираюсь и так полдня здесь убил.

Сделав все свои дела, я с новоявленным покупателем прошел на соседнюю улицу и дошел до богатого с виду дома.

— Вход на нашу половину сзади, сейчас обойдем и на месте, — пояснил парень. — А что это за знак на ноже?

— Знак качества, — уже привычно соврал я. — Может, помнишь, такие кресты, даже на деньгах печатали раньше, свастика называется.

— Да, было дело. Но нож уж больно необычный, особенно рукоять. Из чего она?

— Пластик это называется, на ощупь теплая и не скользит, а форму придать любую можно, — принялся рекламировать я товар.

— Да? Ну-ка дай подержусь! — заинтересовался мой собеседник и остановился.

Мы тем временем обошли дом и оказались в глухом тупике, с одной стороны ограниченном стеной дома с единственной дверью, без окон, с других сторон все закрывал дощатый забор выше человеческого роста. Лишь только рукоять ножа оказалась в руке молодца, как лицо его неузнаваемо переменилось. Мне показалось, что оно резко посерело, оскалилось, а глаза приобрели жестокое решительное выражение и стальной блеск.

— Х-ха!

Все произошло в момент, а я, находившийся в расслабленном состоянии, не успел среагировать. Если бы не бреник, то нож торчал бы у меня в левом подреберье. Мой теперь уже противник такого развития событий явно не ожидал и на миг растерялся, что дало мне возможность перехватить кисть вооруженной руки левой и крутануть ее наружу, одновременно нанося в лицо хук с правой. Парень отрубился сразу, перевернуть его на живот и связать руки за спиной, было уже делом техники.

Во время этих танцев мое внимание привлекла куртка этого отморозка, решившего

зарезать человека ради какого-то ножа. Или, может, следил за мной на рынке, вычислив чужака, и видел как я расторговался? Тоже вполне себе вариант.

Когда он падал, полы разлетелись и при ударе о землю там что-то звякнуло. Быстренько обыскав тушку, нашел в правом кармане «наган», в левом горсть патронов к нему и немного мелочи, внутренний вознаградил меня двадцаткой.

М-да, коммерция мне не удалась, а вот оружие к рукам прямо таки липнет. Нехорошо, конечно, что я с криминальным элементом пересекся, надо теперь ноги делать и ухо держать востро. А ну как у него здесь дружков прорва, сунут в суতোлке заточку и поминай как звали.

Вариант с вызовом милиции тоже игнорировать нельзя, ведь это я уже сейчас грабителем получаюсь. Надо бы где-то отсидеться оставшиеся восемь часов до отправления поезда.

Эпизод 3

Рассудив, что следует избегать больших скоплений народа, равно как и безлюдных улиц, шел по городу сторожась, и ноги как-то сами привели меня в самый центр города, к Воскресенскому собору. Службы не было, либо уже закончилась, вокруг храма было пусто, будто его специально обходили стороной. Поднял взгляд на купола и с языка само собой слетело:

— Господи, помоги!

Тут же внутренний голос ехидно заметил.

«Нашел время молиться, тем более что крещеный, да не особо верующий. Когда в церкви последний раз был-то? Только на свадьбы да похороны и заходишь. Ни одной молитвы не знаешь, а все туда же, помощи просить собрался».

На что совесть резонно возразила.

«А почему нет? Или это не ты своим болтливым языком товарища Сталина угробил? А следом и весь свой народ? Есть ли грехи тяжелее? Искупать как думаешь? Для этого нужно совершить невозможное, без веры и Божьей помощи тут не обойтись. Достоин ли ты ее без покаяния?»

Пока длился этот внутренний диалог, я уже подошел к дверям и взялся за ручку, распахивая створку. Навстречу вышла древняя старуха и, глядя на меня, проворчала:

— Даже лба не перекрестил, ирод. В храм Божийходишь!

Виновато посторонившись, пропуская бабушку, вошел вовнутрь. Кроме меня в соборе никого не было, и я, не спеша, прошел к алтарю, рассматривая по пути лики святых на фресках и иконах. Мне хотелось хоть какого-нибудь знака или ощущения, будто я привлек чье-то внимание, но святые молчали, строго глядя на меня со стен, не выказывая ни осуждения, ни одобрения, будто я был им совершенно не интересен. И тогда я остановился и, подняв глаза к своду, начал тихо говорить:

— Господи, взгляни на меня. Не знаю, как правильно к Тебе обращаться, поэтому буду говорить как могу. Я много грешил и мало молился, поэтому и вырос, наверное, таким раздолбаем, позволившим себе шутить именем предков, многие поколения которых поливали эту землю потом и кровью, строя и защищая свою страну и свой народ. И не мне судить их, ничего путного за все свои тридцать три года не сделавшему, а только Тебе. Вижу

свою вину и благодарен Тебе, что у меня есть возможность ее искупить. Но как же мои современники? Конечно, мы не самое лучшее поколение, живем, проматывая отцовское наследие. Неужто мой мир недостойн даже страшного суда и Ты его просто отменил, вернув время вспять? Нет, я в это не верю, ведь каждый человек наделен бессмертной душой и ее нельзя просто взять и отменить, будто ее и не было, есть всего два пути и они известны. Конца своего мира я не помню, исчезнуть просто так он не мог, значит, получается, этот мир параллельный и его будущее для меня сокрыто? Конечно, могу предполагать возможное развитие событий, глядя на миры, в которых побывал, но будущее не определено и, значит, мне оставлена свобода совершать. А раз мне дано знание, то и спрос с меня будет соответствующий.

Я замолк и стоял, ощущая небывалое спокойствие и уверенность в своей правоте.

— Благодарю тебя, Господи, что принес покой в мою душу и направил мои мысли. И еще кое-что, — достал из чехла меч и встал на колени. — Я не отступлюсь, пока жив, эта земля останется нашей.

Торжественно поцеловав клинок, убрал его на место.

— Об одном прошу, если я не оправдаю твоих надежд, или сгину не успев сделать всего необходимого, не допусти того, что я видел во предыдущем мире.

Ох и тяжело быть хоть немного откровенным, даже в храме Божьем. Ладно, как сумел, пора уходить. Подобрал свои вещи, обернулся и уперся во внимательный взгляд.

— Доброе ли дело задумал, сын мой? Прости, я наблюдал за тобой и видел, как ты клялся на мече. В этом храме такого несколько столетий не было. Не хочешь исповедаться?

Передо мной стоял дед из того, проклятого немецкого мира или его близнец. Если бы не ряса, я бы точно начал себя щипать, а так просто стоял, разинув рот, и тупо пялился на священника.

— Слышишь ли ты меня, сын мой?

— Слышу, отче, не клялся я, ибо сказано не клясться, а говорить да-да, нет-нет. Или как там у вас? Дело у меня доброе, правое и абсолютно необходимое, но очень трудное, от того и пришел за помощью и благословением, да кто ж мне его даст без исповеди. А исповедаться хотел бы, да не могу, слишком много весит сейчас мое слово и за каждое я в ответе, боюсь навредить.

— Воля твоя, когда будешь готов, приходи, не так уж много сейчас людей без страха в храм заходят. Да и позакрывали храмы коммунисты проклятые, всего четыре на всю Вологду и осталось, видно настают последние времена.

— Уныние грех, отче, все образуется. А скажи мне, сын у тебя есть?

— Есть, но не напоминай о нем, подался в большевики поперек отцова слова, Бога отринул.

— Не сердись на него, хороший он человек, правильный, точно говорю. Скоро сын у него родится, на деда будет похож. Прощай.

И оставив священника в полной растерянности, подобной той, в которой находился я сам минуту назад, быстро вышел из собора.

Эпизод 4

Вот это да! Мне казалось, что в соборе я провел не более десяти минут, а на самом деле

был там почти два часа! И организм уже стал настырно напоминать, что, укрепив дух, неплохо было бы позаботиться и о теле. Кроме того, надо еще и в дорогу что-то с собой прикупить, а на рынок я больше не ходок. Пришлось зайти в заведение с вывеской «Ресторан», что, на мой взгляд, было большой натяжкой, но хоть покормили от пуза, недешево, правда. Еще и заказал на троих, а излишки с собой завернул, бутылку водки не забыв.

Официант, уже нацелившийся на остатки обеда с сожалением посмотрел мне вслед, на его лице прямо заглавными буквами читалось: «Деревенщина». Вот молодец, на правильную мысль натолкнул, поищу-ка я парикмахерскую. Или как она в этом времени называется?

Ха! Видели бы вы лицо мастера опасной бритвы, когда я спросил у него про женщин в штате! Так оскорбить человека в лучших чувствах! И не будешь же объяснять, что парикмахер неженского пола у меня ассоциируется исключительно с личностью «звезда в шоке». Но! Видимо, тут еще оставались пережитки демократии и свободного рынка, где желание клиента — закон, и меня шустро подстригла молоденькая девчушка, видно дочка мастера. Одного взгляда в зеркало мне хватило, чтобы все стереотипы прошлой жизни рассыпались прахом, и допускать это милое создание с опасной бритвой к моему лицу я наотрез отказался. Парикмахер, довольный собой, незлобно надо мной подшучивая, быстро и радикально убрал женские огрехи, заодно и сбрил бороду с усами подчистую. В итоге я покинул заведение наодеколоненный и стриженный под Котовского. Что ж, скупой платит дважды, да и результат не так уж и плох, вспомню армейскую молодость.

За всеми этими хлопотами время пролетело незаметно, и вот, ровно в девятнадцать ноль-ноль я уже первым стою у окошка кассы и беру билет до Москвы. К моему великому сожалению, а также благодаря моей глупости, выкупить купе не получилось, задал кассиру прямой вопрос, вместо того чтобы купить билеты молчком. Ответ меня обескуражил своей железобетонной непробиваемостью.

— Не положено!

Что ж делать, придется ехать с соседями и трястись всю дорогу, как бы меня не раскусили. Да где наша не пропадала! С другой стороны, может, чего полезного для себя узнаю, в это мире я еще ни с кем достаточно долго не общался, а тут деваться некуда.

И вот наконец паровоз, пыхтя, вытягивает состав из вечерней тьмы к платформе. Проверка билетов и посадка пассажиров много времени не заняли, наконец добрался до купе. С замиранием сердца постучался, какие-то соседи мне достанутся?

— Можно, — откликнулся женский голос.

Только этого еще не хватало после недельных прогулок по лесам без бани! Но деваться некуда, надо входить.

— Здравствуйте, меня зовут Семен Петрович, буду вашим попутчиком до Москвы, — замялся я на входе.

— И вам не хворать! Да проходите же, окно открыто, сквозняк. Зовите меня Александрой Васильевной. А лучше — товарищ Артюхина.

Я невольно улыбнулся.

— Ну вот и славно. Как сказал Гагарин — поехали!

Эпизод 1

Вот так попутчица мне досталась! Нет, внешне — ничего особенного, обычная женщина средних лет, весьма приятная на вид. Первое впечатление портили только сосредоточенное, кажущееся сердитым выражение лица и серьезный взгляд серо-голубых глаз, которыми она вдумчиво изучала машинописный текст на отдельных листах и в подшивках, извлекая их из одной папки и, часто ставя пометки, зачеркивая и исправляя, складывала в другую. За этим занятием она здорово напоминала мою учительницу начальных классов из, уже далекого, счастливого детства. Сходство было таким, что я, невольно улыбаясь, уплыл в воспоминания о том, как строгая тетя постоянно отчитывала хулиганистого сорванца, точно так же внушительно делая паузу и поджимая губы после каждой сказанной фразы, глядя сверху вниз строгим взглядом. А я, смотря снизу вверх, ни в чем не признавался, если уж вина была совсем очевидной, просто молчал, как партизан на допросе, стараясь упрямо не опускать глаз. Ох, было времечко! Или, теперь правильно говорить «будет?». Учительница-то моя еще даже не родилась. Да, наверное, «будет», если очень постараюсь, только вот уже не для меня.

Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется.
И сердце девичье зайдет
В восторгах чувств не для меня.

Песня, возникшая на задворках сознания, как нельзя некстати наложилась на ставшие грустными мысли, и я, задумавшись, стал тихонько напевать вслух, копаясь в рюкзаке. Пока не поднял лицо и не наткнулся на жесткий вопрос:

— Казак?

— Нет. — Я растерялся. — А, так вы о песне? Хорошая она, больно мне нравится.

— Песня казачья, они враги советской власти, стало быть, вражеская она.

— А вы за советскую власть значит? А если казаки Интернационал станут петь, он что, тоже вражеской песней станет?

Тут уже опешила моя собеседница.

— Как казаки Интернационал станут петь? Не будет такого никогда!

— Да ладно! Уже есть! Буденный ведь казак?

— Не смейте трепать имя товарища Буденного! Он — красноармеец!

— А червонное казачество как же?

Ну вижу, нечем крыть, сейчас тему сменит.

— А вы сами на какой платформе стоите?

— Я, слава богу, на поезд успел и теперь сию, а вскорости и лечь собираюсь.

— Не прикидывайтесь, вы прекрасно поняли, что я о политической платформе

спрашиваю.

— А... Вот вы о чем. Так я из партии политических пофигистов.

— Как это?! — Ага, снова удалось тебя, дорогая, озадачить.

— А вот так, все равно мне, коммунизм ли, капитализм ли, лишь бы людям было хорошо и подонков поменьше, внешних и внутренних, чтоб жить не мешали.

— Политической близорукостью, стало быть, страдаете. Взрослый человек, а как будто не помните, как при капитализме жилось рабочему классу. Только коммунизм может обеспечить трудящимся достойные условия жизни. А все потому как раз, что мы избавились от паразитов-капиталистов и взяли власть в свои руки. А вы: «все равно».

— Да какая разница, каких паразитов кормить, капиталистических или коммунистических? А придется в любом случае, — я завелся не на шутку. — Лишь бы они жрали поменьше.

— Это каких таких коммунистических паразитов? Да любой член ВКП(б) готов костями лечь за дело рабочего класса! Это нашими усилиями совершилась революция, освободившая народ от гнета помещиков и буржуазии! Как вы смеете так о большевиках говорить?! Да вас в ГПУ надо сдать, как подрывной элемент!

Опаньки! Язык мой — враг мой. И что теперь с ней делать? Прибить, если заорет? Пожалуй, придется, но сначала попробуем как-то успокоить.

— А вы член партии? Простите, не знал и не хотел обидеть...

— Я не просто член партии! — перебила меня разъяренная женщина. — Я член ЦК партии! И трепать коммунистов я вам не дам! Не на ту напал! А за контрреволюционную пропаганду ответишь...

Последнее ее восклицание так и не состоялось, затухнув после того, как взгляд упал на живодерских размеров нож, который я достал из-под стола.

— Будешь орать — прирежу к чертям собачьим, — мой голос прозвучал тихо, но веско. — Давай лучше поговорим без истерик и крайностей. Честное слово, все совсем не так, как вам кажется.

В последней фразе я перешел обратно на «вы», и это несколько разрядило обстановку.

— Говори, — Александра Васильевна, видно, тоже решила не обострять. — Но учти, от меня ты ничего не добьешься, и распропагандировать тебе меня не удастся. Я твердо убеждена в верности коммунистической идеи.

— Не очень-то и хотелось! Просто попробую убедить вас в том, что я вашему ненаглядному коммунизму не враг, и тем самым исключить мое общение с органами госбезопасности в негативном ключе.

— Раз чекистов боишься, значит — враг. Что бы ты не говорил.

Вот стерва! Кто о чем, а коза о капусте! Я глубоко вздохнул и начал заново:

— Давайте условимся о некоторых вещах, которые послужат достижению взаимопонимания. Первое — вы не делаете поспешных выводов. Второе — вы слушаете меня до конца и не перебиваете. Все вопросы потом. Третье — перестаньте, наконец, мне тыкать, на брудершafft мы еще не пили. Впрочем, еще не вечер.

— Выбора у меня, я вижу, нет? — собеседница даже слегка улыбнулась, хороший признак. — Так что, валяй... те, говорите.

— Выбор есть всегда, и сейчас вы сделали верный. Но к делу. Уважаемая Александра Васильевна, человечество к настоящему моменту достигло таких высот своего могущества, что уже отдельные группировки способны бороться, ни много ни мало, за власть над всем

миром. Эта борьба началась уже давно, и мировая война — только явное ее проявление, точно так же как и революция вкупе с гражданской войной. Борьба идет каждый миг и на всех направлениях в виде войн, экономической конкуренции, пропаганды. И даже здесь, в этом купе. Чем же характеризуется эта борьба? А тем, что противники четко не определены, нет понимания того, кто твой друг, а кто враг. Очень часто получается так, что люди «одного цвета» воюют друг с другом, объединяясь со своими злейшими врагами в один союз. Поэтому первое, что надо сделать — это обозначить стороны этого конфликта и определиться, на какой стороне встать.

Я вижу всего двух противников. И это не какие-то страны или идеологии. Это два принципа.

Первый — это принцип созидания. Это сторона творцов, которые живут только своим умом и своим трудом, постоянно развиваясь и стремясь к Богу. Ибо сказано «по образу и подобию», а Бог — творец. Надо соответствовать. Даже неосознанно.

Второй принцип — это принцип присвоения. Это сторона паразитов, которые стремятся завладеть плодами трудов творцов или иными ресурсами, не трудясь и соответственно не развиваясь. Так можно жить, пока ресурсов хватает, но человечество постоянно растет и рано или поздно ресурсы истощаются. Творцы в этом случае делают шаг вперед и находят новые источники существования, паразиты же делят то, что еще осталось, пока не опустятся до неандертальского каннибализма и совсем не одичают, став частью фауны. Так что путь паразитов — это путь к Зверю.

Вот такая вот религиозная диалектика.

В чем же причина конфликта созидателей и паразитов? Казалось бы, созидатели, хотя бы из милосердия, могут кормить паразитов. Они для тружеников всего лишь еще один неблагоприятный фактор, воздействие которого следует преодолевать и двигаться дальше. Но проблема в том, что паразиты с виду ничем от созидателей не отличаются, рога у них не растут. А своим образом жизни они тружеников развращают. Зачем работать в поте лица, когда можно украсть и жить припеваючи, пока все не прожрешь, а потом снова украсть? Вот и получается, что в обществе, которое не борется с паразитами, тружеников все меньше и меньше — и они уже не могут прокормить толпу нахлебников. Такое общество умирает. И человечество в целом таким обществом как раз является. И борьба идет не на жизнь, а на смерть. Победит принцип созидания — выживем, наоборот — погибнем.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, разберем историю России. Сильно углубляться не будем, начнем с Ивана Грозного, этого достаточно. Как выглядело русское общество? Был народ-созидатель, он растил хлеб, ковал железо, то есть создавал материальные блага. Во главе народа стоял царь-отец, который отнюдь не был эксплуататором, его функции совершенно другие. А именно — держать в узде слуг-бояр, строго следить, чтобы они не отнимали у народа сверх необходимого. Бояре же тогда тоже не были эксплуататорами, они считались, как я уже сказал, слугами, которые воюют и выполняют административные функции, народ же их за это кормит. То есть в царстве Ивана Грозного паразитического элемента было очень мало, все были при деле — народ пашет, бояре воюют, царь следит за порядком. И успехи России в этот период очевидны.

Что же произошло дальше? А дальше царя вместе со всей семьей отравили, и слуги-бояре устроили драку-усобицу за царский трон, в конце концов, там угнезвился Романов. Но беда в том, что он царем по роду не был и отчета в царских функциях себе не давал, а значит, и детей-наследников своих не научил. Вот так на отцовском месте уселся слуга. Какие это

имело последствия? Боярин-царь давал боярам-дворянам все большие привилегии, обязанности же их сокращались. Народ, наоборот, угнетался все больше. Из-за дисфункции центральной власти, обеспечивавшей оптимальный баланс в обществе, получился перекося в сторону дворян, и они постепенно стали превращаться в паразитов, жрущих, но ничего не дающих стране. Петр Первый на какое-то время заставил дворян служить, угнетение же народа только усилилось. А потом становилось все хуже и хуже, паразитов стало так много, что народ уже не мог их прокормить. Это закономерно привело к революции. Так что экономическое отставание России от ведущих стран мира вовсе не из-за монгольского ига, бывшего шестьсот лет назад, а из-за того, что приходилось кормить прорву паразитов совсем недавно.

Теперь посмотрим внимательно на революцию и революционеров. Изначально была небольшая группа, которая стремилась скинуть иго паразитов и создать общество творцов. Но революция совершалась под лозунгами «фабрики и заводы — рабочим», «землю — крестьянам». А для того чтобы это сделать, фабрики, заводы и землю надо ОТНЯТЬ у буржуазии и помещиков. Это привлекло в партию множество элементов, которые стремятся отнимать, а не созидать, то есть паразитов. Яркий пример тому — Троцкий. Его, конечно, обезвредили, но подобных ему, в партии еще, очень много.

То есть паразиты, мы убедились, среди коммунистов водятся, а они ничуть не лучше прежних помещиков и капиталистов. А есть ли среди капиталистов созидатели? Посмотрим на Форда и можем уверенно утверждать — есть. Так что не в коммунизме и капитализме дело, а в людях. Поэтому я и сказал: «чтоб подонков поменьше было», а остальное — вторично.

Что же касается государственного и социального устройства, то, очевидно, советская власть ограничивает паразитов в наибольшей степени, поэтому да — на данный момент это самая лучшая структура общества. Альтернативы я пока не вижу.

Советская плановая экономика на данный момент наиболее эффективна в наших условиях. Но только на данный момент, в дальнейшем, очевидно, придется ее сделать много гибче.

Ну и, наконец, товарищ Сталин провозгласил курс на строительство социализма в отдельно взятой стране. То есть фактически во главе страны стоит созидатель, и страна уверенно идет по традиционному для России пути с опорой на собственные силы. Ведь наша с вами Родина никогда никого не грабила и все, что у нас есть, — создано потом и кровью многих поколений наших предков.

Подведем итог. Я полностью поддерживаю товарища Сталина и советскую власть, но не поддерживаю коммунистическую партию как целое, так как нет уверенности в ее монолитности и с каждым отдельным членом партии надо разбираться отдельно. Однако и против партии как целого не выступаю по той же причине. Для меня факт чьего-то членства в ВКП(б) ровным счетом ничего не значит. Как вам такая моя жизненная позиция?

— Ну и тараканы у вас в голове, товарищ Семен! — сказала, глядя на меня даже, возможно, с жалостью Александра Васильевна. — И сами запутались, и меня запутали. Вы можете просто ответить, вы за коммунизм или за капитализм?

Епишкин козырек! Подруга черно-белая! А может, так и надо, не заморачиваться глобальными проблемами? Кого и в чем я убедить пытаюсь? И, главное, зачем? Похоже, после моего выступления она меня явным врагом уже не считает, что мне и требовалось. Пора всю эту политику закруглять, а то один долетался, а я, ну понятно.

— Раз вы так вопрос ставите, то за коммунизм. Из этой мечты, при вдумчивом и творческом подходе, может получиться что-то пригодное для реальной жизни. У капитализма же в перспективе только каннибализм. И давайте с политикой закончим, устал я от нее. Да и вы, смотрю, тоже.

— Ладно, — подозрительно легко согласилась собеседница. — Тогда расскажите о себе. Кто вы такой? Вот смотрю на вас и никак понять не могу, где вы таких мыслей могли понабраться. Вы какого происхождения?

Приехали. Лучше бы уж о политике продолжили. И что теперь? Врать? Не был бы дураком, легенду бы подготовил. Или расколотся теперь о своей истинной, «не от мира сего», сущности? Пожалуй, при таком ходе всего два варианта развития событий — ЧК или дурдом, рано или поздно. И то, и то мне не подходит, значит, придется врать, прямо на ходу.

А ведь она все-таки держит камень за пазухой. Иначе с чего бы ей мое происхождение выяснять, ведь я уже в верности коммунизму расписался. Блин, надо было с самого начала под пролетария косить, а то раскудахтался. Но кто ж знал, что учительница яркой коммунисткой окажется? И вообще, пора бы уж перестроить мозги и быть максимально осторожным, это было ясно уже после попытки меня зарезать. Местных я совсем не знаю и не понимаю, они меня — аналогично. Молчание — золото. Но сейчас говорить придется.

— Человеческого я происхождения, от папы с мамой. Ни к каким бывшим сословиям не отношусь. Одни мы с отцом в лесу жили, он преставился, мне стало скучно, решил я к людям податься. Вот такая вот незамысловатая история.

— Врешь!

— Опять вы мне тыкаете, Александра Васильевна, нехорошо, договаривались же, — выиграл я пару секунд на подавление паники. — Почему сразу «врешь»?

— А потому, что лесной отшельник такого никогда не придумает и никто ему этого не расскажет. Лесовикам вообще это ни к чему.

— Ну отец не всегда в лесу жил, а ушел туда от мира, я еще совсем мальцом был. Он же меня всему и научил. Что тут странного?

— Спрятался от мира, говоришь? Это чего ж он такого натворил, что так от людей скрывался? Даже, если бы он какое преступление совершил, так старый строй рухнул, можно выходить на белый свет. Однако не вышел. Почему? Врешь ты все!

— А почему сразу он натворил? Может, это люди натворили? Мой отец — человек сильно верующий. Говорил, света мало в людях стало, а скоро и остаткам конец. Вот, чтобы от мрака защититься, от людей и ушел. Староверы точно так же живут, никого не удивляет.

— Ну допустим. А сам ты зачем тогда сюда заявился, если вокруг все так плохо?

— Вообще-то плохо далеко не все. Если говорить подробнее, отец, исходя из своих размышлений, предвидел революцию и гражданскую войну еще в самом начале века. Участвовать в этом не хотел, так как считал, что убивать соотечественников, какие бы они ни были, — большой грех. Потому что они сами толком не понимают, за что друг дружку режут. Ушел в лес, еще перед русско-японской войной, мне всего семь лет было. Он и мне тоже вмешиваться запретил, сказал, когда уляжется все, тогда мое время действовать придет.

— И что, пришло время? Что вы, товарищ Семен делать собираетесь?

— Да время-то давно пришло, только отца я не мог одного на верную смерть оставить. А собираюсь я воевать и победить, перед этим хорошо подготовившись. После победы уж видно будет, куда голову и руки приложить.

— На войну, стало быть, собрался, герой, — Артюхина уже откровенно смеялась. — На

какую же?

— А на Вторую мировую, которая лет через десять случится и превзойдет по своим масштабам все предшествующие войны вместе взятые, включая и Первую мировую.

— Это что, тоже отец предсказал?

— Он самый.

— А как, интересно, готовиться собираешься?

— Будущая война — война моторов. Значит, надо идти на завод, эти самые моторы делать. А когда время придет, в армию уже военком, не спрашивая согласия, заберет.

— Чудак человек. И балабол. Столько слов, а всего лишь сказал, что хочет вступить в ряды пролетариата. Мировые войны же еще Энгельс предсказывал, и мы к ним готовимся. Пусть только буржуи попробуют посягнуть на наше советское государство! Пролетарии всего мира встанут на его защиту и сметут их поганую власть, как у нас в семнадцатом году. Произойдет мировая революция и войн больше не будет. Учи, в первую очередь, марксистскую теорию, опираясь на которую, будешь агитировать солдат вражеских армий, таких же пролетариев. Именно это и принесет нам победу, — воодушевленно продекларировала Александра Васильевна.

— Ты, Шурочка, в этом так уверена, что мне ничего не остается, кроме как согласиться. Но на завод все равно пойду, буду постигать теорию, проверяя ее на практике, — я не остался в долгу и ответил максимально язвительно. — Как говорится, на Маркса надейся, а сам не плошай. На этом желаю выяснение моей жизненной позиции закончить и, коли я не отношусь к врагам советской власти никаким боком, удалиться покурить.

Я встал и резко покинул помещение, оставив свою спутницу, опешившую от такой наглости.

Эпизод 2

Я стоял в тамбуре, насквозь продуваемом через все щели, и жадно курил. Это ж надо так влипнуть. Похоже, мой первоначальный план, явиться пред светлы очи вождя и расколоться до пупка, рассыпался как картонный домик. Налицо полное отсутствие взаимопонимания с местными жителями. Заявись я со своими рассуждениями на самый верх — сожрут моментом, и ничего я с этим не сделаю. Придется рассчитывать только на свои малые силы.

А что я реально могу сделать? В данный момент абсолютно ничего из-за незнания местных условий. Значит, будем осматриваться, поиграем в резидента.

— Да, ничто не выдавало в нем русского разведчика, — тихо сказал я вслух, глядя на зажатую в руке пачку сигарет с аристократическим английским названием.

Пожалуй, случайная мысль устроиться на завод не так уж и случайна. Интуиция все-таки великая вещь! Ведь что мне сейчас перво-наперво нужно? Правильно, нужно безопасное логово. А там уж, осмотревшись, можно и начинать двигать дела в желательном направлении. Вот так-то, Семен, выходит, шпион ты теперь, вернее, агент влияния советский и в Советском Союзе. Абсурд. Видно, у кого-то там наверху, оригинальное чувство юмора, мол, назвался Штирлицем — пожалуйста на нелегальное положение. А это значит, что надо избавляться от всех компрометирующих меня предметов. Блин, да это ж я совсем голый должен остаться! Да еще и кожу на предмет наколок проверить! Шутка. Грустная. И жаба душит, ведь все, что на мне и в рюкзаке, — все абсолютно необходимо.

Епрст!!! Рюкзак! Это я здесь курю, а член ЦК, может, сейчас в моем барахле ковыряется!

Выкинув бычок в щель между дверью и ступенькой, я в панике метнулся обратно в купе. С грохотом рванул дверь в сторону и заскочил внутрь. Александра Васильевна, видимо, в мое отсутствие вернулась к чтению и сейчас, уронив от неожиданности бумаги и коротко ойкнув, выхватила наган и попыталась направить на меня. Отработанным приемом автоматически забрал у испуганной женщины оружие и, оценив глупость своего положения, только и смог сказать.

— Извините.

— Псих!!! — Артюхина, бледная лицом, стала возвращать себе нормальный цвет. — С тобой заикой станешь! Оружие верни!

— Извините еще раз. Не хотел. Случайно получилось, — виновато бухтел я, протягивая ей револьвер. — Давайте я вам бумаги собрать помогу.

И, не дожидаясь ответа, стал поднимать с пола машинописные листы.

— Ну вот! Теперь у меня все перепуталось! Я половину еще не прочитала! Теперь разбираться, что к какой статье относится! — удрученно причитала моя спутница.

— А что это у вас?

— Материалы в «Работницу». Вот, взяла с собой некоторые статьи на следующий месяц, думала в дороге поработать, да вы свалились как снег на голову.

— Так вы журналист?

— Я главный редактор!

— Вот те раз! А знаете что? Давайте я вам помогу?

— Надо же! Он еще и грамотный! И начал с малого, всего-то — статьи в «Работницу» отредактировать!

— Нет уж, это вы сами. Я бумаги только соберу и разложу по статьям. Ваш хлеб отбирать не буду.

— Ну ладно, коль напросились, — уже снисходительно согласилась Александра Федоровна.

Эпизод 3

В жизни не читал женских журналов, хотя представление, чем женщины интересуются, имею. Но статьи в «Работницу» произвели на меня настолько неизгладимое впечатление, что оно отразилось на лице. Моей спутнице, вероятно, было любопытно наблюдать мое изумление со стороны. В этом журнале не было ровном счетом ничего, кроме производства. Сплошная индустриализация, никаких иных материалов нет. Но это еще полбеды. Добро бы женщины занимались тем, что им было бы под силу, но упоминаемые в статьях профессии, вроде бетонщиц, каменщиц и подносищиц камня, землекопов и лесорубов, работниц торфоразработок и рудников, вызывали закономерный вопрос. Чем же мужики в это время занимаются? В то время, когда бабы ставят рекорды в погрузке вагонов?

— Удивлены? — Артюхина была довольна произведенным впечатлением. — Вот видите, свободные женщины, завоевавшие себе равноправие, могут трудиться ничуть не хуже мужчин. А то и лучше.

— Удивлен, хотя истолковали вы этот факт неверно. Вот скажите, что, иных занятий, более подходящих для женщин, нет?

— Что это вы имеете в виду? Или вы против равноправия?

— Я не против равноправия, я против уравниловки, когда женщинам дают такое же право на нормы погрузки угля, как и мужчинам. Гарантировать равные права можно, уравнивать нельзя. Мужчины и женщины все-таки разные, и спрос с них должен быть разный. Вы ведь такой пропагандой всех баб перекалечите! Им ведь детей рожать! Вы об этом подумали?

— Не сомневайтесь, подумали. Вот полюбуйтесь, что медицина пишет: «Слесарное дело не требует особенно значительного мышечного напряжения, не требует поднятия больших тяжестей. Слесарное дело вполне доступно человеку средней физической силы, оно не включает в себе каких-либо особенных вредностей. Женщина без всякого вреда для своего организма может заниматься слесарным делом». Так-то! Эта профессия для женщин очень подходит, мы уделяем ей все большее и большее внимание.

Прикинув женщину в роли работницы автосервиса где-нибудь в начале XXI века, грустно вздохнул.

— А знаете, у меня есть для вас идея.

— И какая же?

— Вам надо пропагандировать те профессии, где женщины могут быть лучше мужчин.

— Это не ново. Что, опять загнать нас на кухню? Или к ткацкому станку?

— И в этом нет ничего зазорного. Но имел я в виду именно машиностроение. Дело в том, что женщины более склонны в большинстве к кропотливой, точной работе. Мужикам для нее порой просто не хватает терпения. Например, это может быть какое-нибудь приборостроение, где детальки малюсенькие и должны быть изготовлены с минимальными допусками. Здесь, уверен, бабы мужикам сто очков вперед дадут. Поинтересуйтесь как-нибудь, есть ли у нас такие производства и работают ли там женщины. Если их нет, значит, надо создать, ведь без точных приборов и тяжелое машиностроение хромать будет на все четыре. Вот таким путем женщины могут внести весомый вклад в индустриализацию страны. Вот что надо пропагандировать!

Товарищ Артюхина задумалась, видно было, что предложение ее заинтересовало, ведь до сих пор она стремилась вести пропаганду под девизом «не хуже», а тут возможность перейти к «лучше» и выйти со своим журналом на острие индустриализации. Чем больше она об этом размышляла, тем больше идея ее захватывала, вызывала приятное желание работать.

— Спасибо, ваша мысль мне нравится, я подумаю над этим вопросом. Больше замечаний нет?

— Да как-то ничего в голову не приходит. Вы уж сами в вашем деле разбирайтесь. А бумаги я все уже собрал и рассортировал.

— Не ошиблись нигде? Уж очень быстро вы управились.

— Просто привычка читать по диагонали, отсеивая несущественное и изучая подробно важное. Ничего важного для меня я не увидел. Увы.

— Ладно, и за это спасибо, не знаю, как и отблагодарить.

— Вообще-то, могу подсказать. Раньше при устройстве на работу, говорят, рекомендательные письма очень помогали. Сейчас такого не практикуется?

— Вы хотите, чтобы я написала вам такое письмо? Не слишком ли? И куда?

— Не совсем так, но хотя бы записку, мол, товарищ Семен сочувствует делу построения коммунизма и может внести существенный вклад в индустриализацию, отнесите к нему

внимательно и не гоните с порога. Против правды вы не погрешите и никаких обязательств на себя брать не будете.

— Ладно, уговорили. Фамилия ваша как?

— Любимов.

Артюхина быстро набросала короткую записку и вручила ее мне.

— Вот, пожалуйста.

— Спасибо огромное, а теперь пора в люльку, полночи с вами тут уже сидим, до Москвы хотелось бы выспаться.

— Я еще поработаю. Спокойной ночи!

— И вам того же!

Я забрался на верхнюю полку и растянулся во весь рост. Вещи свои я перед этим забросил еще выше и не опасался, что любопытная женщина попытается пролезть туда мимо меня. Впереди ждала Москва, столица СССР, абсолютно незнакомый мне город другого времени и другого мира. Несмотря на то, что всю жизнь я считал себя коренным москвичом, хотя, если брать границы города на 1929 год, то получаюсь я, как говорили в моем времени, «заМКАДным». А не рвануть ли в бывший, или будущий, свой район? Там и ЗИЛ рядом.

Глава 5

МОСКВА. ГАЗ № 1. НАГАТИНО

Эпизод 1

Утро тринадцатого октября встретило прибывающий на Ярославский вокзал поезд стылым осенним дождем и всеобщей серостью, на фоне которой выделялись мокрыми черными пятнами деревянные дома или бараки, построенные по обеим сторонам от железки. Настроение мое вполне соответствовало унылой картине за окном, и я, хмуро ответив на приветствие Артюхиной избитой фразой «утро добрым не бывает», отправился умываться. Дополнительным поводом для расстройства чувств оказалось отсутствие бритвы, которую я даже не подумал купить в Вологде, и теперь, глядя в зеркало на наглядную иллюстрацию своей непредусмотрительности, костерил себя на чем свет стоит. Пробившаяся на голове и лице щетина вызывала у меня самого только одну ассоциацию — уголовник. А ведь сегодня очень важный для меня день, мне предстоит устроиться на работу! Мысленно представив себе ситуацию с поправкой на XXI век? чуть было не заржал в голос, что хорошего настроения мне не прибавило, зато появилась злость.

Лишь только экипаж нашего купе успел наскоро перекусить, чем бог послал, паровоз, шипя паром, уже подтянул состав к перрону. Собрать мне было нечего, и я, попрощавшись за руку с товарищем Артюхиной, выскочил из вагона и рванул под дождем к зданию вокзала. Народ, спасаясь от сырости, набился туда так плотно, что, казалось, стекла запотели. Пробираясь сквозь толпу, попутно поинтересовался насчет местного транспорта, так как топтать к намеченной цели через половину города при такой погоде мне никак не улыбалось. Конечно, можно было бы взять извозчика, но мне, как иновременному туристу, жутко захотелось прокатиться на старом трамвае, и я направил свои стопы к Садовому кольцу, чтобы, доехав до Таганской площади, пересесть на радиальный маршрут, идущий на юг мимо проходной завода ЗИЛ, или, как меня просветили, сейчас он назывался ГАЗ № 1.

За окном вагона, забрызганным мелкими капельками холодного дождя, под грохот колес на стыках, проплывала совсем другая, непривычная Москва двух- трехэтажных домов и мощенных булыжником улиц. Город, к которому еще предстояло привыкнуть и стать для него своим, раствориться среди тысяч его жителей, скрывшись в общей массе, и только потом быть признанным всеми окружающими, начать путь навверх, к власти, ибо только имея какие-то более-менее существенные ресурсы можно решить поставленную задачу. И дело тут не только в Сталине, для того чтобы предотвратить его убийство на Мавзолее, достаточно единственного снайпера, и я исподволь уже продумывал такой вариант. Но у меня даже в этом случае не будет гарантии, что история этого мира получится минимум «не хуже» известной мне, требуется исключить негативное развитие событий в любом случае, давая максимальное количество причин катастрофы в зародыше. Размышляя таким образом, наконец услышал «проходная автозавода» и выскочил на улицу. Постоял пару секунд перед дверьми, глянул в серое небо и, взявшись за ручку, сделал решительный шаг в будущее.

Эпизод 2

— Так значит, ты и слесарь, и токарь, и сварщик? — в очередной раз переспросил меня седой усатый дядька, которого вызвала работница отдела кадров, сделав телефонный звонок. Эта добрая женщина, автоматом оформлявшая чернорабочими всех пришедших к ней из длинной очереди, очень удивилась, когда услышала мои возражения, видимо, со специалистами здесь туго и с улицы они не приходят.

— Зачем десять раз переспрашивать? — я следовал правилу XXI века — хвали себя больше, авось возьмут. — Давайте лучше покажу на деле, руки у меня лучше языка заточены.

— Ну что ж, пойдём, посмотрим, что ты умеешь, — дядька повел меня за собой по территории завода.

— А куда мы идем? — я интересовался не из праздного любопытства, а просто пытался запомнить дорогу, чтобы в случае чего выбраться с заводской территории.

— Да не бойсь, здесь недалече. В опытный цех. Часть основных цехов сейчас на реконструкции, там конвейер монтируют и оборудование перемещают, остальные тоже заняты текущей работой, там не до тебя.

Долго ли, коротко ли, но подвел меня дядька к токарному станку, живо напомнившему мне школьные уроки труда, вручил чертеж, заготовку и сказал только одно слово:

— Действуй.

Да где наша не пропадала? Почти везде. И я, задав пару уточняющих вопросов по порядку обработки детали и допускам, в основном для того, чтобы справиться с волнением, все-таки «давно не брал я в руки шашки», взялся за дело. Мне предстояло обточить чугунную заготовку поршня и прорезать канавки для поршневых колец, работа не слишком заковыристая, но требующая точности. Все время, пока я этим занимался, мастер заглядывал через правое плечо, внимательно следя за моими манипуляциями.

— Ну что ж, не искусник, но подходяще, — сказал он, когда дело было сделано, внимательно осмотрев и промерив деталь — по крайней мере, как со станком управляться, знаешь.

— Так что, на работу берете, или как? — тут же поинтересовался я.

— Погодь, пойдём, сварку опробуем, — притормозил меня дядька. — В наших машинах она не применяется, но аппарат имеем.

Варить мне пришлось два отрезка труб на полдюйма, один из самых сложных видов работ для меня, но, к счастью, именно здесь у меня рука была набита. Давно, правда, этим не занимался, но мастерство и опыт не пропьешь, да и руки точности и твердости не потеряли, благодаря постоянным тренировкам с оружием на моей прошлой работе. Осмотрев остывший шов, мастер изрядно повеселел и тут же озадачил меня подсоединить сваренную трубу к проходящей по стене воздушной магистрали. После того, как я открыл боковой кран, заглушенный обрубком, к великому моему облегчению, не отозвался предательским шипением. Хотя расслышать его среди заводского шума было трудно, и мастер чуть что не облизал шов, слюнявя его и пытаясь обнаружить утечку.

Наконец, удостоверившись в надежности соединения, дядька протянул мне руку:

— Теперь будем знакомы, Яков Михалыч Евдокимов, мастер опытного цеха, можно просто Михалыч.

— Семен Петрович Любимов, — представился я. — Так берете меня или нет?

— Возьмем, конечно, токарь ты так себе, но и они на дороге не валяются, а вот сварщик нам нужен. Видал, в цеху как народу мало? Вот! Большая часть специалистов сейчас на реконструкции завода, там-то ты и пригодишься. А то все воздушные трубы, да и

водопровод, замаешься свинчивать, муфты сами отливаем-точим, а здесь — раз и сварил. Ты нам сразу десяток человек высвободишь, может, в план уложимся. Да и вообще, что подварить, всегда найдется. Сейчас для порядка к начальнику цеха заглянем, а от него в отдел кадров оформляться. Ты где, кстати, живешь?

— Да я только сегодня с поезда и первым делом к вам. Общежитие какое-нибудь при заводе есть?

— Э, брат! С жильем сейчас совсем туго, вся Москва приезжими забита. Наши заводские бараки в Кожухово, там можно поселиться, но на казарменном положении. В деревнях на том берегу реки еще можно поискать чего-нибудь, от завода, правда, далековато, но до ледостава туда катер ходит с кожуховской пристани. Знаешь что? Давай мы тебя оформим в «красную» группу, завтра у них выходной, как раз устроишься. А пятнадцатого, к третьему гудку, чтоб как штык в цеху был!

— Идет!

Начальник цеха меня не впечатлил, впрочем, как и я его. Дело в том, что он оказался правоверным большевиком, и его гораздо больше интересовало мое происхождение и идейное соответствие линии партии, чем мои способности как работника, судя по всему, текущая работа целиком и полностью лежала на плечах Евдокимова. Вдоволь наслушавшись лозунгов и наставлений, кое-как эту беседу я вытянул, повторив в сильно урезанном виде свою легенду о лесовике-отшельнике.

Начальник цеха не стал углубляться в вопрос и только поздравил меня с переходом из единоличников в пролетарии. Гораздо больших усилий потребовал от меня отдел кадров, где пришлось, коли я сказался грамотным, писать анкету самому. Перьевой ручкой. После нескольких испорченных бланков все-таки справился, благо анкета была коротенькая, видимо рассчитанная как раз на таких «талантов», как я. Тут же мне оформили пропуск на завод, с печатью, но без фотографии. Да здесь просто раздолье для шпионов!

Закончив дела в кадрах и пообедав за компанию с Михалычем прямо в цеху, потому что столовой на заводе пока не было и еду разносили прямо по рабочим местам в бачках, вышел из проходной под противный осенний дождь и двинул направо в сторону Кожухово. Остановившись там я не собирался, лишние соседи мне совершенно ни к чему, с моим-то барахлом. Затратив с полчаса, добрался до пристани, никаких удобств для ожидающих катера пассажиров на ней и в помине не было, впрочем, и самих пассажиров было немного, а кораблик был уже на подходе.

Наконец предок речных трамвайчиков подвалил к пристани и выбросил сходни, по которым начал суетливо спускаться народ. Пропустив сходящих, я, в числе немногих пассажиров в обратную сторону, поднялся на борт. Никакого салона на этом катере и в помине не было, а был только легкий навес, защищающий от дождя, но не от сырого ветра, хоть и на том спасибо. Теперь впереди ждала меня моя малая родина, помолодевшая на девяносто с гаком лет. Что ж, если мне удастся там обосноваться, то походить этим маршрутом мне предстоит еще ой как много!

Эпизод 3

Весь рейс от кожуховской до нагатинской пристани занял около двадцати минут, которые я простоял, глядя в свинцово-серую осеннюю воду, в полной прострации. Видимо,

произошедшие за последние дни события перегрузили мозг, и я просто спал с открытыми глазами. Осознал свою ошибку только тогда, когда пассажиры, шустро сбежав по сходням, двинули по своим делам. И что мне стоило завести с кем-нибудь знакомство и разведать обстановку? Теперь придется ходить по домам, напрашиваться.

Перейдя пойму Москвы-реки и переправившись через заболоченную старицу по хлипкому мостику, я вошел в Нагатино и двинулся вдоль улицы, высматривая подходящий мне дом. Рассчитывал я на то, что местные крестьяне занимались в основном огородничеством, нанимая на летний сезон работников из более отдаленных от Москвы мест. Сейчас, в середине октября, эти находники уже должны были освободить жизненное пространство, а местные к постояльцам привычны, да и деньги за постой нелишние. Дом я выбирал не слишком богатый, чтобы не платить слишком много, но и не бедный, с единственной комнатой в избе. Наконец, присмотрел подходящий и открыв незапертую калитку в глухом заборе, под аккомпанемент собачьего лая, подошел к крыльцу и громко крикнул.

— Хозяева! Есть кто-нибудь?

На зов, сперва приоткрыв дверь и осторожно выглянув, вышла дородная женщина и ворчливо спросила:

— Тебе чего?

— Доброго вам дня! Вам постояльцы, за плату малую, разумеется, не нужны? Мне бы комнатку какую на зиму, а за мной не заржавеет.

Хозяйка вся покраснела и замялась, плотно сжав губы, но потом не сдержалась и прыснула заразительным смехом. Я совершенно не понимал его причины, но, глядя на нее, тоже начал по-дурацки подсмеиваться. Баба между тем, поминая на разные лады комнатку и малую плату, продолжала заливаться. Наконец отсмеявшись, она спросила.

— Ты откуда такой взялся?

— Рабочий я с автозавода. Чего смешного?

— Смешного? А тебе твои на заводе не сказали, что они здесь так набились, что яблоку негде упасть? У меня уже живут шестеро, по остальным избам то же самое! Если хочешь — есть угол в дровяном сарае, двое там уже поселились. Печку-буржуйку поставите, авось зимой не замерзнете, — и она тут заломила цену чуть ли не в половину оклада, обещанного мне Евдокимовым.

Осознав причину ее веселья, я загрустил и задумчиво пробормотал.

— Нет, сарай с компанией мне не подходит, люблю покой и одиночество. У соседей, может, что посоветуете?

Ответом мне был очередной взрыв смеха, который я на сей раз сумел не поддержать.

— А знаешь, есть для тебя комнатка! Вот по проулку дойдешь до болота, там дом на склоне, хозяйку Полиной зовут. Попробуй с ней поговорить. Хотя все равно через пару дней ко мне в сарай придешь.

— Это почему еще?

— Почему, почему... Ведьма она! Кто у нее не селится, через пару дней, самое большее, сбегает. А ведь предупреждают их, как и тебя! Один был, я большевик говорил, суеверия отметаю. Сбежал прямо среди ночи в одном исподнем!

— Это мы еще посмотрим, кто сбежит, а кто нет. В любом случае попробовать стоит. Спасибо за совет.

— Не за что. Как из калитки выйдешь, направо и по проулку вниз.

И вновь я пошлепал по покрытому лужами проулку вдоль глухих заборов в сторону поймы на север, имея хорошим ориентиром желтую шестиэтажку за спиной. В мое время этот дом был самым старым в Нагатино, а сейчас это новостройка, только-только законченная. Дойдя до спуска к болоту, уже за линией других домов, прямо на склоне увидел маленький домишко, самого непрезентабельного вида. Постоял, глядя на него через забор, да, похоже, комната там всего одна. Не годится, стоит мне только рюкзак распаковать, так сразу паника поднимется. Придется ходить по всем домам подряд, искать, а время к вечеру. Максимум, что сегодня могу успеть, если не повезет, так это еще в Новинках поискать.

Пока я гонял в голове эти невеселые мысли, дверь дома открылась и вышла на белый, вернее, в данный момент серый, свет болезненного вида женщина и с усмешкой, поздоровавшись, сказала:

— Ну что встал как истукан? Проходи в дом, не месяц май на дворе, там говорить будем.

Я не нашелся сразу, что ответить, и только ошарашенно сказал:

— Здрасьте.

После чего, через шаг спотыкаясь, вошел в дом.

Эпизод 4

— Ты проходи, проходи, соколик. Чего на пороге мнешься? — приветливо зазывала меня хозяйка. А мне даже разуться было как-то неудобно. Раньше об этом не думал, но ходит ли вообще кто-нибудь здесь в носках? Впрочем, Артюхина в поезде ничего не сказала, будем надеяться, что и здесь сойдет. Раздевшись в прихожей, отделенной от основного помещения печкой и каким-то еще кирпичным столбом, и оставшись в водолазке навывпуск, чтобы спрятать кобуру с пистолетом, прошел через занавеску в комнату. Изнутри дом выглядел гораздо лучше, чем снаружи, чувствовалась хозяйственная женская рука. Чистенько, но бедненько, вся обстановка внутри не обшитых бревенчатых стен ограничивалась высокой кроватью, столом и парой табуреток. Пол и потолок из мощных, широких досок, видимо, никогда не знали краски. На стенах висели несколько одиночных и групповых фотографий в простых деревянных рамках, дополняла картину почерневшая от времени икона в красном углу. В общем, мне понравилось. Эта избушка живо напомнила мне бабушкин деревянный дом тем, что, казалось, была изнутри наполнена какой-то особенной теплотой и уютом. Хотя постелить чего-нибудь на пол не помешало бы.

— Мне тут сказали, тебя Полиной зовут. Так я Семен, будем знакомы.

— Верно, будем. Ко мне, стало быть, шел, не ошиблась. Зачем?

— Красавица, а хозяин твой где? А то как-то неудобно с моим делом без него разговаривать, — для приличия спросил я.

— В сырой земле хозяин, в Галиции, с шестнадцатого года, так что говори смело, с чем пожаловал. — Ответ меня ничуть не удивил, что-то подобное само на ум просилось, судя по виду хозяйства.

— Не буду ходить вокруг да около, жильё мне нужно. Только, видно, ошибся я, хотел комнату отдельную, а у тебя она одна.

— Нет беды в том, найдется и комната. Ты сам-то откуда будешь? Не праздно спрашиваю, хочу знать, сколько с тебя за жильё брать.

— Да, рабочий я с автозавода. Сварщик. Сегодня только, правда, на работу взяли. Но у меня малость денег на первое время есть, не переживай.

— Ну что ж, пойдем посмотрим комнату твою, потом и о цене договоримся. Только туда вход с улицы, вон, калоши одень, чтобы не обуваться.

Мы вышли из дома и обошли его, со стороны болота он оказался полутораэтажным с низенькой дверцей в полуподвал. Войдя в это помещение, чуть спустившись при этом вниз, я увидел маленькую комнатку, но с печкой, трубу которой я принял за столб наверху. Приблизительно половину высоты стены составлял массивный кирпичный фундамент, сложенный на взгляд на извести. Выше были бревна с единственной небольшой отдушиной, задвигаемой доской, которая заменяла окно. Внутренняя стена была полностью кирпичной, ее составляли два печных фундамента с дверцей в перемычке между ними. В пустом помещении из всего внутреннего убранства были только простые деревянные нары на земляном полу.

— Ну как, нравятся хоромы? — спросила Полина как-то грустно и вместе с тем иронично.

— На безрыбье... Впрочем, подходяще, обживусь.

— Тогда червонец с тебя. За месяц.

Приятно удивленный незначительностью цены, которая была ниже в три раза, чем объявленная прошлой хозяйкой, я тут же, не раздумывая, согласился.

— Семен, а ты надолго ль в наши края? — Полина постаралась спросить как бы мимоходом, но я заметил какой-то интерес.

— Думаю, что навсегда, — ответил исходя из опыта в прошлом мире, в котором если я и уезжал куда-то с малой родины, меня все время непреодолимо тянуло обратно, даже если условия жизни на новом месте были много лучше. Впрочем, тогда это зависело только от меня, сейчас же обстоятельства могли оказаться сильнее. — Полина, как бы нам с тобой насчет готовки договориться? В смысле, чтобы мне на это дело не отвлекаться, не могла бы ты готовить на двоих? Деньги на еду я сверху накину.

— Накинешь, хорошо. И по дому помогать будешь, — тут же выставила она дополнительное условие.

— Но только по выходным, — уточнил я.

— Договорились.

На этом, по сути, переговоры и закончились, уточнив мелкие бытовые детали и выяснив, что у хозяйки своя баня, остаток дня посвятил помывке и постирушкам после приключений. Почему так много? Это вам не XXI век, пришлось и воды натаскать, и дров наколоть, и баньку истопить. Зато в финале получил наслаждение неземное, сидя в парилке и соскребая с себя пласты наросшей грязи, превращаясь в своих собственных глазах снова в человека. Я бы там до полуночи плескался, но меня выгнала хозяйка, которая, воспользовавшись случаем, тоже решила помыться. На мое замечание, что издревле на Руси мылись вместе, получил решительный отказ и пророчества кар небесных на мою голову, если еще раз посмею до нее домогаться. Пришлось выметаться.

Закончился день совместным ужином, в котором со стороны Полины участвовала каша на воде, а с моей стороны — мелко порезанные засохшие остатки лосятины и бутылка водки, которую Полина тут же припрятала, едва дав мне выпить стопку по поводу новоселья. Не очень-то и хотелось, просто старался наладить более тесный контакт, однако оказался в этой компании единственным пьющим.

Добравшись до своих нар, на которых занял свое законное место набитый душистым сеном матрац, упал на чистое белье и провалился в сон с незатейливой мыслью:

— Нормальная баба, а говорили — ведьма, ведьма.

Глава 6

БАБА-ЯГА

Я толкаю паровоз. Огромный и черный. Не могу видеть, но точно знаю — на котле у него красная звезда. Паровоз дымит и дышит паром, но сам двигаться совершенно не желает. При этом он полностью занимает гнилой деревянный мостик бесконечной протяженности, повисший над туманной пропастью. Мне обязательно нужно на другой берег, там конец пути, и паровоз сам по себе мне нужен как рыбе зонтик, но ни перелезть через него, ни подлезть снизу не могу. Приходится толкать, ежесекундно рискуя сорваться вниз. Бесконечно долго, трудно и опасно.

Наконец мне удастся вырваться из этого кошмара в реальность, и я с трудом сажусь на нарах. Самочувствие полностью соответствует затраченным во сне усилиям. Это ж надо! Вторую ночь подряд! Правда, в первую ночь мне снились более разнообразные кошмары, повторяющие в разных извращенных вариантах мои мысли и события последних дней. И немцам я в плен сдавался с трагическими последствиями для собственного здоровья, и лось меня бодал, и под поездом меня тащило, и в Вологде меня резали, а я ничего поделывать не мог. Но шедевром были, безусловно, Гайдар с Чубайсом, первый постоянно жрал мою провизию и раздувался все больше и больше, так что я боялся, что когда он лопнет, то загадит всю мою комнатку, второй же тащил из дома все, что не было жестко закреплено, а то, что было закреплено, отрывал и тоже утаскивал. Я мог только смотреть на это разорение, но помешать был не в силах.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Нечего и говорить, что проснулся я в свой единственный выходной совершенно разбитым и в настроении «утро добрым не бывает», что в последнее время становится привычным. Дополнительно это состояние усугубил представитель народной милиции, заявившийся прямо с самого раннего утра и учинивший формальный допрос «кто, откуда», переросший в допрос с пристрастием, едва он узнал, что прибыл я поездом Архангельск — Москва. Выпытывал, не видел ли я во время поездки подозрительных особ женского пола. Ответ, что путешествовал я в одном купе с членом ЦК ВКП(б), его полностью удовлетворил и участковый доверительно мне посоветовал, что вся московская милиция стоит на ушах по ориентировке на обнаглевшую шпионку, прибывшую этим поездом. А выявил этот факт обходчик, подобравший на путях размокший окурок женских сигарет «Мальборо» и поклявшийся, что раньше его не было, да и бычок совсем свежий, а за ночь прошел единственный пассажирский состав. Мне оставалось лишь помянуть про себя везение дураков.

Бороться с хандрой я принялся традиционным для себя методом, а именно ударным трудом. Переколол весь запас дров на зиму, подправил сарай и забор, сколотил себе из обрезков подобие сундука и стола. Вечером, уставший, но довольный собой упал на матрац, и на тебе — паровоз! Это притом, что сны в моей жизни — чрезвычайно редкое явление. А уж еженощных кошмаров вообще никогда не было. И ведь все припомнил во сне, о чем думал, кроме Бабы-Яги и паровоза. Последний, видимо, синтезирует все мои размышления по главному вопросу, а без старухи с костяной ногой мне только легче. Кстати, соседка Полину ведьмой называла, это что ж выходит — мысли материализуются? Подумал

вскользь, и на тебе, через неделю живешь в избушке на курьих ножках.

Посидев маленько и покумекав так и так, решил, что раз кошмары появились именно в этом доме, а хозяйка его, возможно — ведьма, то она во всем и виновата. Надо сходить к ней, разобраться, а то, боюсь, до утра под этим паровозом загнусь. Три часа ночи — самое время делать визиты! Быстро одевшись, вышел на улицу и постучал в дверь.

— Поля! Открывай! Разговор есть.

В избе послышалось сонное бормотание, потом босые ноги прошлепали по полу, и раздался недовольный голос.

— Ну кто там?

— Это я, Семен! Поговорить надо.

— Иди спать, ночь на дворе.

— Да я бы рад, только твоими стараниями мне такие сны снятся, что лучше сразу повеситься.

— Ерунду говоришь, спать иди и мне не мешай!

Я не на шутку разозлился. Она меня еще куда-то посылает!

— Послушай, мне не до шуток! И с ерундой бы я к тебе в этот час не приперся! Не хочешь по-хорошему — подопру дверь и спалю тебя в твоём курятнике к чертовой матери! И буду спать после этого вполне себе спокойно где-нибудь в другом месте! Кошмары мучить не будут.

— Уходи, порчу наведу!

— Не успеешь, — сказал я, подпирая дрыном дверь. — Да и не сможешь. Знаешь, почему ведьм на кострах сжигали? Так я тебе скажу, потому что огонь от всякого колдовства полностью, говорят, очищает. Вот заодно и проверю, правда или нет.

Все это я говорил уже абсолютно равнодушным голосом, собирая оставшиеся после колки дров щепки и складывая их к двери. В избе молчок, ну что ж, чиркнул зажигалкой, и огонек, перепрыгнув в небольшой костерок, который я сложил поодаль от дома, но так, что изнутри этого не было видно, осветил двор и заиграл оранжево-красными сполохами. Потянуло дымком.

— С ума сошел?! Туши скорее! Открываю я, открываю!

— Нет, Поля, это я тебя открываю, — сказал и пнул ногой подпорку, освобождая дверь.

Перепуганная хозяйка выскочила из избы и, осмотревшись, обиженно сказала:

— Дурак! И шутки твои дурацкие!

— Ничуть не хуже, чем твои! — парировал я. — Это что, развлечение у тебя такое, постояльцев сна лишать?

Повисла неловкая пауза, Полина продолжала раздраженно дуться, да и ответить ей было нечего. Я присел на корточки возле костерка, достал приобретенную намедни маленькую трубку, набил табаком из распотрошенных сигарет XXI века и прикурил от головешки.

— А хочешь, расскажу, что мне сейчас снилось? — пыхнул дымком и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Паровоз мне снился, Поля. На хлипком мосту над пропастью. И я его толкал на ту сторону. Сумею — все будет хорошо, остановлюсь — не выдержит мост, рухнет вниз паровоз и я вместе с ним. Так вот, паровоз этот — вы все и есть, Россия вся. Не сумею провести его по мосту — всем крышка. А еще у меня время ограничено, десять лет нам отпущено на все про все. А ты, глупенькая, мне еще мешать вздумала. Нехорошо.

Пока я все это говорил, женщина внимательно на меня смотрела и задумчиво выдала в ответ:

— А ведь не врешь. Или сам в это больше, чем в Бога, веришь.

— Не вру, Поля, не вру. Поэтому на пути у меня лучше не становиться, раздавлю как букашку без сожаления, просто потому, что слишком многое на кону. Пойми меня и не мешай, не надо. Ты уж постарайся, чтобы мне спокойно спалось, ладно?

— Ладно. Но твоё жильё будет вдвое дороже стоить! — согласилась и тут же торопливо добавила хозяйка.

Тут я не удержался и расхохотался в голос от осенившей меня простой мысли.

— Постой, ты что, получается, плату вперед берешь, а потом через пару дней постояльцев выживаешь? Да так, что они убегают, про все позабыв? Ну ты и прохиндейка!

— Хозяйства у меня своего нет, земли нет, жить как-то честной вдове надо? Летом к кулакам батрачить нанимаюсь, а сейчас чего? С голоду помереть? — в её голосе переплелись одновременно и злость, и горечь. — А чужих в своём доме не терплю, один в нём мужик был и впредь будет!

— Вот что, красавица, когда договаривались, никто тебя за язык не тянул. Так что, условия пересматривать не будем. Плату за месяц вперед ты получила, придется меня этот месяц терпеть. Потом уйду, мне с такой мошенницей под одной крышей тоже как-то неуютно. Все! Спокойной ночи.

Я повернулся к собеседнице спиной, в которую полетели и отскочили, осыпавшись осенними листьями под сырым ветром, обрывки восклицаний:

— Да я... Да ты...

Сказать что-то более связное женщина, задыхаясь от злости и возмущения, не смогла или, что более вероятно, не посмела.

Наконец, вытянувшись у себя по горизонтали, я уснул сном младенца, без тревог. Через пару часов меня ждал мой первый рабочий день в этом мире.

Глава 7

УДАРНЫЙ И РОМАНТИЧЕСКИЙ ВИНТОВОЧНЫЙ ОБЛОМ

Эпизод 1

Первый месяц работы на будущем ЗИЛе пролетел, как будто его вовсе из жизни вычеркнули. Сварщики были просто нарасхват, начальники цехов чуть из-за них не дрались прилюдно, а втихаря сулили сварным все мыслимые и немыслимые блага, если те займутся именно их участком в первую очередь. Так как в суете перестройки производства требовалось как всегда все и сразу, то возможности для маневра были, чем пролетарии и пользовались. Учитывая, что сварщиков было всего двое, а точнее, я и мой ученик, правоверный комсомолец Петр Семенович Милов, проблема была только в последнем, он первое время ни в какую не хотел соглашаться, когда нормировщики закрывали на него по две, а то и больше, в зависимости от работы, нормы. Положение спасло только то, что был мой ученик изрядным бабником. Да мои уговоры, мол, не нужны тебе деньги — в детдом отдай. Давил на чувствительную струнку, случайно узнав, что мой подопечный был в прошлом беспризорником и детдомовцем. Тоже мне — Деточкин поневоле.

Да и легально мы зарабатывали будь здоров, планов было громадье, и мы практически ежедневно работали сверхурочно, по две смены подряд. Я при этом вообще домой не уходил, ночуя прямо на заводе, заявляясь в Нагатино только раз в пять дней, попариться в баньке вместо заводского душа да прошвырнуться за необходимыми покупками. Помогать Полине по двору в ноябрьскую слякоть было особо нечего. Мой же напарник бегал ночевать к подругам, живущим поблизости, и в общежитие тоже не навещался.

В конце месяца к нам, уже осоловевшим от работы, под вечер, подскочил хлопчик и шепнул пару слов Петру. Тот чуть косынку, которую мы пытались присобачить к каркасу ворот цеха, не выронил, переменившись в лице.

— Что случилось, Петя? — с усмешкой спросил я. — Разлюбил?

— Все у тебя, Петрович, бабы на уме! Из комсомола меня хотят исключить!

— Ой ты, епишкин козырек! Натворил чего?

— Натворил! За месяц на недельных собраниях ни разу не был!

— Всего-то? Я уж думал — ты взносы не платишь, скряга, — подковырнул я беззлобно. — Исключить ведь только на собрании могут, так?

— Ну да.

— Когда? В смысле, собрание.

— Завтра вечером уже. Что делать, дядя Семен?

— Нашелся племянничек! Я тебя на пятнадцать лет только старше! — отбросив шуточный тон. — Вместе пойдем, есть мне, что там сказать.

На следующий день, отложив все сверхурочные работы и приведя себя после смены в порядок, на пару шагали к заводскому клубу, где и проходили комсомольские сборища, а по выходным крутили кино. Выкурив по трубочке на крыльце, — Петя старался подражать наставнику и обзавелся своей в первый же выходной, к тому же это производило

благоприятное впечатление на женщин, — прошли в зал, где было уже полно молодежи. Меня по пути никто не остановил и не поинтересовался, что ветерану Куликовской битвы нужно. На сцене, как и положено, стол, накрытый красной материей и теплая компания активистов за этим бруствером.

Собрание началось с докладов и обсуждения политики ВКП(б), коллективизация, индустриализация и борьба с троцкизмом. Ничего нового и интересного для меня в этом не было. Индустриализацию я проводил собственными мозолистыми руками. Коллективизацией мне все уши в выходные прожужжала Полина: раскулачивание в Нагатино уже набирало обороты, и ее очень интересовал вопрос, вступать в колхоз «Красный огородник» или нет. А в борьбе с троцкизмом я все равно ничего не понимал, и фамилии отлученных от партии по этому признаку для меня равным счетом ничего не значили. В общем, начал самым позорным образом засыпать, хорошо, что Петя приглядывал за мной и вовремя пихал локтем. Наконец полуотключенный мозг выделил в нескончаемом потоке слов фамилию Милов, и я, сделав над собой усилие, мобилизовался. Слово держала молодая особа посредственной наружности, но полная внутренней ярости, сидевшая тихомирно до того в президиуме. Или как это здесь называется?

И чего она так разоряется? Подумаешь — пропустил шесть собраний подряд. Это разве «систематически»?

— Петя, дорогой, а скажи мне, — спросил я напарника, желая получить подтверждение догадке, — ты ее, часом, не того? Ну понимаешь...

— Это она меня чуть не этого! Еле убежал!

— Понятно, нет никого мстительнее отвергнутых женщин, — сказал я задумчиво. — А уж эта! Соплюшка совсем, а уже мегера.

Петра вызвали из зала пред светлы очи всего коллектива — прямо на трибуну, держать ответ. М-да, электрод Милов с грехом пополам держать уже мог, а вот ответить на обвинения ему было нечего.

— Я... Мы... Больше не повторится... — Тьфу ты, тухлый овощ, слушать противно!

— Кто имеет сказать в защиту Милова? — раздалось из президиума, ну прямо — «все татарин, кроме я».

Я поднялся со своего места и, набрав, сколько мог, воздуха, как можно внушительнее изрек:

— Я буду говорить!

— А вы кто, товарищ, будете?

— Пролетарий я, мастер и наставник этого Демосфена недоделанного.

После слова «этого» я значительно сбавил голос, но со сцены все равно указали.

— Попросим непонятными словами не выражаться! Мы не на корабле!

— Хорошо, хорошо. Мне отсюда можно, или к вам забраться?

— Говорите с места, может, еще защитнички найдутся, — это ввернула та самая дурнушка, убивая на корню желание возможных заступников выделяться.

Что ж, приступим.

— Товарищи комсомольцы! Как вы все знаете, коммунистическая партия, под мудрым руководством товарища Сталина, взяла курс на построение коммунизма в отдельно взятой стране, одобренный большинством голосов на съезде. Как должны воспринимать эту установку настоящие комсомольцы, молодые и энергичные последователи учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина? Безусловно, как руководство к действию! Именно так и

принял ее товарищ Милов, работая по две смены каждый рабочий день! На своем, не побоюсь этого слова, боевом участке, товарищ Милов приближает построение коммунизма ровно в два раза быстрее, чем это запланировано, исходя из возможностей среднего пролетария! Почему так происходит? Потому что товарищ Милов далеко не средний пролетарий, а я бы сказал, не погрешив против истины, ударник коммунистического труда! Если бы каждый работал так же, коммунизм в СССР был бы построен ровно в два раза быстрее! И даже еще быстрее, так как за смену товарищ Милов вырабатывает две нормы и более! И выполняет товарищ Милов свою работу так, что ни у кого язык не повернется сказать, что сделано плохо. Наоборот, все начальники цехов нашего завода постоянно выражают комсомольцу Милову благодарность за проделанную им работу. Вполне понятно, что комсомолец Милов, занятый построением коммунизма, не всегда имеет возможность посещать комсомольские собрания. Между двумя возможностями — отработать дополнительную смену или поучаствовать в собрании — он без колебаний выбирает ударный труд. Почему так происходит? Потому, что товарищ Милов предпочитает *быть* комсомольцем, а не только им числиться! Многие ли из вас являются настоящими комсомольцами под этим углом зрения? Если вы проголосуете за исключение товарища Милова из рядов комсомола, он комсомольцем не на словах и бумаге, а на деле быть не перестанет. А вот каждый, кто проголосует за это, навредит товарищу Милову, следовательно — создаст помеху построению коммунизма. Как назвать человека, на словах выступающего за коммунизм, а на деле вставляющего ему палки в колеса? Комсомольцем? Нет, болтовня и вредительство — отличительный признак троцкиста! У меня все.

Едрен батон, хоть и готовил эту речь заранее, вспоминая слышанные ранее в прошлом мире и выбирая подходящие обороты, проговаривал ее потихоньку про себя, но такие выступления мне совсем непривычны, во рту будто песку насыпали. Водички бы сейчас попить! Пока я так размышлял, в зале царила гробовая тишина, комсомольцы, скрипя шестеренками, переваривали полученную информацию и пытались понять, как на нее отреагировать. Первой нашлась дурнушка и начала яростно выкрикивать, прямо сидя в президиуме.

— Да как Милов может линии партии следовать, когда он ее и не знает вовсе?! Правильные установки даются именно на комсомольских собраниях, а Милов их не посещает!

Тут, к счастью, Петя тоже не лопухнулся и начал на память цитировать повестки дня и решения пропущенных собраний.

— Да ладно, Петр! Верим тебе, что знаешь. А ты, Машка, просто хочешь ему навредить, раз он на тебя не смотрит. Но тут дело политическое уже получается! — Председатель на секунду задумался и продолжил: — Предлагаю вопрос об исключении комсомольца Милова с повестки дня снять. Кто «за»?

Всегда замечал, что по предложениям руководства, любого, «за» голосуют гораздо охотнее, чем «против». Тут же вообще все было единогласно. «За» проголосовала даже девушка Маша, просто потому, что так она избегала повышенного внимания к личной ее заинтересованности в судьбе Петра.

На собрании мне уже делать было нечего, и я потихоньку вышел, рассчитывая за час-полтора дойти по замерзшей Москве-реке до дома и в кои-то веки переночевать там в будний день.

— Ой, Семен! — Полина всплеснула руками, выглянув на улицу на скрип шагов по свежему снегу. — Ты чего пришел-то?

— Живу я здесь. Али забыла? — ответил я устало. Все тропинки замело, и приходилось идти по снежной целине, что изрядно меня задержало. — И жить буду еще два дня. А потом уйду, не волнуйся. Михалыч мне уже выбил койку в общежитии как ценному работнику, можно хоть завтра переезжать.

— Сем, да ты в дом проходи, ужин еще не остыл, поешь.

Хозяйка была как-то подозрительно ласкова, чего я раньше за ней не замечал. Скорее, нормой было то, что мы постоянно цапались. Не говоря ни слова, я прошел в избу, разделся, умылся и сел за стол. Меню приятно порадовало, особенно в контрасте с заводской кормежкой. Тут тебе и курица жареная с картошкой, и зелень, и огурчики соленые. Хозяйка без меня явно не голодала.

— А я вот все время на тебя готовлю, как уговаривались, — Полина чуть ли не ластилась. — Думаю, может, придешь? Сема, может водочки налить?

Последний вопрос меня сразил наповал. С чего бы это такое неслыханное внимание к моей скромной персоне? Эта подруга явно от меня чего-то хочет и лучше уж сразу выяснить, чего именно.

— Говори.

— Сем, ты бы не уходил, а? — Поля сказала это тихим и настолько жалобно-просительным голосом, что я почти поверил, что именно я, сам по себе, ей и нужен.

— Обговорили же все еще месяц назад. Чего непонятного? Меня твои условия не устраивают, ты меня тоже не устраиваешь. Смысла оставаться нет.

— Сем, а Сем? Да бог с ними, с деньгами. Ты оставайся, ладно?

А вот это уже ни в какие ворота не лезет! Я ее целый месяц ушлой мошенницей считал, а ей даже денег не надо! И в чем подвох? Молча посмотрел на хозяйку долгим оценивающим взглядом так, что она покраснела. Да, где та болезненная бледность месячной давности? Полина за последнее время прямо расцвела. Понятное дело, если так каждый день питаться, как я сейчас ужинаю, за месяц можно и узника Бухенвальда откормить. А харчи, стало быть, мои. Занятно.

— Поля, а скажи мне, чем ты этот месяц занималась? Чем зарабатывала?

— Так нет работы никакой, дома сидела. Сейчас и наняться-то ни к кому нельзя, боятся все. Раз работников хоть зачем нанимаешь, значит — кулак. Враз все опишут и вышлют куда Макар телят не гонял. А в колхоз идти, так там трудодни отрабатывать какие-то надо, а оплата только со следующего урожая.

— Стало быть, если я уйду, тебе и жрать нечего будет? — спросил я ровным голосом, сознательно провоцируя хозяйку, которая всю жизнь как-то прожила одна, без посторонней помощи. И провокация удалась на славу!

— Вот только не думай, что без тебя не проживу! Благодетель нашелся! Да скатертью дорога! Катись колбасой куда хочешь! — Полина чуть не подпрыгивала, выкрикивая эти слова, а потом неожиданно расплакалась. Я был готов к взрыву эмоций в любой форме, поэтому так же спокойно, как и прежде, продолжил:

— Вот видишь, Поля, плохо мы с тобой ладим, цапаемся постоянно. А знаешь почему?

Стерва ты натуральная, иначе не скажешь. Детей у тебя нет, а без детей бабы стервенеют. Все прошлым живешь, мужа уж четырнадцать лет как нет, могла бы снова замуж выйти. Ты баба еще вполне себе ничего.

— Ничего, то есть — ничего особенного?

— Ты прекрасно понимаешь, что я сказал, не придуривайся.

— Да? А почему же ты тогда меня вообще не замечаешь? Все мужики как мужики — думают раз вдова, то и побаловать можно! А этот только в первую ночь, да и то с какой-то ерундой!

— Хочешь сказать, что ты к моим кошмарам отношения не имеешь?

— Это само собой получается, когда боюсь или злюсь, давно заметила. Просто научилась этим пользоваться.

— А меня стало быть не боишься?

— Нельзя тебя бояться, дом сожжешь к чертовой матери, приходится в руках себя держать.

— А прежние постояльцы как же? Неужто никто к тебе вопросов не имел из-за баловства твоего?

— Отчего же, ломились ночью, как и ты, только у них совсем другое на уме было, я их не пускала, а боялась и злилась еще больше. Дольше двух дней ни один не выдерживал.

— Ага, ты, значит, и не злишься на меня вообще, мне это только кажется? Врать когда научишься?

— Злюсь, и еще как! Только не по ночам. Сначала трудно было, а потом привыкла, что ли, да и трудно стало злиться на тебя, никакого вреда от тебя нет. Да и заявляешься редко.

Я сидел и задумчиво смотрел на Полину, открывая ее для себя заново, будто видел в первый раз. Да, в общем, так оно и было, ведь при обычных наших пикировках на нее лишний раз и глаза поднимать не хотелось, а сейчас, наряду с новыми гранями ее внутреннего мира, я подмечал детали, на которые раньше просто не обращал внимания. Вот вижу, у нее сполз с головы неизменный платок и из-под него показались сильные, слегка вьющиеся светло-русые волосы. Вот она моргнула, взмахнув своими длинными, прямо-таки лошадиными ресницами, спрятав на короткий миг пронзительно голубые глаза, вот разомкнулись бордовые в свете свечей, маленькие пухлые губы, впустив в высоко поднявшуюся грудь глубокий вдох. И почему я раньше этого не замечал? Мысли заметались, и голова плавно утратила ведущую роль, уступив ее месту пониже пояса.

— Поля, иди ко мне, — очень ласково, осторожно, словно боясь спугнуть, и одновременно просительно-повелительно сказал я.

Полина словно застыла в нерешительности, но когда я встал, потянулась ко мне и прижалась всем телом, спрятав голову у меня на груди. Нежно поцеловав ее розовую мочку, погладил по голове, сдвигая платок на спину. Она, отвечая на ласку, подняла лицо, и я почувствовал ее теплое дыхание. Еще миг, и наши губы сомкнулись, в голове зашумело и закружилось, сердце так забило изнутри в грудную клетку, словно хотело оттуда вырваться, и я полностью потерял над собой контроль.

— Вот дура! — брякнула Поля много времени спустя, бесцеремонно выпихивая меня из кровати и сдергивая испачканное кровью белье, абсолютно не стесняясь при этом собственной наготы.

— Чего? — Я непонимающе уставился на это представление, с трудом приходя в себя.

— Так получилось, Семка, что ты у меня первый. Извини.

— За что? Постой, ты же замужем была!

— Повенчаться успела, как и на своей свадьбе погулять, а остальное — увы. Не хочу рассказывать.

— И что, так и никогда ни разу?!

— Я и говорю — дура.

— Точно.

— Ах, Семка! Я так тебя люблю! Всегда-то ты мне правду скажешь, душой кривить не будешь... — Она счастливо засмеялась и, повиснув на мне, впилась в мои губы.

Вот и пойми поди этих баб!

Эпизод 3

Утро на заводе началось с неприятного сюрприза, заставившего меня изрядно напрячься. Причем я даже не прошел еще через проходную, застряв в толпе, сучковавшейся на улице возле стенда со стенгазетой.

— Семен! — это Михалыч высмотрел меня и теперь машет рукой. — Иди глянь, что твой Петька учудил!

Подойдя к стенду мягко раздвинув лиц, гораздо менее заинтересованных, чем я, увидел статью на четверть общей площади «Комсомольского листка». Так почитаем. Комсомолец, ударник и просто красавец, ну это я им еще вчера сказал. На сколько, на сколько план перевыполнил? Петька придурок! Не мог поскромнее сказаться! Да перед ним даже Стаханов нервно курит в сторонке! Вернее, будет курить, лет через пять. Да он, оболтус, всех под монастырь подведет! И меня в первую голову! Сейчас как пить дать какая-нибудь контролька с рулеткой припрется, длину швов замерять и объем работы оценивать! Одна надежда только на то, что мы за месяц столько наварили, в прямом и переносном смысле, что мерить замучаются, да и подлезть теперь далеко не везде можно.

Ну только попадись мне, Петька! Хвост к едрене матрене оторву, хвастать нечем будет!

Так, что там дальше пишут? Что?! «Комсомольское собрание выходит с предложением руководству завода о назначении Петра Милова бригадиром сварщиков». Мля! Это что, битый небитого везет, или как?

Михалыч, глядя на меня, ржет в голос. Другие работяги, для которых первым предметом шуток была именно наша парочка, в первую очередь из-за фамилий, тоже покатываются со смеху и подкалывают кто во что горазд. Ну Петька, доберусь до тебя!

Полчаса беготни по заводской территории с электродом в руке, изредка достававшим таки до задницы виновника торжества, перемежавшиеся выкриками про захребетников и политический момент, как ни странно, вернули мне расположение духа.

— Ну и что делать будем, бригадир целого меня, блин, недоделанный? — спросил я у подопечного, выпустив наконец пар.

— Петрович, да все как раньше останется! Я тут вообще же ни при чем, это все актив! — пытался оправдаться Петька. — Сам подумай, кто будет ученика бригадиром над мастером ставить?

К сожалению, машина пропаганды, с трудом проскрежетав колесами и сделав один оборот, свидетельством чего был приказ о новом назначении Милова, раскручивалась все сильнее и сильнее. Я поначалу плюнул на это, моей работе не мешало, но уже через два дня

был поставлен в крайне уязвимое положение. Дело в том, что одним, далеко не самым прекрасным утром Милов привел с собой еще шестерых новоявленных сварщиков, уже облаченных в рабочие робы и укомплектованных масками. Всей глубины задницы даже я поначалу не осознал, пока Милов не представил мне всех по именам, среди которых оказались Валя, Катя и Маша. Да, да. Та самая активистка.

— Вот, полюбуйся, Семен Петрович! — довольная физиономия Петьки не вызывала иных чувств, кроме холодной ненависти. — Нашему полку прибыло. Комсомольский актив принял решение сформировать добровольную ударную бригаду, чтобы поддержать наш почин и участвовать в строительстве коммунизма настоящим образом!

— Петя, малыш, а ты их предупредил, что пи... голосовать — это не мешки ворочать?

— Вы, товарищ, полегче, полегче, — это Маша решила устроить из производственного процесса митинг. — Мы тут все отдаем себе отчет, что будем много работать, как товарищ Милов. И все мы здесь добровольцы! Мы сами решили, раз на заводе сварщиков не хватает, перекрыть это узкое место, обеспечив выполнение и перевыполнение плана!

— Что ж, не будем зря болтать. Сварные — шаг вперед!

— А, что это вы, товарищ, раскомандовались? — Машка опять ввернула свои пять копеек. — Бригадир — комсомолец Милов, а вы вовсе в нашей комсомольской бригаде беспартийный. Еще командует он!

Припомнив молча все мыслимые и немыслимые матерные выражения, я взял Петю под локоток и аккуратно отвел в сторонку от насторожившихся ребят.

— Ну что, друг мой ситный? Приплыли? Что делать будем, бригадир? Ты хоть понимаешь, что будь они даже настоящими сварщиками, аппарат-то на заводе всего один? Мы с тобой, полтора работника, целый месяц кроме дуги ничего не видели, да приписано нам вдвое. Теперь же от нас, тех же полутора работников, да на бумаге еще шестерых в придачу, уже не четыре, а шестнадцать норм потребуют, дурья твоя башка! Одним аппаратом, рекордсмен, мля! А чтобы просто нормального сварщика из грамотного ученика подготовить, не меньше полугода надо! Это что, мне полгода на-гора по шестнадцать норм выдавать, вас, болтунов, попутно обучая? А знаешь что, Петр? Возьму расчет, и поминай, как звали!

— Семен Петрович, да как же так! Если мы провалимся, это какой же урон всей комсомольской организации получится! Все ж пальцами тыкать будут и болтунами называть!

— Вот, Петя! А потому, иди, объясни своим орлам и прочим пернатым, от кого сейчас авторитет комсомола зависит.

Петиних объяснений хватило ровно на то, чтобы сказать.

— Слово имеет товарищ Любимов.

И пришлось уже мне иметь слово, а потом и дело с этими энтузиастами. Обрисовав в красках и запахах, как и Петру, перспективы их самостоятельной ударной работы, тут же, пользуясь временным шокирующим эффектом, разделил бригаду на две неравные части. Первую, из четырех парней во главе с бригадиром отправил варить фермы, что было на тот момент самой простой из доступных работ. Варил, конечно бригадир, причем впервые самостоятельно. Девушек же, как предположительно более бойких, послал по политической линии. В смысле в партком, выбивать дополнительные сварочные аппараты. С четкой установкой — хоть крадите, но чтоб через неделю все было.

Сам же, скрепя сердце, пошел уламывать начальников переоборудуемых цехов

поставить в план какие-нибудь самые простые сварочные работы, для производства которых требовался минимум квалификации, чтоб только электрод из рук не падал. И опять торговал при этом своими руками, обещая лично заняться в первую очередь тем цехом, где дадут наибольший объем работ моим горе-сварщикам. То есть организовал всю ту же махинацию с учетом работ, только по иной схеме.

Вернувшись к парням, которые, к моему удивлению, умудрились каким-то чудом за время моего отсутствия ничего не напортчить, оставил, на мой взгляд, самого заинтересованного и занялся с ним вплотную, рассказывая, показывая и давая самостоятельно попробовать. Остальных же отправил делать макеты держателей с утяжелением сразу на всю бригаду. Уже во второй половине дня вся ударная комсомольская бригада, кроме тех счастливцев, которые попеременно отдыхали, работая со мной, рисовала на снегу прямые линии зажатými в тяжелых рукоятках ивовыми прутиками. На теорию я оставил только перекуры и перерывы на еду. Надо отдать должное комсомольцам, которые, несмотря на шуточки и подначки, упорно учились, как бы смешно это со стороны не выглядело. Я даже потеплел к ним сердцем и сумел поощрительно выдать из себя после долгих шестнадцати часов совместных мучений.

— А вообще, вы ребята — молодцы. И поступаете правильно, надо за все браться и тогда все будете уметь. Только прошу вас человеческим языком — не берите на себя больше ничего, хотя бы пока эту кашу не расхлебаем.

Ответом мне были семь вымученных улыбок и обещание никаких решений без меня не принимать. Напрасно только я на это надеялся, ибо уже через пятидневку прочел в «Правде» статью, что ударная комсомольская бригада товарища Милова и примкнувший к ним пролетарий Любимов, приняли обязательство перевыполнить план в два раза. На мой немой вопрос Маша-красавица ответила серьезным голосом:

— Понимаешь, Петрович, от нас здесь уже ничего не зависело, это дело политическое.

Эпизод 4

Как ни странно, за прошедшие с начала комсомольского приключения две старорежимные недели, свободного времени у меня стало гораздо больше. И это несмотря на то, что я проводил на заводе по-прежнему по две смены подряд. Сложных работ было не так уж много, да и в большинстве случаев я проваривал только самые ответственные участки, оставляя доделывать комсомольцам, которые старательно постигали азы профессии прямо на производстве, сняв с меня всю нагрузку несложных, но объемных работ. Ничего, пусть руку набивают. Пока, пятидневку назад, нам не прислали еще два аппарата, мои подопечные отнюдь не гнушались рисовать прутиками на снегу, сначала прямые линии, потом и геометрические фигуры. Вершиной в этом деле, как им казалось, были идеально ровные круги и эллипсы. Но я и здесь сумел их удивить, предложив скатать снежный ком и рисовать на нем. Даже потом изредка можно было наблюдать, как новоявленный сварщик, смущенный сложной формой детали, лепил ее сначала из снега и понарошку «проваривал», репетируя реальную работу. Теорию же они тоже изучали крепко, посвятив этому выходные дни и занимаясь совместно по книгам, взятым в библиотеках. В будни же, во время перекуров, рассказывали мне пройденный материал. Надо честно признаться, что и я сам из их рассказов почерпнул немало полезного, выясняя потихоньку авторов и названия. Потом

только оставалось заказать эти книги Полине, которая с удовольствием занималась их поиском на развалах.

Конечно, план первых двух недель мы полностью провалили, но рассчитывали к концу декабря месяца разойтись вровень или даже чуть перевыполнить. Но я-то знал, что заслуга здесь в основном не работников, а работодателей.

Тем не менее машина пропаганды крутилась, уже не замечая нас совсем и забыв как отработанный материал. А по стране во всю ширь разворачивалось движение ударников, предвосхитив стахановское моего мира на пятилетку. Хорошо это или плохо, я оценить с высоты своего положения не мог, но это стало каким-то массовым психозом, и вполне уравновешенные люди вдруг стали вкалывать как проклятые. Все шло к тому, что автозавод запустит свой конвейер где-то в середине весны. И было как-то странно ощущать, что спусковым крючком во всей этой истории был я, а началась она и вовсе с неудачного любовного приключения молодого балбеса, которого балбес средних лет решил отстоять, просто потому, что своих в беде не бросают. Впрочем, насчет неудачности любовного приключения я, кажется, поторопился. Маша — девочка настырная и решительная, чувствую — Петьке не устоять.

Эпизод 5

Мои же дела, в смысле решения главной задачи, никак не двигались. Вжиться в мир мне вроде удалось, вот только не проходило щемящее чувство, будто я теряю время. Все, что я делал, было как-то случайно, теперь мне нужно было четкое планирование, а ближайшая цель была уже определена. Мне абсолютно необходимо было как-то выдвинуться, заработать авторитет, избегая при этом по возможности партийной вертикали, ибо на «политических» я, по опыту общения в этом мире, смотрел как на психически больных людей, с опасением и жалостью. Сама мысль бултыхнуться в этот котел и вариться в нем была для меня внутренне неприемлема. Оставалось только выдвигаться по промышленно-технической линии и хороший задел в этом направлении, в виде карабина «Сайга», у меня уже был.

Ну что ж, будем становиться конструктором стрелкового оружия, пользуясь по максимуму наследием Михаила Тимофеевича, а заодно и Евгения Федоровича, так как единственный доступный патрон — 7,62x54 от винтовки Мосина. План мой был простой — воспроизвести югославскую «Заставу», используя ствольную коробку «Сайги», то бишь АК, и ствол с поршнем и толкателем от СВД, который я надеялся сделать по памяти, благо дел с боевой стрелковкой в прошлом имел изрядно.

Еще собираясь переезжать от Полины, я разобрал все свое крупногабаритное оружие, разумеется, кроме меча, который так и остался висеть на стене, и пронеся по частям на завод, спрятал в десятке мелких тайников на его территории. Теперь нужно было потихоньку воспроизвести его из местных материалов и на имеющемся оборудовании. За сам процесс изготовления я вовсе не боялся, делали же в мое время этот же самый механизм в пакистанских мастерских, а тут у меня целый автозавод с опытным цехом. Единственное, что я не мог здесь изготовить, так это нарезной ствол, поэтому для начала решил ограничиться действующим гладкоствольным макетом, чтобы убедиться в работоспособности винтовки.

Поначалу я мучился в одиночку, потихоньку копируя детали и воспроизводя их из

доступных материалов, составляя вместо чертежей эскизы с размерами. И если со штампованными из листа деталями проблем не было — их я гнул и чеканил из жести, включая ствольную коробку, то детали сложной формы, такие, как затворная рама и сам затвор; потребовали изобретательности. Дело в том, что оригиналы я, разумеется, показать никому не мог, как и воспроизвести самостоятельно. Поэтому пришлось сначала отливать восковые копии, что тоже было непростым делом, затворную раму, к примеру, собирал из нескольких частей на проволочных шпильках. С этими заготовками пошел на поклон к краснодеревщикам, которые, почесав в затылке и поинтересовавшись, что это такое, сделали точно такие же деревянные. Помогли они и по другим мелочам, включая обрубок ствола с патронником, в точности соответствовавшим трехлинейной гильзе. На четвертый день, собрав весь этот конструктор воедино на мягких пружинках, попробовал, как работает механизм со стандартным патроном, в качестве которого выступала подобранная в тире «Динамо» стреляная гильза с вставленной в нее деревянной пулей. По итогам выяснилось, что боеприпас на подаче болтается и утыкается, пришлось вносить изменения. Наконец, все заработало как надо.

Со стволом же были совсем другие мучения, образца я не имел, приходилось делать деревянный макет на глаз и на ощупь. Кто видел, как это в деталях происходило, не могли сдержать усмешку — мастер, только что требовавший исключительной точности, мерил макет ладонями и пальцами, ощупывая и так и так, рассматривая со всех сторон. Конечно, воспроизвести в точности не получилось, да это и не нужно было, ведь ствол поставлю все равно новый и при выстреле будет вибрировать по-своему, но вышло похоже.

При воплощении же в металле участие принимал чуть не весь опытный цех, выкраивая для этого время перекуров и оставаясь после работы. Весть о том, что Любимов придумал автоматическую винтовку, разнеслась со скоростью сарафанного радио в деревне, всем было исключительно интересно. И я старался этот интерес подогревать, особенно у специалистов, кто был абсолютно необходим, в том числе и материально.

Порой споры по какой-нибудь детали доходили до крика, и здоровые мужики горячились как мальчишки, доказывая, что именно он сделает либо лучше, либо проще, либо быстрее. А чаще всего — все вместе. Самым заметным внешне итогом этих споров стала штампованная ствольная коробка, опыт изготовления рам АМО не пропал зря. В итоге получилось нечто весом за четыре килограмма без патронов, которые еще предстояло найти для пробного отстрела.

Разрешилось это затруднение самым драматическим для всех участвующих образом. В тот самый распрекрасный момент, когда все, кому винтовка была интереснее жен и детей, оставшись после смены, собрали макет и я стоял, прикладываясь к нему и так и этак, рисуясь перед остальными, в цеху раздался резкий крик.

— Никому не двигаться! Руки вверх!

Я от неожиданности аж присел, задрал одновременно вверх руки с зажатой в них винтовкой. Поза была весьма живописной, впрочем, другие выглядели не лучше. Пока мы дружно тупили, люди в синих шинелях, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, не только взяли под контроль все выходы из цеха, но и окружили нас плотным кольцом.

— Терентьич, ты чего? — Евдокимов удивленно уставился на начальника отделения заводской охраны.

— Не Терентьич, а начальник отделения ведомственной милиции завода ГАЗ № 1 Поздняк! Вы все задержаны за незаконное изготовление оружия!

Тва-аю мать! Идиот, ежу же понятно, что в любом государстве изготовление боевого оружия регламентируется! А этот усатый доволен, врагов советской власти поймал, сцуко! Блин, да весь завод знал, чем мы здесь занимаемся! Мог же по-человечески подойти и предупредить. Нет, мелкая душонка, дождался, пока соберем, и задержал! Чтоб тебе за это благодарность с занесением в грудную клетку выписали!

— Какого такого оружия?

Дух противоречия и привычка, выработанная общением с ментами XXI века, сделали свое дело.

— А того самого, гражданин Любимов, что ты в руках держишь!

— А-а-а-а... Так это не оружие, это всего лишь макет винтовки, — сказал я облегченно. — Терентьич, будь человеком! Ведь мы это не со злым умыслом, эта винтовка РККА нужна, для нее стараемся.

— Молчать! Этот, как ты говоришь макет, подпадает под категорию огнестрельного оружия «Б», то есть «образец, могущий быть использованным для вооружения РККА и РККФ», сам сказал. В любом случае незаконное изготовление любой категории оружия — уголовная статья, штраф до тысячи рублей или принудительные работы на полгода, с конфискацией предмета преступления.

— Да я же говорю — макет! Он гладкоствольный! — Слава Богу, вразумил не торопиться! — Поэтому никак не может быть в настоящем виде использован для вооружения РККА! Да к тому же не стрелял ни разу! Значит — не оружие!

— Не оружие, говоришь? — Поздняк почувствовал подвох. — Сейчас проверим. Селиверстов! Забери винтовку!

Опытный образец пришлось отдать. Неужто он сейчас из него стрельнуть попробует? Я бы не решился, сначала бы со станка за шнурок дернул.

— Как работает? — точно, собрался стрелять, только не сам, не дурак, другому прикажет. Попробуем на этом сыграть.

— Товарищ милиционер, предупреждаю, это всего лишь макет, он на стрельбу не рассчитан, покалечитесь.

— Вводишь органы в заблуждение, Любимов! Отстреливать ты его сам собирался, — опаньки, да у нас стукачок. Делать нечего, пришлось вкратце рассказать, как обращаться с винтовкой, впрочем, хватило рассказа о зарядании, после чего меня прервали.

— Хватит. Селиверстов, заряди одним патроном, — Поздняк явно какую-то подляну задумал.

— Есть! Готово.

— Любимов, на выход! Предупреждаю, дернешься — стрелять буду... — все это начальник отдела милиции говорил, неспешно доставая из кобуры наган и направляя его на меня.

Мы вышли на свежий морозный воздух, солнце село по-зимнему рано, и теперь снег искрился в желтоватых лучах электрического фонаря, вывешенного на столбе рядом с воротами цеха. Подняв лицо к небу, я увидел близкую россыпь звезд и подумал про себя, что в загаженном смогом мегаполисе сквозь ночную иллюминацию моего родного времени такую красоту не разглядеть, только далеко за городом если. Как жить-то хочется!

— Бери! Стреляй в сугроб! — чего-то подобного я и ожидал. Не говоря ни слова, взял винтовку и щелкнул предохранителем. Подумалось, что пожелать самому себе? Если винтовку разорвет, это будет удачей или нет?

— Чего застыл как истукан? Стреляй!

Да где наша не пропадала! Вытянул оружие на одной руке, заслонившись другой, и нажал на спуск.

Щелк! Это что ж за твою мать? Почему не стреляет? Передернул затвор, подобрав выпавший патрон. Зарядил и попытался еще раз выстрелить — тщетно!

— Ну что? Убедился? — пробормотал я некстати севшим голосом, полностью занятый своими мыслями.

— Извините, товарищ Любимов, ошибочка вышла, — с досадой выдавил Поздняк. — Бывайте.

— Стой! — я вынырнул в реальность. — Какие бумаги нужны?

— Что?

— Какие нужны бумаги, чтобы работу продолжить?

— А... Разрешение органов ГПУ. Пиши заявление, передам наверх — рассмотрят.

Шатающейся походкой возвращаюсь в цех, который уже покинули доблестные работники народной милиции. Рабочие смотрят на меня угрюмо, а мне все равно, винтовка-то так и не выстрелила. Этой своей печалью я и не преминул поделиться.

— Твое счастье, Левша, чтоб тебя! — разом выразил мысли всех присутствующих Евдокимов. — Это ж надо! Полгода без полочки! И это в лучшем случае! Да я б тебя угробил сразу, никакая милиция не отбила б!

— Виноват, простите, но кто ж знал? Мы что, каждый день тут оружие собираем? Впредь наука. Давайте разберем, посмотрим, что случилось?

— Я те посмотрю! Под монастырь нас всех подвести хочешь?! — Михалыч вышел из себя. — Домой ступай! И чтоб за винтовку, пока бумаги не выправишь, не брался!

Эпизод 6

Волокита с документами заняла едва ли не больше времени, чем само изготовление опытного образца. Однако теперь это все было оформлено как инициативная разработка и даже одобрено руководством завода, которое, правда, распорядилось заниматься ей только в сверхурочное время, как непрофильной, и только за свой счет. От имени завода удалось только выписать из Тулы стволы, да и то, деньги для оплаты этого заказа пришлось собирать с помощью моих комсомольцев как добровольные пожертвования на нужды обороны.

Разобрались мы и с причиной нашего неслыханного везения, виновником оказался ударник, который я решил сделать немного толще и другой формы, опасаясь за качество металла. Он застрял в отверстии зеркала затвора, которое осталось прежним, и не смог с достаточной силой наколоть капсуль. После устранения этой оплошности макет исправно стрелял, причем практически в любых условиях, в каких может оказаться оружие на фронте, полностью подтвердив репутацию системы Калашникова. Получив положительный результат, мы принялись за изготовление опытной партии. Опытной в том смысле, что она вся ушла на различные эксперименты.

С прибытием из Тулы заготовок стволов началась эпопея с их подбором методом тыка. Дело в том, что присланные стволы были изготовлены по образцу стандартных трехлинейных, их стенки, даже на глаз, были толще стенок ствола СВД. Поэтому все мои выкрутасы с измерением длины ладонями оказались бессмысленными. Пришлось

отстреливать, применяя сверхбыструю кино съемку, чтобы определить точки, где расположить газоотводный канал, прицельные приспособления и крепление штыка. Этот способ оказался единственным мне доступным, так как никаких иных приборов, позволяющих получить полную картину вибрации во время выстрела, не было. Навел же меня на мысль использовать «важнейшее из искусств» отрывок из прочитанной в детстве биографии Дегтярева, где он, примерно в это же время, доводил таким образом до ума пулемет ДА.

Получилось в итоге что-то напоминающее СВДС, с более коротким и толстостенным стволом по сравнению с оригинальной СВД. Мой взгляд, конечно, резало подобное скрещивание ужа с ежом, но стреляла же исправно югославская «Застава», в которой введением более подходящего для винтовочного патрона «мягкого» газоотводного механизма даже не заморачивались.

Попутно создавался и ручной пулемет с еще более толстым стволом на сошках и дисковым магазином на 63 патрона, наподобие ДТ, но присоединяемым снизу. Я, конечно, понимал, что пулемету нужно ленточное питание, но металлических лент сейчас в СССР не применяли, только холщовые, а с ними и два человека с Максимом непрерывный огонь не всегда могли обеспечить. А главное — требовалась совершенно другая конструкция оружия, а я ПКМ захватить с собой для образца как-то не сподобился. Что, впрочем, не помешало мне позаимствовать систему охлаждения ствола «Печенег». В итоге вышел этот мутант РПК в семь кило, без патронов, легче ДП почти на полтора килограмма. Со снаряженным магазином контраст, правда, был меньше.

Много времени потребовала пристрелка оружия и изготовление прицельных приспособлений, в основном из-за того, что по зимнему времени стрелять посветлу я мог только в свои выходные, чем и занимался в компании милиционеров, которые в виде компенсации за устроенную нервотрепку и обеспечивали заводские испытания. По их рекомендациям тоже вносились мелкие изменения, касающиеся эргономики.

После многих усилий, отобрав три лучшие по кучности винтовки и пару пулеметов, группа в единственном лице главного конструктора Любимова и четырех милиционеров из отдела заводской охраны выехала в Солнечногорск, на курсы «Выстрел», к месту проведения конкурса 1930 года на автоматическую винтовку для вооружения РККА. Ради такого случая мне пришлось взять в начале марта отпуск за свой счет. В своей победе в этом конкурсе я абсолютно не сомневался, точно зная, что до 1936 года ничего стоящего на смену винтовке Мосина не сделают, и мысленно прокручивал все положительные моменты принятия на вооружение в 1930 году автоматической винтовки на основе конструкции Михаила Тимофеевича. Действительно, за десять лет их наклепают — мама не горюй! Попутно будет технология изготовления совершенствоваться. И к началу новой большой войны наша армия будет иметь перед любым противником преимущество, хотя бы в индивидуальном оружии. Если приложить сюда и пулемет, то картина еще более радостная получается. Наконец мне удастся выдвинуться, мое слово будет иметь хоть какой-то вес, я смогу влиять на ситуацию в нужном мне направлении.

Рассуждая про себя подобным образом, я не мог даже предположить, что наш образец забракуают. Тем сильнее стал для меня удар. Нет, отстрелялись и винтовка, и шедший вне конкурса пулемет безупречно, продемонстрировав высокую надежность и приемлемую кучность. Особенно это бросалось в глаза при сравнении с образцами Дегтярева и Токарева, которые постоянно давали поломки и задержки, да и весили больше. Но заключение

приемной комиссии по винтовке меня шокировало: «Так как образец Любимова имеет на 50 м/с меньшую начальную скорость пули, его бронебойное действие ниже, чем у винтовок Дегтярева и Токарева, а также ниже, чем у состоящей на вооружении винтовки обр. 1891 года, поражение танков бронебойными пулями не обеспечивается». Вот тебе бабушка и Юрьев день! До кучи: «Мало приспособлена к штыковому бою». И в итоге: «В принятии на вооружение отказать». Пулемет оказался «не имеющим реальных преимуществ перед ДП, производство которого уже налажено». К тому же «сильное дульное пламя». Приплыли! Три месяца труда насмарку!

Несколько скрасило безрадостный итог то, что имел честь завязать знакомство с Токаревым и Дегтяревым, которым изрядно прополоскал мозги еще во время проведения конкурса своими планами на будущее. А были в них промежуточный патрон, компактный пистолет-пулемет с охватывающим ствол затвором, шнековый магазин, патроны увеличенного калибра в стандартной гильзе для бесшумного оружия, интегрированный глушитель для него же. А самое главное — единый пулемет с ленточным питанием. Услышанное заставило конструкторов изрядно задуматься, к чему я и стремился. Хотя и поспорить пришлось изрядно, доказывая свою правоту, особенно по первому пункту.

Вот так вот я и уехал домой несолоно хлебавши, решив для себя, что для принятия моей винтовки местным красным командирам просто не хватает представления о будущей войне. Исправлять это досадное обстоятельство я намеревался сразу, как только разживусь пишущей машинкой.

Глава 8

ДВИЖОК

Эпизод 1

Апрель месяц стал для автозавода знаменательным. 22 числа в торжественной обстановке, в присутствии всего коллектива, был пущен сборочный конвейер. Для заводчан это стало настоящим праздником, их тяжелый труд, которому они беззаветно отдавались из-за моей нечаянной подначки, был впервые весомо вознагражден. И дело вовсе не в деньгах и благодарностях начальства, а в том, что было сделано огромное дело, в котором участвовали сотни самых разных людей. Все чувствовали небывалый душевный подъем, и я тоже, несмотря на свою черствую натуру, поддался этому настроению. И кто бы что ни говорил тогда на увешанной флагами и транспарантами заводской территории, все по сути сводилось к одному и тому же: «ДА! МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ СДЕЛАЛИ ЭТО! МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ЕЩЕ БОЛЬШЕ!»

От руководства страны приехал нас поздравлять сам товарищ Сталин собственной персоной. Произнеся речь, в которой хвалил коллектив завода, идущего на острие индустриализации, он закончил ее так:

— ...Знаменательно, что пуск конвейера первого советского автозавода совпал с днем рождения великого вождя пролетарской революции товарища Ленина...

Как же, совпал. Могли еще позавчера запустить, нет, тянули чего-то. «Надо территорию в порядок привести, надо транспаранты развесить». Ох уж эти круглые даты!

Сталин меж тем продолжал:

— Его, к великому нашему горю, уже нет с нами, но дело его живет! Лучшим доказательством этого служат успехи вашего коллектива, смело идущего по пути строительства коммунизма! ЦК партии большевиков принял решение отметить ваш завод и присвоить ему светлое имя товарища Ленина. Мы надеемся, что вы и впредь будете верны его заветам и не уроните этого высокого звания.

Это что же получается? Первый государственный автомобильный завод имени Ленина? ЗИЛ? Чудны дела твои, Господи! Это что ж, опять я виноват? Мне что, чихнуть нельзя, чтобы что-нибудь не поменялось? Самое главное, конечно, чтобы на пользу, но пугает то, что этот процесс я абсолютно не контролирую. Все мои изощренные планы разбиваются о суровую реальность, в то же время любые незначительные телодвижения могут вызвать деформацию известной мне истории, причем существенную. В поговорку «все, что ни делается — все к лучшему» я с некоторых пор не верю. Потому как осознал, что из нее, как из песни, слова не выкинешь, а правильно она звучит «Все, что Господь ни делает — все к лучшему», смысл совершенно другой. А я всего лишь человек, которому, как известно, свойственно ошибаться. Но и сидеть сиднем я не могу! Задачи своей не выполню! Хорошо врачам с их принципом «Не навреди!», у них все рецепты записаны, да и тренировались они сперва на покойниках. Мне же надо править по живому организму целой страны, и лекарство неизвестно. Блин, да я даже диагноз поставить не могу!

Пока я рассуждал сам с собой подобным образом, на импровизированной трибуне

выступали по очереди руководители и передовики производства. Дошла очередь и до нашего незабвенного ударника Пети Милова, славящегося своим умением произносить зажигательные речи, правда исключительно в женском обществе и интимной обстановке. Его выступление живо напомнило мультик про Чебурашку и крокодила Гену: «Мы строили-строили, наконец построили. Ура!» При этом он судорожно мял свою парадную фуражку, а взгляд его, метавшийся по толпе, вдруг сфокусировался на мне. Я даже не успел сообразить, чем мне это грозит, как говорливый комсомолец ляпнул, тыкая в меня пальцем.

— Да мы, это что... Вот, товарищ Любимов — да! Это он все... А еще винтовку сделал!

Стоящие впереди меня люди обернулись и расступились, желая рассмотреть мою примечательную личность, те, кто был рядом, тоже отодвинулись на шаг, и я, с отвисшей от неожиданности челюстью, остался один в живом коридоре, образовавшемся по направлению указующего перста нежно мной про себя любимого, в самых заковыристых выражениях, ученика.

— Петрович! А ну давай-ка, держи речь! Скажи от мастеров нашего цеха! — Евдокимов подтолкнул меня в спину, и мне пришлось сделать пару шагов вперед на ватных ногах. Попытавшись восстановить положение и отступить назад, наткнулся на рабочих, уже заполнивших свободное пространство. Бросилось в глаза, как усмехнулся Сталин, наблюдая за этой картиной. Мне стало жутко стыдно за свою растерянность, здоровый мужик, а суетится как баба! Я, по ощущениям, даже покраснел. Да что я в конце концов комплекую? Что я людям пару слов сказать не смогу? Говорить — не мешки ворочать! Вон, даже Милов умудрился что-то пролепетать, а мне сам Бог велел! Одернув автоматическим движением робу, решительно направился к трибуне.

Шагая вперед, я смотрел прямо перед собой, и самой примечательной деталью в поле моего зрения были чуть прищуренные в усмешке желтые глаза действующего вождя мирового пролетариата. Может, правда, плюнуть на все и напроситься на аудиенцию, где все рассказать? Сразу станет легче, не придется ничего придумывать и терпеливо капать на мозги ответственным работникам, чтобы те почесались и двинулись в нужную сторону. С другой стороны, есть нехилый шанс, что информация будет использована неправильно, а я уже с этим ничего поделать не смогу. Все-таки этих товарищей я еще толком не понимаю. Нет, какое-то беспомощное состояние, когда все решает кто-то другой, мне не по нутру. Так что, обойдешься, усатый, без послезнания, не уверен я в тебе.

Поднимаясь по боковой лесенке на сколоченную из неструганных досок, спрятанных за транспарантом, импровизированную трибуну, наткнулся на Артюхину, оттесненную мужиками в задний ряд и поэтому ранее не замеченную.

— Здравствуй, товарищ Любимов, — ободряюще улыбнулась мне она, пока я проходил мимо.

— Здравствуйте, Александра Федоровна. Не ожидал вас здесь увидеть.

Сталин, полуобернувшись, с видимым удивлением перевел взгляд, в котором не осталось и тени прежней иронии, с меня на редактора «Работницы» и обратно. Ничего, это еще цветочки, сейчас я тебя еще больше удивлю.

— Что вам сказать, товарищи? Что вы все молодцы? Это вы и без меня знаете. Что мы запустили конвейер и машины из ворот нашего завода будут выходить не сотнями и тысячами в год, а десятками тысяч, может даже сотнями? Это тоже ни для кого не секрет. Поэтому скажу, зачем это нужно. Про построение коммунизма говорить не буду, не силен, буду конкретно. Вот взять наш АМО-2, или, как бишь его теперь назовут, ЗИЛ-2.

Грузоподъемность его две с половиной тонны. Что это значит? Что он может разом поднять один боекомплект дивизионной гаубицы и перевезти его за полчаса на двадцать пять километров. Сейчас в армии такой вес поднимают два зарядных ящика, запряженные дюжиной лошадей, и перемещают его на то же самое расстояние за день.

Почему я вдруг заговорил об армии? Да все просто. Наше советское государство для мирового империализма как кость в горле. Мы самим своим существованием ставим под сомнение их притязания на власть над рабочими и якобы священное право их собственности. Поэтому они, вне всякого сомнения, приложат все силы для того, чтобы нас уничтожить. Многие считают, что у империалистов ничего не выйдет, потому что пролетариат их собственных стран не будет спокойно смотреть, как они нападают на наше государство рабочих и крестьян, и восстанет, совершив революцию. Так вот, это в корне не верно! Вижу, возмущаетесь, Любимов ерунду городит, да? Погодите, сейчас объясню все. Неверно это потому, что на нас лежит слишком большая ответственность за нашу Родину и мы не можем ставить ее судьбу в зависимость от решения, которое примет иностранный пролетариат! Вдруг у него кишка тонка окажется для революции, будь они хоть сто раз на словах коммунистами? Наплевали же германские коммунисты на принцип пролетарского интернационализма во время мировой войны? Нет, мы вольные люди и должны решать свою судьбу только своей волей! То есть свобода, независимость и территориальная целостность Союза ССР должны быть обеспечены только нами самими, вне зависимости от любых внешних факторов. А для этого нам нужна могучая армия и флот, чтобы защищать наше народное государство от любых посягательств. Тем более что в Европе набирает силу фашизм, который буржуазия откармливает, как зверя, чтобы он бросился на нас. И многие соблазняются фашистской идеологией, ведь куда проще отнять, чем упорно трудиться самому. Фашисты спят и видят, как они повелевают покоренными народами, пользуются их рабским трудом. Поэтому я хочу попросить товарища Сталина, как нашего вождя, уверен, весь коллектив завода меня в этом поддержит, приложить все усилия, чтобы не допустить фашистов к власти в любой стране, где они ее еще не получили. Мы же, в свою очередь, должны также упорно трудиться, чтобы построить такую экономику, глядя на которую, империалисты от зависти бы, лопнули, чтобы вооружить такую армию, глядя на которую, любой враг самой мысли напасть, побоялся бы. У меня все, простите, если что не так сказал.

Уфф! Воды! Но вроде все сумел сказать и про интернационализм, и про фашизм, и про войну. Имеющий уши да услышит. А если к ушам еще мозги прилагаются, то еще и осознает. А для большинства работяг, по лицам вижу, речь моя, что шаманские камлания — слов много, но ничего не понятно. Ладно, главное, чтоб Сталин подумал на эту тему. Посмотрим, кстати, что ответит, ведь к нему просьба прямая была.

Иосиф Виссарионович, шагнул вперед и встал рядом со мной.

— Руководству ВКП(б), и мне лично отрадно видеть, что мы не ошиблись в вашем коллективе! Имея крепкую парторганизацию, которая состоит из таких политически грамотных коммунистов, как товарищ Любимов...

Директор завода Лихачев придвинулся сзади и вполголоса сказал.

— Он беспартийный...

— ...Которая состоит из таких пролетариев, как товарищ Любимов, можно решить любую задачу! В том числе и ту, которую он поставил. Правительству Союза ССР известна вся звериная сущность фашизма, мы всеми силами с ним боремся, особенно по линии Коммунистического Интернационала, который товарищ Любимов недооценивает. И все

вместе, несомненно, его победим!

Сначала со сцены, из заднего ряда, а потом и по всему сборочному цеху раскатилась волна аплодисментов, заглушая голос Лихачева, пробубнившего у меня над ухом:

— Чтобы завтра же заявление в партию написал!

Эпизод 2

Парад и первомайская демонстрация 1930 года запомнились мне особенно, в этот день первые два десятка грузовиков ЗИЛ-2 прошли во главе заводских колонн по Красной площади. Там было непривычно тесно, полным ходом шла реконструкция, и значительная ее часть была отгорожена высоким забором, задрапированным плакатами.

На праздник народ приходил семьями, на парад посмотреть, себя на демонстрации показать, пришел и я с Полиной. Парада, правда мы не увидели, а мне очень хотелось сравнить с тем, что будет потом, но боевой техникой издавдалека все же полюбовался.

— Смотри! Наши броневики! — Милов, сидевший в кузове ЗИЛа вместе со своими комсомольцами, удостоенными такой чести за ударный труд и прочее, а на самом деле, чтобы продемонстрировать партийному руководству «лицо завода» — молодых и энергичных, показал в направлении маячивших над толпой кургузых башен. Я даже попытался подпрыгнуть, чтобы рассмотреть это антикварное чудо.

— Петрович, чего скачешь? Айда к нам! — за мою куртку уцепилось сразу три пары рук, но мне удалось вырваться и, подхватив Полину, посадить ее в кузов, после чего я и сам перелез через борт. Взглянув в указанном Миловым направлении, я только разочарованно вздохнул и в сердцах брякнул:

— Фигня.

Нет, с точки зрения истории техники это были очень примечательные экземпляры, но вот в плане боевых свойств...

— Да ты что! Это наши лучшие броневики! — комсомольцы возмущенно зароптали.

— Не беда, сделаем еще лучше.

— Вечно ты, Петрович, недоволен.

— Стремиться, дорогие мои, надо к большему и лучшему. Плох тот солдат, у кого нет маршальского жезла в ранце!

— Чего?

— Поговорка такая.

Между тем колонна двинулась, и спрыгивать было уже поздно, да и не к лицу. А с передней машины, стоя в кузове и полуобернувшись назад, грозил мне кулаком Лихачев. Куда, мол, с суконным рылом да в калашный ряд?! Заявление-то в партию я ему так и не принес, успешно скрываясь от партийных руководителей и уходя от ответов на вопросы рядовых товарищей. На возмущенную жестикуляцию директора завода мне оставалось отвечать лишь разведенными в жесте непонимания руками. В таком положении мы и проехали мимо трибуны, которая надвинулась неожиданно быстро. Мне показалось, или Сталин мне подмигнул?

Эпизод 3

А жизнь на заводе стала совсем нервная. Сборочный конвейер-то мы запустили, только вот остальные цеха сильно отставали, и дело было даже не в людях, а в поставках оборудования. Цеха простаивали, не было станков, фактически завод собирал ЗИЛ-2 из импортных запчастей. Советскими в этих машинах были по большому счету рама, подвеска да колесные диски, которые как раз и варили мои комсомольцы, работая на склад с двукратным перевыполнением плана. Поставки же основных механизмов из Америки были нерегулярными, то партию привезут — работаем, нет агрегатов, конвейер стоит. Да и такое случалось, что были, к примеру, коробки, не было движков. В общем, ритмичного, налаженного производства не получалось. И терпеть такое положение придется еще минимум год, пока завод не войдет в строй полностью. Пока же наряду с отверточной сборкой ЗИЛ-2 с конвейера сходили и старые АМО-Ф-15, агрегаты к которым можно было делать на существующем оборудовании.

И вот тут-то совпал мой шкурный интерес с государственным. Дело в том, что в один действительно прекрасный момент Полина заявила мне, что беременна. Конечно же как честный человек я обязан был жениться, причем это не она мне сказала, а я сам так искренне считал, чем сильно ее порадовал. Сама процедура регистрации брака в советском государстве свелась к попутному заходу в сельсовет, где была сделана соответствующая запись, вот с церковью было чуть сложнее. Передо мной опять встала проблема исповеди, и приходилось выбирать, кому врать — Полине или священнику. Или умалчивать, что в данном случае одно и то же. Но, в конце концов, решил, что с женой мне жить, а Бог простит, если сильно грешить не буду. Свадьбы как таковой у нас не было, я постоянно пропадал на заводе и знакомств в Нагатино не завел, а Полю, считая ведьмой, вообще обходили стороной. В общем, придя домой после венчания, мы сразу приступили к кульминационной части, минуя застолье и прочие формальности. Пожалуй, это была самая лучшая свадьба в моей жизни.

Лишь только осознав себя законной супругой, Полина стала капать мне на мозг, мол, мало дома бываешь. И встал я перед выбором — или завод, или жена. Дело в том, что, задерживаясь на работе, я опаздывал на катер, а идти пешком от Нижних Котлов после тяжелого трудового дня мне как-то не улыбалось. Задумался я над индивидуальным средством передвижения, да и, правду сказать, по баранке сильно соскучился. Покумекав так и сяк, понял, что купить авто я не смогу, а соберу самостоятельно только лет через десять, раньше из дома выгонят за неявку для исполнения супружеского долга. Вариант с конем был самым простым, но при коллективизации лошадей объявили средством производства и забрали в колхоз, получить в частные руки было нереально. Потом, когда в апреле окончательно сошел лед на реке, мои мысли обратились к лодке. Беда была в том, что грести ничуть не лучше, чем идти пешком. Поэтому я возжелал парус и имел неосторожность поделиться этой мыслью с женой. На что она мне заявила, что самого на тряпки пустит и, коли я на ЗИЛе работаю, должен поставить на лодку мотор. Под страхом отлучения от тела.

Изобретать я поначалу ничего не собирался, а думал собрать движок из бракованных деталей, доведя их до ума, благо брака было хоть завались. Слава богу, сообразил, что если соберу работающий движок, то под разряд негодных он уже не подпадает и получится кража социалистической собственности в чистом виде и крупном размере. Сколько за это сейчас могут дать, даже думать не хотелось.

Единственным вариантом было собрать свой оригинальный двигатель. Причем он должен быть простым, как пять копеек, иметь минимум деталей, которые можно сделать в

опытном цеху автозавода из брака или попутно. Еще немаловажным требованием было отсутствие стандартных деталей, поставляемых на завод для комплектации моторов, например, свечей, потому, как их можно было только украсть. Вот такая вот нетривиальная задача. Я чуть голову себе не сломал, пока, подстегиваемый спермотоксикозом, не вспомнил движок, разработку которого финансировал один небезызвестный в будущем председатель совета директоров транснациональной корпорации.

Эпизод 4

Вот тут-то и всплыла проблема точных расчетов, в мое время, испорченное доступностью калькуляторов, искусство математических действий при помощи бумажки или логарифмической линейки было попросту позабыто. Мне нужен был либо математик, либо калькулятор. Самое обидное, что последний у меня был. В мобильном телефоне, который я пожадничал утопить при первой возможности, как большинство других компрометирующих меня вещей. Вот только сдох этот аппарат еще полгода назад и зарядки к нему не было. Хотя автомобильная зарядка для него, по сути — просто переходник, правда, в нем, должно быть, нехилое сопротивление стоит, чтобы силу тока и напряжение уменьшить.

Бывший ювелир, пришедший на завод, когда этим делом стало заниматься попросту опасно, глянув на разъем спрятанного в деревянном ящике мобильника, покряхтел, но обещал сделать ответную часть. Принес через три дня штекер с двумя болтающимися проводками и даже денег не взял, к моему удивлению.

— Знаешь, Петрович, спасибо тебе, по настоящему делу соскучился и сноровку терять начал, если бы не ты, так бы и закис. А пока с этой штуковиной дома ковырялся, так руки сами все вспомнили.

— Да не за что, тебе спасибо, еще, кстати, подойду. Надо один очень-очень точный механизм, в смысле изготовления, сделать. ТНВД называется.

— Ну-у... Раз механизм, то без пол-литра не разберешься...

— Заметано.

Следующими объектами моих домогательств стали сотрудники электролаборатории, у которых я полностью оккупировал амперметр с вольтметром, испытывая один за другим проволочные резисторы, как наиболее простые, добиваясь снижения параметров тока до необходимых мне значений.

Когда первая в мире автомобильная зарядка для мобильного телефона была готова, она представляла собой деревянный ящик со сторонами пятнадцать на десять и торчащими из нее тремя проводами, два из которых накидывались прямо на клеммы, а третий заканчивался штекером.

— Семен Петрович, опять что-то изобретаешь? Помощь не нужна по комсомольской линии? — Милов застал меня в тот момент, когда я, улучив минутку в обеденный перерыв, подключал всю систему в сборе к аккумулятору дежурной машины.

— Нет, Петя, спасибо, я и за винтовку не знаю, как вас благодарить, да тут и дело деликатное.

— Да? А что это у тебя?

— Сказал же — дело деликатное.

— Ну, Петрович, скажи, пожалуйста!

— А! Черт с тобой! Все равно с живого не слезешь! Трансфакатор это!

— Чего?!

— Ну понимаешь, жена меня в спальню не пускает. Вот я и изобрел прибор, чтоб женщина в транс впадала. Ну и ты понимаешь... Тебе он без надобности.

— Ну ты даешь! — Петька изумленно выпучил глаза.

— Петя, только прошу душевно, как любимый твой наставник, не говори никому, ладно? Дело деликатное...

— Ладно-ладно, молчок...

Ну вот и славненько, как говорил подлый Геббельс: «Чем круче ложь, тем легче верят».

Правда, мое обычное в последнее время озабоченное состояние, с обретением вычислительных мощностей, улетучилось. И это не осталось незамеченным. Через неделю ко мне подошел Евдокимов, смущенно пыхтя и краснея, и попросил.

— Семен, ты это... Одолжи трансваркат... Тьфу, ты! Ну ты понял. На пару дней, а?

— Что одолжить?

— Да тише ты! — замахал руками мастер. — Прибор свой, который, ну, это...

— А... Не получилось у меня ничего, Михалыч, сам мучаюсь.

Я отвернулся и как можно быстрее вышел из цеха, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу хохот.

Эпизод 5

С калькулятором дело пошло веселее, и я, уединяясь по вечерам в своем прежнем подвале, все равно к Поле было лучше не соваться, и обложившись техническими справочниками, приступил к проектированию. Составив для себя схему и сделав эскизы деталей двигателя, для простоты однорежимного, начал потихоньку озадачивать мастеров. По заводу поползли слухи, что Любимов опять что-то изобретает. Предположения делались самые разные, но большинство почему-то считало, что это будет паровая машина.

В день сборки, опять после завершения рабочего дня, в опытном цеху собрались любопытные. Причем вновь подходившие больше всего беспокоились о законности данного механизма. То и дело слышалось:

— А это у тебя не пушка, часом? С тебя станется.

Успокоив присутствующих, я приступил к сборке. Установив на специально сваренной утяжеленной раме нижнюю половину картера, вложил в нее трехколенный вал с уже смонтированными шатунами и внутренними поршнями. Так как коленвал имел всего две опоры, больше никаких действий внутри картера не требовалось, и я смонтировал верхнюю его половину. Потом настала очередь цилиндров, которые были расположены оппозитно, в них уже вставил по очереди внешние поршни и соединил с внешними же, находящимися снаружи цилиндров, шатунами. Следом дошла очередь до впускных и выпускных коллекторов, форсунок и топливопроводов. ТНВД был смонтирован прямо на валу, плунжеры были расположены точно так же, как и цилиндры, и толкались единственным эксцентриком. Конечно, этот насос еще не был полноценным и не позволял регулировать подачу топлива, но для испытания самой работоспособности схемы на холостых оборотах вполне годился. Компрессором на этом, по сути, действующем макете я решил пока не заморачиваться, так как для ПЦН требовалась повышающая передача, а для

турбокомпрессора просто не было материалов, сохраняющих работоспособность при температуре свыше трехсот градусов цельсия. Проблему продувки цилиндров я решил подключением впускного коллектора к заводской воздушной сети, что для макета было более чем оправдано и для холостых оборотов достаточно. Оставалось смонтировать масляную и водяную помпы, кожухи шатунов и кожух системы охлаждения. Монтаж, в котором принимали участие все, кто мог до движка дотянуться, занял от силы сорок минут. Залить жидкости было вообще пятиминутным делом.

— И что у нас здесь происходит?

Что?! Опять?! Медленно оборачиваюсь, пряча испачканные маслом руки. Лихачев стоит и изучающе оглядывает присутствующих.

— Да, мы тут это... Мотор собираем, — блеснул красноречием Милов.

— Что за мотор?

Тут уж мне удалось опередить снова открывшего рот Петю.

— Оппозитный турбодизель с противоположно движущимися поршнями, работающими на один коленвал.

— Ох, как заковыристо звучит! И что? Собрали? — с усмешкой спросил Лихачев.

— Да, вроде...

— Ну так запускай!

Открытый клапан воздушной магистрали выдохнул в движок сжатый воздух, а из-под потолка упала чугунная чушка, вытягивая переброшенный через блок трос, намотанный другим концом прямо на маховик. Движок крутнулся несколько раз в холостую, прогоняя топливо в форсунки, а потом дико заревел. Но еще громче было дружное «УРА!» доведенных этим запуском до экстаза рабочих. Подумалось — только б потолок не рухнул.

— Хорошего понемножку, — сказал я сам себе и повернул кран подачи топлива. Двигатель заглох.

— Что случилось? — в наступившей тишине спросил Лихачев.

— Сегодня ничего по мотору сделать уже не успеем, ночь на дворе, а его гонять надо, разбирать, смотреть, снова гонять. Утро вечера мудренее.

— Значит так. Завтра утром ко мне на доклад. Если направление стоящее, сформируем бригаду по этому мотору. — Решительно распорядился директор завода, а потом удивленно добавил: — Это ж надо! Первый собственный зилковский движок. Как чертик из табакерки!

Эпизод 6

Потратив полночи на сборку наглядного макета из чурбачков и реечек, чтобы было проще объяснять директору завода принцип действия движка, ровно в 9.00 я сидел в приемной злой и не выспавшийся. Положительных эмоций добавил секретарь, заявивший, что директор отсутствует и когда будет — неизвестно. Хорошие дела, назначать встречи и на них не являться! А еще меня добило осознание того факта, что руководство завода хочет наложить на мой движок свою лапу, тогда прощай супружеская постель надолго. Никаких моторных лодок мне не видать. Или доказывать, что мой движок не рабочий. Это еще хуже — обвинят в использовании рабочего времени в личных целях.

И чего я, дурак, этим дизелем занялся? Блин, надо было турбину делать! Движущаяся деталь всего одна — центробежный компрессор и центростремительная турбина на одной

оси. Один подшипник и дейдвуд, все! А в камеру сгорания впрыскивать дистиллированную воду для снижения температуры перед турбиной, которая с лихвой компенсируется увеличением объема рабочего тела. Как в торпедо. Для поездки на завод и обратно дальности хода вполне хватит.

За два часа, которые я прождал директора, мои мысли плавно перетекли от проекта турбины к ее изготовлению, потом стал прикидывать, как пользоваться лодкой, обслуживать и заправлять ее, представил как буду ходить рекой на завод кум королю и в конце концов доберусь до постели. Вот на этих-то приятных мыслях, поправивших мое настроение, и застало меня появление Лихачева в компании какого-то мужика с зачесанной направо челкой.

— А... Изобретатель... — не очень-то приветливо пробормотал директор. — Здравствуй, проходи.

Поздоровавшись в ответ, я вошел в кабинет, а Лихачев продолжил, обращаясь совсем не ко мне:

— Вот, полюбуйте, Алексей Дмитриевич, на нашего самородка. Уклоняется от вступления в партию с завидной изобретательностью, но умудряется одновременно засветиться перед начальством, то винтовкой своей, то мотором. А еще мне доложили, что-то совсем срамное изобретать пытался. Только извращенцев мне на заводе не хватает! Кстати, Любимов, Управление вооружений Центрального аппарата РККА прислало в начале мая нам заказ на полсотни экземпляров да на десяток твоих пулеметов. Но вот незадача — нигде тебя не могли найти! Пришлось от заказа отказаться за невозможностью выполнения, да. Мы ж все-таки автомобильный завод, а не оружейный.

Потрясенный до глубины души подобной выходкой руководства завода, мелочно отомстившего мне за так и не написанное заявление, я растерянно пробормотал:

— Как же так, Иван Алексеевич, ведь винтовка не мне нужна, а армии. Разве можно так...

— Не бойсь! Армия ее получит! Без твоего участия. Заказ перенаправили на ТОЗ. Я ж не вредитель какой, просто хочу, чтоб каждый своим делом занимался. А твое дело как рабочего автозавода — автомобили. Вот и будь добр. Ладно, дело это прошлое. Сейчас, так сказать, на повестке дня очередное твое художество. А чтобы ты мне ерунду какую-нибудь не подсунул, я не поленился с утра заехать в НАМИ и спросить, что такое «оппозитный двухцилиндровый турбодизель с противоположно движущимися поршнями». Там до сих пор, наверное, в затылках чешут. Вот, Алексей Дмитриевич Чаромский очень заинтересовался, он и будет выступать в качестве эксперта. Познакомьтесь, товарищи.

— Семен Петрович Любимов, — представился я, разглядывая будущего выдающегося конструктора советских дизелей.

— Очень приятно.

— Давай, товарищ Любимов, докладывай, что у тебя там, — нетерпеливо прервал наши переглядки Лихачев, и я, развернув сверток с макетом, начал.

— Значит так. Оппозитный двухтактный дизель с противоположно движущимися поршнями. Принцип его действия вы можете увидеть на этом макете. — Я на несколько оборотов провернул коленвал. — Цилиндры расположены по сторонам картера, в каждом по два поршня, работающих на один коленвал. Шатуны внешних поршней расположены снаружи цилиндра и скрыты в специальных кожухах. По два шатуна на каждый внешний поршень. Продувка цилиндра прямая, от компрессора, через впускные и выпускные окна,

открывающиеся в верхних мертвых точках. Преимущества данного двигателя. Ну во-первых, он очень простой и содержит вдвое меньше деталей, чем обычный четырехтактный. Причем мелких деталей, самых сложных в изготовлении, минимум. Как видите, клапана и распредвал отсутствуют. Коленвал короткий, три колена всего, что снижает риск поломки вследствие воздействия крутильных колебаний. Двигатель полностью сбалансирован, поэтому коленвал промежуточных опор не имеет. Двигатель имеет стандартный для АМО диаметр цилиндра сто миллиметров и может полностью изготавливаться на имеющемся оборудовании. Два поршня в цилиндре позволяют использовать энергию сгорания топлива наиболее полно. Для наглядного примера приведу обычную пушку. При выстреле снаряд летит в цель, а пушка откатывается назад. Это обычный двигатель. А здесь два снаряда вылетают в противоположных направлениях и оба попадают в цель, пушка остается неподвижной. То есть в этой схеме все силы замкнуты на вал, поэтому сам двигатель можно сделать легким. Каждый оборот коленвала — рабочий ход. То есть фактически этот двигатель при двух цилиндрах равен по мощности восьмицилиндровому четырехтактному движку равной размерности. А с учетом меньшего трения — и двенадцатицилиндровому. Максимальная мощность при данной размерности, если его делать алюминиевым, — до 300–350 лошадиных сил. Чугунный вариант может дать до 180–200 лошадиных сил. Правда, ресурс будет маленьким. Так что мощность двигателя, пригодного по ресурсу к установке на автомобиль для алюминиевого варианта, — 200–240 лошадиных сил, а для чугунного 120–140 лошадиных сил. Так как в этой схеме гораздо большая доля энергии топлива переходит в полезную работу, тепловые потери снижаются и соответственно снижаются требования к системе охлаждения. Охлаждение вполне может быть воздушное. И последнее — двигатель дизельный и потребляет дешевое топливо, которого получается при перегонке нефти гораздо больше, чем бензина. А расход топлива настолько мал, что просто несопоставим с традиционными бензиновыми двигателями равной мощности.

Мой запал прошел, и я остановился перевести дух. Чаромский воспользовался паузой и тут же ввернул вопрос:

— И что? Работает в железе?

— Еще как! Сам вчера видел, — Лихачев подскочил со стула. — Да, что говорить. Пойдем посмотрим! Лучше увидеть один раз, чем услышать сотню.

Новый запуск двигателя происходил при еще большем скоплении народа, присутствовали не только все работники опытного цеха, побросавшие свои станки ради такого случая, но и из других цехов набежал народ, привлеченный ревом выхлопа. Дав двигателю поработать пять минут, поставил на его корпус железную кружку с водой и жестом пригласил Чаромского посмотреть. Вода в кружке блестела ровным зеркалом, без малейшей ряби, недаром я отправил в брак столько черновых заготовок шатунов и поршней, подбирая максимально близкие по весу пары. В то время такая уравновешенность считалась для двигателя высшим шиком, и не было более эффектного хода, чем поставить на рядный двенадцатицилиндровый движок какого-либо лимузина монету ребром. Возможности показать такой же фокус я был лишен, верхняя поверхность дизеля не имела ни одной плоской поверхности, чтобы копейка не скатилась.

Насладившись произведенным эффектом, я заглушил двигатель, чтобы можно было говорить. Этим тут же воспользовался Лихачев.

— Что я вам говорил, Алексей Дмитриевич?! Работает зараза! Первый наш советский Зиловский мотор!

— Одну минуточку, — я решил припомнить директору его финт с винтовкой и подловил в момент наивысшего экстаза. — Завод мне разработку и постройку мотора не оплачивал. Так что извините-подвиньтесь, мотор мой.

— Ты о чем это, Петрович? — Лихачев опешил и растерянно оглянулся по сторонам, ища поддержки.

— А о том, Иван Алексеевич, что винтовку я за свои деньги уже сделал, бог с ними, да еще у комсомола средства на нужды обороны занял. И где теперь та винтовка? Другому заводу заказали. Нам же даже «спасибо» никто не сказал. Если хотите движок — оплачивайте разработку, постройку и испытания. У меня карман не резиновый все за свой счет делать. А этот мотор я меняю! Не глядя! На личный автомобиль.

— А ты, Любимов, шкурник, оказывается! — директор был вне себя. — Денег тебе стало быть, не надо. Машину подавай. Да у самого товарища Сталина личной машины нет! Вот скажи, зачем тебе?

— Так, Иван Алексеевич, работаю сверхурочно, домой добраться не на чем. Жена сказала — будет так продолжаться, вообще можешь не приходить. И в подвал выселила к чертям собачьим. А мне, вы уж извините, жена как-то дороже всех моторов. Хотите, чтобы я над ним работал — обеспечьте личным транспортом, чтобы домой в любое время вернуться мог.

Лихачев вдруг жизнерадостно заржал. Все присутствующие непонимающе на него воззрились. Уж не сошел ли директор с ума от радости? Немного успокоившись, Лихачев, все еще давясь смехом, выдал.

— Во, мужики! Теперь-то мы точно знаем, что трансфакатор не работает! А мы-то головы себе ломали! Даже Евдокимова на разведку посылать пришлось!

Теперь ржали уже все, кроме меня и ничего не понимающего Чаромского. А мне было совсем не до смеха, и, обводя толпу взглядом, я нашел скалящегося во все тридцать два Петю. Тот, встретившись со мной глазами, подавился и, густо покраснев, скрылся за спинами. Найти его, чтобы посчитаться за этот случай, мне целую неделю не удавалось, а потом уж за временем все перегорело.

— Ладно! Хорош! Значит так, премию Любимову и всем, кто участвовал. Евдокимов, список за тобой. А тебя, страдалец, дежурная машина домой возить будет, обойдешься без личного автомобиля. А заодно всех, кто по мотору работать будет допоздна, чтобы наш изобретатель не зазнавался. Все, — подвел итог нашего спора Лихачев.

Всеми позабытый из-за этих разборок Чаромский наконец-то смог перевести беседу в конструктивное русло.

— Я что-то не вижу компрессора для продувки цилиндров. Мотор к магистрали подключен.

— Это действующий макет, его даже не испытывали еще, да и негде, стендов-то нет. Как убедимся, что все работает, так компрессор поставим и ТНВД с регулируемой подачей, чтобы уж он не однорежимный был. Тогда максимальную мощность и расход топлива и все остальное можно будет определить. А там и на шасси поставим, посмотрим, как он на автомобиле работать будет.

— У меня к вам предложение, — Чаромский, помолчав, продолжил: — Давайте мы заберем мотор в НАМИ и там испытаем...

— НЕТ! Не отдам! — Лихачев был категоричен. — У нас план горит, на грузовики нечего ставить! А вы его заиграете, по глазам вижу! Хотите — здесь работайте, хотите —

второй экземпляр заказывайте.

— Иван Алексеевич, — попытался урезонить директора Чаромский. — Ну какие грузовики? У него же мощность больше чем вдвое против АМО... простите, ЗИЛ-2. Вам новую машину целиком надо строить.

— И построим! Вон у меня какие орлы! Мотор сами сделали, а машину тем более смогут.

— Кхм... Я считаю, что товарищ Чаромский прав и отказываться от сотрудничества с НАМИ неправильно, пусть это будет совместной работой, главное, чтобы не макет, а настоящий мотор был как можно скорее. Без НАМИ исследование процессов и их оптимизация затянется, если вообще будет возможна. А в целом, его же не только на машины ставить можно, но и на самолеты, на корабли. Вот пусть товарищ Чаромский по этим направлениям и работает, тем более и у меня мысли на перспективу есть. — Встрял я со своими рассуждениями.

— Ладно, уговорили, — нехотя и все еще сомневаясь, согласился директор. — Создадим бригаду по доводке и испытаниям мотора. Бригадир — Любимов. Испытывать можете где угодно, но чтоб строили моторы только на ЗИЛе! Все! Все по рабочим местам!

На этом в общем-то и закончилась история с опытным экземпляром мотора Д-100-2. А самым пострадавшим в ней человеком случайно стал водитель дежурного АМО, которому мало того что приходилось на ночь глядя ездить к черту на кулички, так еще и его машину, после этого случая, иначе как «Трансфакатор» не называли.

Эпизод 1

Самым неприятным воспоминанием лета 1930 года было ощущение собственной слабости. Причем в буквальном смысле слова. Открытие купального сезона поставило меня перед фактом, что полугодичный прогул тренировок на общефизическое состояние влияет крайне негативно. Нет, с виду то было все в порядке, только попытка переплыть реку, шириной метров двести-триста всего, в хорошем темпе, закончилась одышкой. А в моем времени еще считают, будто малоподвижный образ жизни исключительная привилегия офисных работников. Вернувшись домой и нацепив кобуру с «Вальтером», попытался изобразить стандартную кувырчалочку на тридцать два выстрела, вхолостую, разумеется. Завершить упражнение и подняться в конце с колена просто не смог. Да и простой выстрел с извлечением, на время, совсем не порадовал. Мало того что долго, так еще, глянув в прицел при еще нажатом спусковом крючке, убедился, что целкость порушена, подозрения еще во время беготни возникли. Немного, совсем чуть-чуть, но как неприятно! Превращаюсь в развалину, однако. Или, скорее, в загнанную лошадь. Дом — работа. Все.

А на работе такая засада, что вообще уже без выходных пашем. Д-100-2, работая безупречно на холостых, категорически не хотел нормально функционировать как автомобильный мотор. Агрегаты, после испытаний на движке, приходилось переделывать по нескольку раз. Причем изменения в одной части тянули за собой коррекцию в других. Особенно много крови выпила пара компрессор-ТНВД, согласованной работы которой, на различных режимах, долго не удавалось добиться.

Пришлось припомнить все свои эксперименты с наддувом движка старой девятки, которую мы с дядькой, в далеком военном прошлом мотористом в полку Пе-2, использовали для различных опытов. Наш гараж, шесть на шесть метров, больше напоминал миниатюрный цех, чем автомобильное стойло, как наличием станков и инструмента, так и разложенными всюду деталями автомобилей. Помнится, уезжая в отпуск, одних разобранных «волговских» моторов оставил две штуки, из них мы планировали собрать один «эталонный» для установки в имеющийся кузов. Вообще, иных легковых автомобилей, кроме ГАЗ, мой наставник в слесарном деле не признавал, никогда не покупал их «в сборе», а постоянно заказывал кузов «первой комплектации» и агрегаты приобретал отдельно. Именно благодаря ему я и заразился с детства страстью к возне с железом.

К решению наших проблем также привлекли, с подачи Лихачева, инженеров завода «Борец», которые, правда, работали с гораздо более габаритными насосами и компрессорами, но дело свое знали туго и немало помогли, опираясь на свой опыт. В конце концов, за три месяца собственно конструкторские задачи были совместными усилиями решены. На смену им пришли трудности серийного изготовления агрегатов, которые в отличие от единичных опытных, сделанных нашими зилзовскими Левшами, должны были быть весьма технологичными, чтобы не отставать от выпуска остальных частей мотора. Над этим тоже изрядно поломали головы и технологи, и сами рабочие, как наши, так и из НАМИ.

Но самой большой головной болью был температурный режим выпускных поршней, которые, в отличие от впускных, не обдувались поступающим в цилиндр воздухом. Из-за этого Д-100-2 не мог долговременно работать на мощности свыше 80 лошадиных сил. И это с чугунными поршнями и цилиндрами, что будет с алюминием у Чаромского, при его большем коэффициенте температурного расширения, даже думать не хотелось. Лихачев смотрел волком, он то уже озадачил смежников на конструирование агрегатов для диапазона 120–150 лошадиных сил на пятитонный грузовик. Положение было аховое, и за неимением жаропрочных материалов оставалось только охлаждать выпускные поршни маслом, подавая его в головку. Для этого пришлось перекомпоновать двигатель, у которого с внешней стороны ранее размещался только один выпускной поршень, перевернув один цилиндр и поставив новый замысловатый коленвал. Теперь, при каждом рабочем ходе, поршень нажимал на подпружиненный клапан и в него через центральное отверстие подавалась изрядная порция холодного масла, стекающего при обратном движении в картер. Долговременная максимальная мощность наконец выросла до расчетных 125 лошадиных сил и могла еще быть увеличена за счет снижения ресурса. Теоретически. А на практике прогорали поршневые кольца.

Эпизод 2

Сегодняшним прохладным сентябрьским утром со мной случилось нечто невероятное. Дело в том, что, озаботившись своей физической формой, я еще в начале лета начал упражняться с мечом. Пришел я к такому необычному способу поддержания себя в тонусе, понимая, что лучшим средством для этого является рукопашный бой. Бег, плавание — это само собой, но координация движений, тренировка вестибулярного аппарата и всех групп мышц, без их излишнего закачивания, именно в рукопашке наилучшая. Времени на занятия, кроме как ранним утром, в виде расширенной физзарядки совсем не было, а из возможных кандидатов в спарринг-партнеры в наличии была только беременная жена. Предлагать такое женщине, переживающей не самый лучший для устойчивости психики период, я попросту побоялся, скалкой так отделает, мало не покажется. Молотить грушу было весьма полезно, но совсем не интересно. И тут я вспомнил про древний клинок, подружившись с которым, я каждое утро открывал сам для себя нечто новое. Самое приятное было в том, что меч отвечал мне взаимностью, как бы подсказывая и направляя мои движения, в которых все естественнее и гармоничнее сочеталась работа ног и рук, поворотов и наклонов тела, так, что тренировка больше всего походила на какой-то энергичный экзотический танец.

И вот он меня порезал. Причем в самой что ни на есть мирной обстановке. Повесил после зарядки меч на стену, на специально вбитые для него деревянные рычаги, смахнул бросившуюся в глаза, прилипшую к клинку соринку и, не чувствуя боли, с удивлением увидел, как волнистый узор окрасился красным. Такого я от своего стального друга, даже более того, от части самого себя, никак не ожидал и пару минут стоял, хлопая глазами, переводя взгляд с порезанной ладони на окровавленное лезвие и обратно.

Опомнившись, побежал перевязываться, а когда вернулся, то клинок был сухой и чистый, будто кто его протер или он просто выпит мою кровь. Чудны дела твои, Господи! Не веря своим глазам, хотел было потрогать на ощупь, но вспомнив порез, рефлекторно отдернул руку. Да что это я в самом-то деле?! Своего собственного оружия боюсь? М-да,

боюсь... Факт. Но такую ситуацию терпеть нельзя, поэтому, пересилив себя, взял меч за рукоять и снял с рычагов. Ощущения вроде привычные, все как всегда, оружие — продолжение меня. Легонько взмахнул перед собой и, решившись, провел по клинку ладонью. Ничего.

От Новинок, сквозь открытое окно, в утренней тишине послышалось тарахтение мотора «Трансфакатора», который в дневное время стал исключительно моим транспортом, так как приходилось постоянно мотаться между НАМИ, «Борцом» и ЗИЛом. Решив, что меч подождет, и, наказав Полине строго-настрого близко к нему не подходить, схватил свой вечнозеленый рюкзак, в котором возил даже документы и чертежи, и выскочил на улицу.

Водитель, распахнув дверцу изнутри, приветливо помахал рукой, а когда я сел в кабину, протянул подушку.

— Держи, Петрович, чтобы головой на ходу не биться.

— Чего это?

— Да у тебя сонная артерия в заднице, наверное. Как в машину садишься, сразу засыпаешь.

Действительно, переезды я частенько использовал для отдыха, если не был занят какой-нибудь сверхидеей, как заставить работать то, что упрямо работать не хотело.

— Вот я девчонкам в правлении об этом и рассказал, — продолжил шофер. — Они и сжалились над тобой. Уж не знаю, откуда они ее взяли такую, наверное, по лоскутку тряпочками скидывались.

Подушка на самом деле представляла собой самое немыслимое сочетание обрезков различных форм и оттенков, а судя по запаху, была набита сеном.

— Отомстил, значит? — добродушно спросил я, с улыбкой представляя, какие слухи теперь поползут по заводу. — Но все равно спасибо.

— Да я от всей души! — смущенно ответил водитель.

— Не сомневаюсь! — улыбнулся уже в открытую, чем окончательно вогнал незадачливого дарителя в краску. — Поехали, что ли?

Машина зафырчала чаще, и мы поехали по ухабистой деревенской улице. Устроившись поудобнее, я заснул.

Эпизод 3

Я лечу, вокруг море звезд, красота неземная. В буквальном смысле — родная планета выплывает снизу и постепенно заполняет все поле зрения. Я абсолютно уверен, что это Земля, но несколько сбивают с толку непривычные очертания материков и океанов, укрытых во многих местах белоснежными вихрями циклонов. Такое впечатление, что Мировой океан обмелел, обнажив дно. Картинка все ближе. Ё-мое, да я падаю! Надо тянуть вверх! Тщетно! Я здесь только зритель.

Проплыл внизу материк, наверное, Южная Америка, пронеслись крупные острова, должно быть Гавайи, а при приближении Евразии меня вдруг охватило слепящее яркое пламя, сквозь которое лишь с большим трудом можно было разглядеть летящую навстречу ледяную равнину. Казалось, ярче него уже ничего быть не может, но... Вспышка!!! И тут же мрак. Я дернулся и проснулся.

— Извиняй, Петрович, не объехать ту яму было, уж и затормозил совсем, но все равно

тряхнуло.

— Далеко еще? — попытался я восстановить ориентировку.

— Да приехали уже почти, пять минут.

Вскоре я уже входил в двери свежепостроенного опытного завода НАМИ, где на стендах обкатывались наши моторы с поршневыми кольцами из разных марок стали всевозможной обработки и закалки. Тут же разбирали и осматривали наработавшие контрольные часы двигателя. Утешительных вестей для меня не было, моторы по-прежнему показывали ресурс, эквивалентный пробегу не более 50 тысяч километров, далее им требовался капремонт. В то время как американская шестерка АМО-2 давала 100 тысяч. Что толку от вдвое более простого двигателя, если их требуется вдвое больше? Так на так получается. Мощность, грузоподъемность — это, конечно, хорошо, но если грузовики будут выходить из строя вдвое раньше «американцев», оргвыводы неизбежны. Хорошее могут и не заметить, а на недостатки укажут обязательно.

Забрав новую партию колец для автомобильных моторов, которые, как и было уговорено, строились исключительно на ЗИЛе, без энтузиазма отправился в обратный путь, накормленный обещаниями, что теперь-то точно все заработает как надо. Если бы и Лихачева можно было точно так же завтраками и уверениями кормить! А то директор рвет и мечет, и понять его можно, решать необходимо прямо сейчас, на что делать ставку, на свои силы или «американцев».

Под эти невеселые мысли я снова задремал и теперь иду с лозой по густому еловому лесу, пробираясь сквозь колючие лапы и точно зная — сегодня мой день. Я наконец найду то, что искал полжизни. Все приметы сходятся, именно в таких чашах, круглых как полная луна, земля рождает самое лучшее железо. Хотя волхвы говорят, что это Светлые Боги роняют его с неба и оно, падая, проминает землю.

Гор поблизости нет, кругом равнина, это место я сам заприметил с высокой ели, поднявшейся над своими сестрами у самого края. Меня никто не мог опередить. Теперь главное найти сокровенное, оно должно быть в самой сердцевине, в самом низком месте. Под ногами захлюпало. Плохо! Вода ест железо, превращая в обычную рыжую болотную руду, которой я и без того немало добыл в своей жизни. Лоза стала бесполезной, но я упрямо иду вперед, и передо мной, раздвинув зачахшие елки, расстилается круглое, небольшое, на перестрел, болотце. Да уж, сюда точно никто, кроме потерявшего разум коваля, вроде меня, не полезет. Голову тут и впрямь можно сложить, только булькнет и поминай как звали. Но никогда себе не прощу, если уйду, не проверив. Всю оставшуюся жизнь мучиться буду. Даже мнится, когда Мара заберет, тоже покоя не будет.

Вернувшись назад и вырубив подходящую жердину, двинулся к середине болота. Благо, пока было мелко. На полпути, уже по пояс в трясине, в голову полезли мысли, что копать здесь никак не можно. Ух, слуги Чернобоговы! Что вы мне голову морочите? Заманиваете? Если б мне на берегу разум не затмили, ни в жисть сюда бы не полез. Но теперь поздно, раз решил — совершай. Тем более, идти осталось совсем немного.

Слега ушла вниз, потыкав по сторонам, я нащупал края ямы и обошел ее. Опять вперед, с натугой переставляя ноги. Стой! Это же она! Оглянувшись вокруг, убедился, что стою посередине болота. Повернув назад, по следу в разорванном моховом покрове, ничего не нашел. Да где же она, я ж ее обходил?! Засуетился, вертясь на месте и тыкая жердиной в разные стороны. Неужто клад открывается лишь раз и не дается тем, кто не узрел свою удачу? Тьфу, нечисть! Оказывается, стоял на самом краю, а яма как-то оказалась за спиной.

Едва в нее не ухнул, хорошо, что жердь была поднята и я успел опереться, ткнув ее прямо в трясину. Опора оказалась ненадежной, конец соскользнул с чего-то на дне и просел, отчего я хлебнул-таки болотной жижи.

Я нашел! Осталось только достать. Но теперь меня ничто не остановит! Даже если потребуется в гости к болотной нежити сходить. А нырять придется, стою по грудь, а в яме и полтора меня поместится. Воткнув слегу покрепче, чтобы себя по ней потом вытянуть, помолвившись богам, набрал воздуха и нырнул. Болото, которое должно затягивать вглубь, воспротивилось и не хотело пускать меня, но я все же достиг его дна и, засунув склизкую гладкую тяжесть в суму, рванулся обратно на вольный воздух, которого в груди почти совсем не осталось. Ноги скользят, тяну руками со всех оставшихся малых сил, сжав рот, который сам собой хочет открыться и сделать вдох. В груди печет, меркнет разум. Борись или останешься здесь навсегда! Или будешь пугать по ночам честных людей, стучась им в дома бездушным утопленником! Рывок! Расплескивая жижу, высвобождаю голову и плечи, воздух врывается в грудь, которая дышит так, что по болоту идут волны. Я добыл!

Осталось посмотреть, что именно. Было бы жалко, приложив столько усилий, стать обладателем невеликого куска обыкновенной трухи. К своим пожиткам на берег я выползаю чуть ли не на карачках и первым делом вытаскиваю из сумы кусок, величиной с голову, стираю с него грязь. В теплых лучах предвечернего солнца матово блестит металл. Да! Сегодня мой день!

— Петрович! Петрович!!! — меня трясут немилосердно.

— А?! Что?

— Ты б не засыпал больше, Семен Петрович! — на водителе лица нет, машина стоит. — А то с тобой зайкой станешь.

— Что случилось-то?

— Да мы только чуть отъехать успели, как ты отключился и начал задыхаться. Думал, припадок какой у тебя.

— Странно, я будто целый день проспал.

— Пару минут всего.

— Ладно, поехали, я еще подремлю, — у меня в голове уже всюю роились догадки, и я смутно надеялся получить им подтверждение. — Да не бойсь! Нормально все будет. В крайнем случае портянку под нос сунешь, лучше всякого нашатыря будет.

— Наговариваете, — обиделся водитель, но к теме сна больше не возвращался.

...Горн пышет жаром, железный самородок раскалился, пора его разделить на твердые и мягкие части, определенные по искре заранее. Вытащив его с помощью молотобойца на наковальню, упираю зубило и осторожно бью молотом. Что за притча? Железо не поддается, будто холодное!

— Вот он, красавец! Изобретатель, етить его! — Лихачев стоит у открытой двери кабины. — У него мотор ресурс не вырабатывает, а он дрыхнет!

— Точно, всю дорогу! — охотно подтвердил водила.

— Чего ты ухмыляешься? — директор вне себя. — Ты мне лучше сразу скажи, не усугубляй. Тебя уже можно, как саботажника, под суд отдать?

— Это вы мне лучше скажите. Есть у меня образец стали, который на жаровые кольца как нельзя лучше подойдет. Сделать анализ и воспроизвести сможете?

— Если сами не сможем, то наверху попросим. Новый институт у нас, стали и сплавов, слышал? — Лихачев перешел на деловой тон. — Где образец-то?

- Так, дома...
- Бери машину и одна нога здесь, другая там!
- Так, Иван Алексеевич, обед же... — растерянно ляпнул шофер.
- Завтра пообедаешь! А моторы нужны уже вчера!

Эпизод 4

Только добравшись до дома и взяв меч в руки, я осознал, что натворил. Это что ж, мне придется отдать тебя, брат, для разделки на образцы? Иscalечить такой клинок? Но иначе не получить моторы, которые я уже видел установленными на танки и самолеты. Это вам не V-образники на 12 котлов, наших движков вместо них можно наделать вчетверо, а то и вшестеро, при значительно лучших характеристиках. Девяносто процентов стоимости истребителя сейчас, без вооружения, именно двигатель. Значит и самолетов и танков можно сделать во столько же раз больше! Да никто, будь он даже трижды сумасшедшим нацистом, не посмеет на нас напасть! А под мирным небом мы заткнем за пояс любую экономику этого мира.

Чтобы этого достичь, надо всего лишь пожертвовать другом и братом, пусть и стальным, а не живым. Сердце ноет, сил нет. С одной стороны железо, пусть дорогое, с другой — человеческие жизни. Много. Прости, брат, нет у меня другого выхода... Но, ребята, ломать клинок я вам не дам, довольно и черенка будет...

— Привез?

— А? Что?

— Образец привез, говорю?! — Лихачев будто поджидал нас.

— Привез...

— Иван Алексеевич! Петровичу отпуск срочно нужен! — опять встрял водила. — Он сегодня на меня целый день жути нагоняет, боюсь, как бы он с этими моторами совсем ума не лишился! А сейчас вовсе, устался в одну точку и бредил чего-то про самолеты и танки, которых вчетверо больше, да людей побитых поминал. Так я и не разобрал, к чему он это. Мыслью, мозги у него набекрень съезжают.

— Тебя, ябедника, спросить забыли! Пускай сначала работу наконец доделает, а потом, хоть в санаторий, хоть в дурдом! — и повернулся опять ко мне: — Где образец?

— Вот... — я развернул сверток, показывая меч.

— Ух, ты! Ни... чего себе! Откуда?

— В лесу нашел.

— А с чего решил, что эта сталь на кольца пойдет?

— Приснилось...

— Издеваешься?!

— Иван Алексеевич! Сначала проверь, потом ругайся! Менделееву периодическая система приснилась, никто не удивляется. Да вы только на него гляньте! Сколько в земле пролежал, а ни пятнышка ржавчины! Сплавов таких в древности не делали, если только он не сам собой получился. Метеоритное железо на него пошло наверняка. Если до земли долетело, не сгорев, значит — жаропрочное.

— Ладно. Давай сюда!

— Нет уж! Целиком не дам! Довольно и хвостовика будет.

— Тогда сам иди и пили! Раз такой жадный. Чтоб через пятнадцать минут образец был! У меня уже все договорено, до конца рабочего дня отвезти надо.

Разделить меч оказалось довольно таки непростой задачей, нет, высверлить бронзовые заклепки и снять рукоять — пять минут, а вот пилить мы бросили, едва попробовав, чтобы не портить инструмент. В конце концов, отломали хвостовик, парой сантиметров выше клинка, прессом, прочно зажав лезвие.

После этого я тихо сидел с изуродованным оружием, положив его на колени и обхватив голову руками. Народ проходил по своим делам мимо, глядя с недоумением. Мне было абсолютно все равно, что обо мне подумают, лишь бы не трогали.

— Кхм... Семен Петрович? Ты здесь, или тебя потрясти надо?

— Чего тебе, Поздняк?

— Да ты не ершишься, я с добром пришел. Прежде чем ремонтировать этого красавца, разрешение выправь. А то «оружие категории „Б“, могущее быть использованным для вооружения РККА», получается.

— Что ты сказал?

— Ну ты же сварщик. Сейчас стгоряча что-нибудь пришпандоришь, а мне тебя за это придется арестовывать. Так что, не торопись.

— А... Спасибо, Терентьич, подожду пока, да и абы чем лечить его не хочется. Вот сварят нам такую же сталь, тогда...

— Вот и ладненько, а теперь домой иди, рабочий день уже заканчивается. В кои-то веки жену порадуешь.

Эпизод 5

Пусть, князь, нас мало на ногах,
И пусть вокруг враги —
В позорный плен мы не пойдём,
Хоть жизни дороги...

Дружина, раскинув крылья, перекрыла узкий шлях и начала разгон, чтобы встретить ударом вражских конных. Нас едва пара сотен кованой рати под княжьим стягом, врагов же без счета. Это хорошо, они не убоятся, не побегут, примут наш удар и запнутся об острое булатное железо, о тяжелые булавы и шестоперы. Иначе стоящих позади бездоспешных пеших ратников сомнут, стопчут нековаными копытами степных коней, лишив князя большей части войска. Прятаться за чужими спинами нам не к лицу!

Смелее, князь, веди вперед,
Мы не привыкли ждать —
Нас встретит стрел колючий дождь
И вражеская рать!

Бурая толпа летит навстречу, негде им играть в степные игры, кружа вокруг и побивая

из луков, — позади них река. Только грудь в грудь, щит на щит, только по-нашему будет. Стрелы летят, негусто и на удачу, из задних рядов, передние об этом даже не думают, в стремительной сшибке не успеют спрятать лук и взяться за копье.

Смелее в бой! Перун — наш Бог,
Он будет нас беречь,
К свободе пусть проложит путь
Наш обнаженный меч!

Нас слишком мало, чтобы ударить слитно, плечом к плечу, колено в колено. Слишком редка наша лава, иначе не перекрыть шлях. Зато сегодня каждый боярин может показать свою силу и удаль. Посмотрим, кто из нас лучший! С другой стороны вражеского войска!!!

Не видно неба синевы, повсюду воронье —
Мы не добыча, князь, мы волки —
Хищное зверье!

Стена пыли, выбитой из стонущей земли сотнями копыт, все ближе. Она будто пожрала весь мир, исторгнув из себя многоголовое чудовище, ошестинившееся острыми иглами — наконечниками копий и укрытое толстой чешуей щитов. Мгновения до сшибки.

— Уррра-а!!!

Визг и улюлюканье навстречу.

Вонзим булатные клыки,
Пусть кровь течет рекой!
Смелее, князь, мы за тобой —
Лишь сделай взмах рукой!

Короткое тяжелое копье летит во врага справа от меня, вслед за ним шуйца мечет ненужный уже щит налево. Булава, будто сама прыгнувшая в десницу, подбивает копье степняка вверх. Удар!

— Нна-а-а!!!

Буран грудью отбрасывает низкого конька, а рукоять меча ударяет в щит врага, вбивая его верхний край прямо в горло.

И, если Маре суждено забрать нас в мир иной,
Мы встанем рядом с Перуном
В небесный ратный строй!

Разум не поспевает за телом, только направляя его в нужную сторону. Все смешалось и померкло в клубах пыли. Вокруг вой и стоны, хруст лопающихся под булавой костей и хлюпанье, когда она попадает в мягкое, звон меча, крушащего сырое вражье железо и треск

вспарываемой на мне кольчуги.

— Рус! Рус! Хазар! Хазар! — несется со всех сторон, иначе не отличить в этой толчее врага от друга, чтоб не задеть по ошибке.

Уже не понять, летим ли мы с Бураном по-прежнему вперед, рассекая рать как стоячую воду, или наоборот, стоим как скала в бурном потоке.

Тебе мы клятву принесли —
Веди нас, княже, в Сечь!
К свободе пусть укажет путь
Твой обнаженный меч! [2]

Русский стяг вырывается из душной серости справа, там князь, там старые бояре. Нет боле резона рубиться поодиночке, порыв степняков запнулся, и сеча идет почти на одном месте. Толкаю Бурана пятками, стремлюсь к своим, а под удар вместо бездоспешных голодранцев все чаще попадает хазарская броня. «Полудень битвы» — знатные ханы с родичами и ближниками.

Они могли бы, пожалуй, вырубить нас поодиночке, даже обоеруких. Но теперь, сбившись в кулаки, по трое, а то и по дюжине, дружина выкашивает ворогов, как жнецы хлеба в серпень, помогая друг другу и щитом и мечом.

Как из мрака на свет мы вырвались из сечи, прорубив себе путь сквозь рать. Степной ветер снес пыль и открыл в паре перестрелов, у брода, нового врага. Сверкающие в лучах полуденного солнца брони и обмотанные белыми тюрбанами кованые шеломы щедро разбавлены зеленым. Магометанские наемники, «Вечер победы». Пара сотен всего, не отборных воинов. Знатный противник, в бою с которым не зазорно сложить буйну голову.

Хазарский воевода перехитрил сам себя, пряча их до времени в низине, рассчитывая измотать нас сечей и добить в решительный момент. Не ждал он княжьего удара. Теперь им трудно разогнаться вверх по склону. Теперь нет у них выбора, только на нас, сметая и чужих и своих. Нет выбора и у дружины, только вперед, только ударом на удар, пусть нас и пара дюжин всего. Княжье знамя не должно пасть.

Снова щетина острых наконечников навстречу, мы же свои копья, а многие и щиты, оставили далеко позади. Нам бы только ворваться внутрь вражьего строя, тогда сеча в мечи пойдет на равных. А значит, кто-то должен принять удар на себя, чтобы проложить путь остальным. И удалцы вырываются вперед, сейчас-то и решится, кто же из нас лучший.

Буран старше и тяжелее коней других бояр, но вынослив и теперь оторвался, оставляя позади и стяг и князя. Не попрекнет никто, что поперед него в сечу, не успеет. Взял я ныне животов немало, пришла пора и свой класть. Помогай мне, Перуне!!!

— Иншалла!!! — упругим ветром дыхнуло навстречу.

— Прааа!!!

Разметав троих в первом ряду, врубился во второй и, достигнув третьего... воспарил над битвой, с высоты глядя, на вставшего на дыбы и бьющего во вражий щит Бурана, на распластавшееся на его крупе, пронзенное обломками копий, тело. Видел, как стяг влетел вслед внутрь магометанского строя и стоял там незыблемо, защищаемый немногими оставшимися еще в живых боярами. Видел, как пешие теснили от брода стеной щитов табун лишившихся наездников коней, побивая сулицами застрявших в нем оставшихся в седле

хазар, не давая ни приблизиться к себе, ни взятыся за лук. Как прижатые к реке кочевники бросались в нее и плыли на степной берег, как тонули одоспешенные наемники, как пешие, похватав коней и переправившись через брод, пошли по обоим берегам, добирая остатки вражьего войска.

— Зачем пришли? Нет вам здесь дани!

Эпизод 6

— Поль, а Поль? — я осторожно погладил по голове сладко спящую жену.

— Аах, — зевнула она и, открыв глаза, спросила: — Чего тебе?

— Чего я натворил то? — уже по взгляду понял, что теревить Полину посреди ночи было большой ошибкой.

— Меня разбудил! Этого мало?

— Да, нет... Кроме этого?

— А, кроме этого, в лягушку превращу, за то, что дурацкие вопросы задаешь! Что стряслось то у тебя, говори прямо?!

— Так... Сны мне снятся... Опять.

— Я ни при чем, это меч твой.

— Что меч? Он железный! Мне вообще ничего и никогда не снится! За всю жизнь такие случаи по пальцам пересчитать! И в половине из них ты виновата!

— Сказано тебе! Меч эти сны тебе посылает! Мое дело — сторона.

— А я говорю — он железный!

— Железный... да не бездушный.

— Ты чего несешь? Еще скажи у избушки твоей душа есть, сейчас на курьи ножки вскочит и убежит!

— Послушай, умник, ты, когда свои моторы делаешь, душу свою в них вкладываешь?

— Так это просто выражение такое. Иносказательное.

— Иносказательное... Бог, создавая этот мир, во все свою душу вложил. И в тебя тоже. Есть у тебя душа? То-то же. А через тебя и в моторы твои. Через кузнеца, что меч ковал, через воинов, которые им рубились, его частица и в клинок попала. Чем больше человек отдается своему делу, тем большую душу в него вкладывает, так и в это «железо» вложили многие и немало.

— Этак у меня вся душа на клочки пойдет, если моторы на конвейер встанут.

— Не ерничай. Когда вкладываешь душу во что-то, ее больше или меньше становится?

— Ээм... Больше, наверное. Чувствую. Противоречие какое-то. Разделяя приумножаешь?

— Не совсем, Сема. Бог есть любовь. Она объединяет, сливает души в одно целое. Закончишь свой жизненный путь в любви к Богу, который тебя тоже любит — воссоединишься с Ним. «Воссияете в Боге» — слышал? Там и все светлые души от начала. И частицы тебя вернутся на Землю, приумножатся и вновь вернутся к Богу. Так-то — Полина многозначительно помолчала и вдруг спросила: — Ты ведь любишь свой меч?

Я как-то не задумывался над этим вопросом. Да, он мне почему-то очень дорог, но можно ли это назвать любовью?

— Не знаю, наверное...

— Так чего ты удивляешься, что он к твоей душе прикоснулся и сны тебе посылает? Ведь нет у него другого способа сказать тебе важное. Ты когда по утрам скакал, о чем думал?

— Да я все время об одном и том же думаю!

— Вот. А он тебе ответил и подсказал. Да еще утешить попытался, показав, что он твоими руками сам собой пожертвовал, а не ты его искалечил. Ой!

— Та-а-а-к! Ты что же, сны мои видишь?!

— Ну Сем... Я ведь тоже тебя люблю.

— Что-то ты мне не договариваешь!

— Наоборот! Слишком много уже сказала!

— Угораздило же на ведьме жениться! Гадай теперь, что выкинет.

— Не выкину, не беспокойся. Крови ведь много видел? Все, жди, родня скоро пожалует.

— Нет у меня никого.

— Нет, так будет. Сын. Завтра же с утра меня в больницу отвезешь, примета верная.

Эпизод 1

Тридцатое сентября стало со временем одним из самых шумных наших семейных праздников, но в 1930-м году мне было не до смеха. Жена третий день лежала в роддоме, а я, не уходя с ЗИЛа, как и остальные мотористы, готовил первое шасси «пятитонки». Лихачев, едва только получив известия из МИСИС, что сплавы, входящие в представленный образец, работоспособны до семисот градусов вместо трехсот обычной стали, распорядился ставить некондиционный двигатель, со старыми кольцами, на автомобиль, чтобы не задерживать испытания. Несмотря на то, что металлургам еще требовалось время на опытную плавку и исследования свойств новых марок стали, которых оказалось аж пять, по числу слоев, входящих в единичный пакет. К счастью, директор не стал рассказывать, откуда у него взялось это богатство, чем спас от растерзания само лезвие меча. Впрочем, думаю, оно мало бы дало информации, кроме уже имеющейся, его можно было исследовать только крупными кусками, не разделяя на слои, которые в черенке значительно толще, чем на лезвии. Да и термообработка разная, клинок должен быть очень упругим, а вот черенку это противопоказано, чтобы удар в руку не отдавало.

— Кто бы мог подумать! — не переставал удивляться Лихачев. — А ты, Петрович, молодец, верно подметил! Это ж благодаря нашему заводу теперь новое направление в металлургии начинается! Раз мы зачинатели, то имеем право назвать его. И назовем в честь нашего завода — зилизм!

— Хм... Иван Алексеевич! — стоящий в группе рабочих Евдокимов извиняющимся тоном охладил пыл директора. — Звучит как-то не очень. Да что там, плохо звучит! Какое-то другое название нужно. Да и заслуги нашей в этом деле нет, вон, Семен без нас обошелся. В его бы честь и назвать.

— Это как? Любимизм или любимовизм, что ли? Это звучит? Похабщина какая-то получается. И как это, заслуг наших нет? А кто организовал все? Кто думать и искать Семена в нужном направлении заставил? Да и жирно ему будет, науку в его честь называть, вот в партию вступит, тогда подумаем еще.

— Я категорически против использования моей фамилии в таком виде, поддерживаю Ивана Алексеевича! — тут же подал я голос, подозревая, что Евдокимов решил меня, таким образом, до конца жизни подначками обеспечить.

— Ладно, скромник, назовем, чтоб никому обидно не было. Ни нам, ни тебе. Но обязательно красиво и внушительно, чтоб наш характер виден был. В честь метеорита назовем, из которого меч выкован. Это ж масштаб! Высота! Метеоризм! Звучит?

Рабочие одобрительно загалдели, а я едва не поперхнулся, представив себе что-то вроде: «Открытие Любимовым С. П. метеоризма...» Все! Попал, теперь точно проходу не дадут, пересмешники. И ведь самому смешно, блин! Сейчас-то, похоже, никто ничего еще не подозревает, но всплывет же...

— Товарищи! Товарищи!!! — стараюсь перекрыть шум толпы и не смеяться. —

Название-то, конечно, хорошее и красивое. Только, боюсь, медицина нас здесь опередила. Другое название нужно, или пусть вообще металлурги головы себе ломают. Вот нам делать в рабочее время больше нечего, кроме как названия придумывать!

Перевод внимания начальства на простой дал прямо противоположный эффект.

— Все ты, Семен Петрович, против начальства голос поднимаешь! Сам знаю, что работать надо! Ладно, собрание специальное организуем, там вопрос на голосование и поставим. Посмотрим еще, чей метеоризм возьмет, наш или медицинский! Я, если надо, до самого верха дойду, но честь завода не уроню!

Делать нечего, я подошел к директору и, наклонившись к уху, шепотом объяснил суть проблемы. Лихачев покраснел как рак и, свирепо глянув на меня, громко объявил:

— Товарищи! Собрание отменяется! Ввиду неожиданно выявившейся особой секретности поставленного на повестку вопроса. Языками нигде не трепать! Болтуны будут преследоваться по за... до упора. Пока болталка не отвалится. А сейчас все за работу. Чтобы к тридцатому числу мотор стоял на шасси! Будем смотреть товар лицом!

Самое интересное то, что эту тему действительно засекретили, уж не знаю, Лихачев ли постарался, или другое что сыграло, но факт остается фактом.

Эпизод 2

В любом случае, новые жаровые кольца, опытные пока, нам обещали в конце октября. О промышленном же производстве речь пока не шла, но приходилось идти на риск, чтобы не загубить дело с новыми моторами и грузовиками на корню. Отступить нам было уже некуда, ввод в строй мощностей для производства ЗИЛ-3, полностью отечественной версии «двойки», был приостановлен из-за работ по новым машинам. Да и новые, «четверка» и «пятерка», тоже потребовали вложений, причем золотом. Дело в том, что шасси «четверки» вместе с коробкой сконструировали в рекордные сроки обычным для тех времен способом — купив все у того же «Отокара», сотрудничество с которым уже было налажено на почве АМО-ЗИЛ-2, пятитонник гаммы 1926 года, модель 27HPDS.

Меня это дело напрямую не касалось, отвлекаться времени не было, поэтому пока всю информацию о новой машине я получал исключительно на словах относился к ней скорее благосклонно. А уж какую рекламу этому «Отокару» сделали, так вообще против ничего не скажешь. Всем хорош, но в первую очередь тем, что рассчитан на двухцилиндровые оппозиты, в работе с которыми у американцев оказался богатый опыт. Так что, только предоставив конструкторам габариты и ожидаемые характеристики двигателя, я, минуя «чертежную» стадию, познакомился с ЗИЛ-4 сразу «в железе». Увидел и обомлел. Бескапотная компоновка, кабина располагалась над двигателем, а заодно и над передней осью. Что бывает после подрыва на mine при таком раскладе, я знал очень хорошо.

— Евгений Иванович, — кисло спросил я у Важинского, главного конструктора ЗИЛа, — а капотная компоновка что, никак?

— Семен, да за такие сроки только готовое шасси купить. У нас на заводе конструкторов-то раз, два и обчелся. Времени впритык хватило, чтобы под твой двигатель трансмиссию подогнать получше, остальным и не занимались. Если ты такой умный, то попробуй сам полностью новый грузовик за три месяца сделать. Не пойму, что тебе не нравится, это шасси именно под оппозитный двухцилиндровый мотор и делалось. Ты как в

воду глядел, когда свой задумывал. Одно к одному.

— Так посмотрите, радиатор прямо перед водителем, летом запаришься ездить. Чтобы до движка добраться, кабину надо будет откидывать, а это рулевая колонка с шарниром.

— Не преувеличивай, радиатор нормально стоит, а зимой, если греть будет, так это даже хорошо. А насчет кабины ты ошибаешься: чтобы двигатель обслуживать, достаточно просто сиденье снять. Вот если его демонтировать, тогда да, кабину тоже, но это случай редкий. Зато посмотри, как при той же длине рамы грузовая платформа увеличилась.

— А развесовка по осям?

— А что развесовка? Мотор-то легкий довольно, нормально все, говорю, получается. Даже лучше и не придумаешь.

Делать нечего, придирки у меня кончились, придется выкладывать свои соображения начистоту.

— А вы подумали, Евгений Иванович, что эти машины в армию пойдут? Представьте, что будет, если вдруг на мину наедет.

— Так кто ж под дорогу копать будет? А если такой хитрец найдется, то от машины вообще ничего не останется. Если угадает, конечно, и вовремя взорвет. Или ты фугас имеешь в виду? Так если снаряд маломощный окажется, колесо искалечит, а если шестидюймовый, то капотная компоновка ничем не поможет. Хватит выдумывать.

— Да вы сами подумайте, снаряды дороги, чтобы их в землю закапывать. В то же время массовое применение танков и бронев автомобилей в будущей войне неизбежно. Значит, будут дешевые фугасы применять, да хоть ящики деревянные с нажимным взрывателем. И с мощным зарядом, чтобы танк из строя вывести. При подрыве все вверх, поэтому нужно, чтобы людей в зоне подрыва не оказалось. Это проще всего сделать в капотной компоновке. Да и посмотрите сами. У нас самый мощный на настоящий момент грузовик вытанцовывается, военные, как пить дать, захотят броневик на его базе. Вы этот вагон-сарай себе представляете? Он же на малейшем косогоре заваливаться набок будет.

— С последним не поспоришь, ладно, поговорю с директором. Да и с американцем проконсультироваться не помешает на предмет «переворота малой кровью». Тебе, кстати, завтра ему еще свой двигатель представлять. Иван Алексеевич так его расхваливал, что тот попросился посмотреть. Как же: «Вышли на мировой уровень! Своими силами! Без иностранной помощи!» Так что ты уж подготовься, распиши все в цвете, чтобы перед заокеанским инженером не опозориться.

Я остался стоять у шасси с отвисшей челюстью.

А Важинский, довольный произведенным на меня впечатлением, подмигнул, улыбнувшись, удачи мол, и удалился. Ё-мое! Что делать-то? Уплывут ведь секреты! Если лапшу американцу на уши навешать, Лихачева в дурацкое положение поставлю. Неизвестно еще, как он к этому отнесется, а то вырастит из мухи слона, что-нибудь вроде «дискредитации советского автопрома». И будет тебе, Семен, «дело политическое». Да и американец лопухом может не оказаться, поймет все. Ладно, утро вечера мудренее.

Эпизод 3

С утра пораньше, едва продрал глаза и умывшись, кусая на ходу бутерброд, поскакал в опытный цех, готовить «выставку». Хотя в виде экспонатов предполагались только самый

первый вариант мотора, так и стоявший под дерюгой в углу с весны, и деревянный наглядный макет. Первый подходил для демонстрации как нельзя лучше, даже на глаз было видно, что сделан он с помощью кувалды и такой-то матери, кустарщина в чистом виде. Основная трудность была в том, чтобы эту дуру перетащить на более подходящее место и подключить к воздушной магистрали. Проверить работоспособность тоже не мешало.

Упирался с ним целый час, пока не помогли пришедшие в цех рабочие, но оно даже и к лучшему. Ненавижу ждать, а раз смена началась, то и краснодеревщики уже на месте. Подхватив макет, помчался к ним и вкратце объяснил, что надо слегка изменить, причем так, чтобы следов изменений в виде свежих срезов не было. Через двадцать минут мне вручили раскрашенный парадный экземпляр, голь на выдумку хитра. Теперь надо только подождать, пока краска подсохнет. А еще лучше — к кузнецам, возле горна погреть.

Там-то и поймала меня высокая иностранная делегация, в лице единственного инженера, сопровождаемая ражим молодцом и директором завода.

— А-а-а... Товарищ Любимов! Вот ты где! Здравствуй! — Лихачев прямо лучился изнутри. — Познакомься, это инженер Джон Уилсон из фирмы «Отокар», которая нам с шасси помогает, с ним Паша Карпов, студент, будет за переводчика. Паш, переведи американцу: «Товарищ Любимов, конструктор двигателя Д-100-2».

Мы пожали друг другу руки, и я пригласил всех в опытный цех, к мотору, пообещав там все рассказать и показать заодно. Уилсон, между прочим, внешне произвел на меня самое лучшее впечатление. Я его легко мог бы спутать с кем-нибудь из своих, если бы не ботинки. Московская мода, или необходимость, диктовала сапоги.

— Вот наш мотор. Основной целью его создания было упростить производство, обеспечив массовость. Для этого пришлось, к сожалению, отказаться от некоторых важных элементов в традиционной конструкции двигателя. Распредвала, как видите, нет, его роль выполняет сам коленвал, толкая длинными шатунами на коротких коленах внешние поршни. Эти поршни пришлось ввести в конструкцию, чтобы исключить из нее мелкие сложные детали, трудные в изготовлении. Как видите, ход у внешних поршней короткий, они только открывают и закрывают выпускные окна, полностью заменяя клапана. Двигатель двухтактный оппозитный, цилиндры работают на коленвал с двумя большими и двумя малыми коленами одновременно, чем достигается хорошая уравновешенность. При каждом рабочем ходе воздух в картере сжимается, благодаря длинному ходу внутренних поршней, и поступает через открывающиеся впускные отверстия в верхних мертвых точках этих поршней в цилиндр. Этот экземпляр двигателя опытный, на нем еще не обеспечена герметичность картера и не поставлены клапана, поэтому пока он подключен к воздушной магистрали. Вот, собственно, и все хитрости. Таким образом имеем простой мотор, приспособленный для постройки на примитивном оборудовании с использованием малоквалифицированной рабочей силы.

Пока я все это говорил, работа в цеху просто встала. Наша небольшая группа привлекла к себе все внимание. Еще бы, там такая пантомима разыгралась, что в кино ходить не надо. Да сам Чаплин от зависти удавился бы! Позади американца и стоящего к нему лицом краснеющего студента два мужика, один высокий, другой поменьше, яростно жестикулировали, строя страшные рожи друг другу, махая кулаками и изредка крутя у виска, а когда иностранец оборачивался, мгновенно натягивали самые приветливые улыбки и смотрели на него честными глазами.

— А теперь демонстрация двигателя в действии! — громко сказал я не без душевного

трепета. Дело в том, что были некоторые опасения насчет выхлопа, который пришлось маскировать железным листом. Американец, обойдя двигатель с другой стороны, мог заметить, что на одном котле выпускной поршень — внутренний. И понять, что ему вешают лапшу на уши. Высокотехнологичная болванка, как и четыре месяца назад, рухнула из-под потолка и крутанула маховик. Двигатель затарахтел. Похоже, опасения напрасны. Не полезет он через предусмотрительно организованные препятствия дышать газойлевым чадом. Я заглушил мотор.

Уилсон повернулся ко мне и выдал довольно длинную фразу, которую Паша перевел как восхищение конструкцией и пожелания дальнейших успехов. При этом заокеанский инженер смотрел на меня чуть ли не с жалостью, как на недоумка. Ну и хорошо, примерно такого эффекта я и добивался. Мы вежливо распрощались и настала пора объясняться с директором ЗИЛа.

— Любимов! Ты что нес?! Забыл как твой мотор работает?! Я ж тебе подсказываю: «Три колена на валу, поршни навстречу друг другу движутся»! А ты мне в ответ, вообще, какую-то ахинею порешь: «Длинный вал в семь колен, цилиндры в ряд по очереди от малого до большого, поршни с двух сторон»! Это что ж за конструкция такая?!

— Прости, Алексеич, — выдавил я из себя, сдерживая хохот и утирая слезы. — Думал, ты мне «малый загиб» в лицах изображаешь...

— Вот тугодум! Я ж ясно показываю... — Лихачев внезапно умолк, в глазах мелькнула догадка, и он, после небольшой паузы, подозрительно спросил: — Постой, если я тебе «загиб», то что ты мне там ответил?

Народ в цеху уже просто валялся. Самые стойкие, согнувшись пополам, держались за стены. Я совладал с собой и твердо, глядя в глаза, сказал:

— А вот этого, товарищ директор, я вам лучше говорить не буду...

— Ах ты ж, твою мать... — тут Иван Алексеевич показал, что недаром был балтийским матросом. — Ка-а-анструктор! Изобрета-а-атель!!! Все!!! Достал ты меня до печенок!!! А ну, шагом марш за мной, заявление писать! Будем теперь тебя по партийной линии воспитывать, раз ты по-хорошему не понимаешь! Завтра показ машины, из ВСНХ приедут, еще выше бери — руководство партии будет присутствовать! Мне что, опять за тебя перед товарищем Сталиным краснеть? Он все помнит! И не дай тебе Боже меня и там опозорить!!!

Эпизод 4

Утро 30 сентября. Ясная, солнечная погода, будто природа решила порадовать нас после вчерашнего редкого дождичка и разделить с нами радость первого «заезда» новой машины. Хотя формально ЗИЛ-4 уже ездил. В старом сборочном цеху, на первой передаче от стены до стены. Выпускать совсем уж «необъезженного жеребца» никто не рискнул, да и надо было убедиться, что все работает нормально.

Заводской двор заполнен радостно возбужденным народом и разукрашен праздничными транспарантами-лозунгами: «Даешь...», «Слава...» Отдельно кучкуются «группы по интересам» — сталинская команда, конструкторы, журналисты. Изредка отдельные товарищи перемещаются между ними, но пока все ждут и разговаривают вполголоса. Вижу, как Лихачев что-то объясняет Сталину, то оживленно жестикулируя, то смущаясь и пряча руки за спину. Я стою среди зиловских инженеров, пытаюсь справиться с волнением, на

память постоянно приходят мысли насчет «эффекта первой демонстрации», поэтому, стараясь отвлечься, расспрашиваю Важинского о присутствующих.

— Евгений Иванович, а это кто такие? — киваю на делегацию, принадлежность которой на глаз определить не удалось.

— Слушатели Промышленной академии, будущие директора заводов.

— Студенты, что ли? Больно великовозрастные.

— В основном партийные кадры, техническую подготовку проходят для работы в промышленности. Смотри — Лихачев Сталина сотоварищи к нам ведет. За языком следи.

Сошедшиеся вместе компании перездоровались, и секретарь ВКП(б), обращаясь ко всем конструкторам сразу, сказал:

— Вы, товарищи, большое дело сделали, молодцы. О вашей новой машине товарищ Лихачев много хорошего рассказал, но возникли вопросы, поэтому мы хотим получить ответы из первых рук. — И, обернувшись к своим, закончил: — Спрашивайте, товарищи.

Вопросы меня не удивили, все в основном упиралось и к какому сроку в сколько можно получить машин, можно ли их строить на других заводах. Я отмалчивался, пока лопухий мужичок невысокого росточка, с открытым, улыбчивым лицом не поинтересовался:

— А на трактора ваши моторы ставить можно?

Это уже касалось меня лично, надо было отвечать, но пока я собирался, Каганович успел вставить:

— Что, Микита, за колхозы болеешь? За тракторизацию? Молодец, правильный вопрос! Недаром в академию тебя учиться направили.

— Да я, хе-хе, конечно, за колхозы! Какие же колхозы без тракторов? Хе-хе.

Это кто у нас тут такой? Неужто Никита Сергеевич, собственной персоной? А внешне очень даже располагающе выглядит. Впрочем, тот, из Вологды, тоже на мокрушника не похож был, а вот с Хрущевым у них сходство определенно есть.

— Моторы под трактора приспособить можно, — я глянул на стоящего неподалеку улыбающегося Уилсона. — Но предлагаю обсудить этот вопрос в рабочей обстановке в более подходящем месте. А Никите хочу пожелать успешной учебы, а то начнет кукурузу где попало сажать.

— Хе-хе. Какую кукурузу?

— Это выражение такое просто. История какая-то с агрономом-недоучкой была. Но запомни накрепко — кукурузу где попало сажать нельзя! Примета плохая.

— А ты сам-то где учился? Хе-хе. Может, посоветуешь, переведусь из Промышленной академии.

Уел, чертяка! Ох и чутье у него! И что теперь ответить, чтобы в лужу не сесть?

— Умный ты мужик, Никита, а прикидываешься! Но я тоже не лыком шит, насквозь тебя вижу! А что до учебы, так завод — моя академия.

Сталин, добродушно наблюдавший за нашей перепалкой, уцепился за последние мои слова и высказал директору ЗИЛа:

— Что ж это у вас, товарищ Лихачев, конструкторы без образования? Талант — это хорошо, но его надо знаниями подкрепить. Может, будь у товарища Любимова знания, мы бы сейчас уже сотни грузовиков имели? Это положение надо срочно выправлять!

— Так, товарищ Сталин, когда ж его было на учебу направлять? Мы с утра до ночи в работе! Вот пустим ЗИЛ-4 в серию, тогда и время поучиться появится, — и, после небольшой паузы, добавил, угрожающе глядя в мою сторону: — У Любимова все еще

вперед.

— Это хорошо, товарищ Лихачев, а мысль собрать по вопросу двигателей отдельное совещание я поддерживаю.

Пользуясь тем, что всеобщее внимание привлекли медленно открывающиеся ворота сборочного цеха, я постарался отойти подальше от руководства, чтобы не спровоцировать его недовольство еще чем-нибудь, и наткнулся на Артюхину.

— Александра Федоровна! Какая неожиданная встреча! Вы к нам по журнальной линии или по партийной?

— Не угадал, товарищ Любимов! По рабочей. Дела у нас с директором.

— Это какие же, если не секрет?

— Да что уж там! Тебе как кандидату в члены ВКП(б) теперь сказать можно. Помнишь наш разговор в поезде?

— Это про коммунизм, что ли?

— И про это тоже, но не о нем сейчас. Помнишь, ты говорил, что женщин надо направлять на тонкую и кропотливую работу?

— Ну?

— Что ну?! В Ленинграде при изготовлении торпед для флота брак сократился в пять раз! Пять! Понимаешь?!

— Хорошо. А мы-то при чем?

— А при том! Я как представитель ЦК взяла на себя шефство над женскими коллективами, специально организованными для такой работы. Направление перспективное! Вот и у вас такой будет, все уже договорено. Насосы и форсунки будут делать! Оборудование точное уже везут из-за границы.

Пока мы так мило беседовали, ворота окончательно распахнулись. Внутри зафырчало, и на свет очень медленно и плавно, как ночью в цеху, на первой передаче выкатилось шасси. Именно шасси. Ни кузова, ни кабины не было. Только пол, который, изгибаясь, образовывал переднюю стенку моторного отсека, с боков ограниченного крыльями. Картину дополнял радиатор, возвышавшийся прямо перед водителем.

Выкатилось и встало, давая всем вволю собой полюбоваться. А потом, тронувшись с места, поехало вдоль толпы. В этот момент меня дернули за рукав. Оборачиваюсь — Милов.

— Сын!

— Что сын?

— В правление из роддома звонили! Сын у тебя родился!

— Да ты что?!

Проезжавший мимо зачаток машины взвыл двигателем при перегазовке, водитель переключался на вторую и... что-то резко и сухо, как выстрел, треснуло, завизжало со скрежетом. Свет померк.

Глава 11

БОЛЬНИЦА

Эпизод 1

Белый потолок. Высокий. Шевелиться сил нет совершенно. Поводив глазами по сторонам, насколько позволяли бинты, разглядел только побеленные поверху стены и окно, отделявшее меня от осенней серости. Ё-мое, как же больно-то! Зато сразу снимает дурацкие вопросы — и так понятно, что в больнице. Похоже, морду лица мне отрихтовало изрядно, да и сама головушка болит, будто скальп сняли. А уж что внутри нее творится — лучше сразу сознание обратно потерять. Я бы рад, да не получается. Для этого усилия какие-то приложить надо, а я даже пальцем пошевелить не могу. Попробовать покричать?

— Фффыаа! Фффыаааа!!!

Едрит мадрид! Доктора, чтоб их! Они мне что, рот зашили?! Ага, и похоже, челюсть как покойнику подвязали, тьфу, тьфу. Блин! А что так тихо? Я ж в морге!!!

...Да, испугаться было удачной находкой. Сколько времени-то прошло? Или я за полярным кругом и здесь всю дорогу белый день? Это вряд ли, октябрь все-таки. Значит, не меньше суток, судя по тени от лампы на потолке, которая примерно на том же месте, что и в прошлый раз. Голова болит меньше. Привык, что ли? Нет, кричать я сегодня не буду, больно уж мне нащупанные распухшим языком осколки зубов не нравятся. Да и челюсть не просто так подвязали, наверное. Если перелом, то его лучше не тревожить. Попробую напрячься и руками пошевелить. Ага! Получается! Еще немно...

...Перестарался. Тень на потолке уже не удивляет. Даже приятно. Есть в мире что-то неизменное, на что опереться можно. Вот на руки опираться пока нельзя, хотя шевелить ими понемногу получается. Похоже, выползаю потихоньку. Мне б живого человека увидеть, а то все сам с собой да сам с собой. Не может быть, чтоб меня не проверяли, надо только подождать пока кто-нибудь не придет. И не отрубиться до этого. Скучно. Заняться самокопанием? Гораздо интереснее подумать, что с машиной произошло. Жаль не видел ничего. Но на слух движок на высоких оборотах работал, а водитель переключался. Странно, обороты он вроде должен был снизить перед включением второй. Синхронизаторов в коробке нет. Значит, авария, скорее всего, именно из-за несогласованности двигателя и коробки произошла. Что могло развалиться? Да все что угодно! Опаньки! Кто это у нас? Какая милая женщина! Тетка! Тетка!!! Ты куда?! Блин...

А... Новый персонаж. «Едет, едет доктор сквозь снежную равнину, порошок заветный людям он везет». Обезболивающее где? Хотя... Что там на нынешний день актуально? Морфин? Ну его к лешему.

— Оперативный уполномоченный отдела ЭКУ ОГПУ по борьбе с вредительством и саботажем Косов!

Вот те раз! Только тебя мне сейчас и не хватало.

— Вы, гражданин Любимов, подозреваетесь в дезорганизации выпуска машин на заводе ЗИЛ, саботаже и умышленном вредительстве. А также в покушении на жизни представителей руководства ВКП(б) и ВСНХ.

Все приплыли. С таким диагнозом летальный исход обеспечен.

— Советую не запирайтесь, ваши подельники уже дали обличающие вас показания, вы можете облегчить свою участь чистосердечным признанием.

Ага. Расстрел заменят на полвека лагерей. Спасибо.

— В первую очередь меня интересует состав вашей антисоветской подрывной группы. Назовите фамилии участников и пособников.

Он что, издевается? Ага, кажется, додумался.

— Вот карандаш, бумага, пишите.

Ну что ж, напишем. Читай, дорогой.

— И-д-и-н-а-х... Вот так-то лучше! А Идинах это имя или фамилия? Я что-то такой не припомню...

Досвидос, догадливый! До новых встреч! Уплываю...

Эпизод 2

Целую неделю меня никто не беспокоил, кроме медсестры, всегда одной и той же, да врача. При этом все наше общение ограничивалось только темой моего здоровья. Медики наконец-таки разрешили мне потихоньку говорить, но на мои вопросы, выходящие за пределы их компетенции, попросту не отвечали. Ни на какие. Даже про жену с сыном промолчали.

Такое «подвешенное» положение изрядно давило на мозги. Если я арестован, то почему не допрашивают? Следак прискакал, едва заметили, что я очнулся, а теперь ни слуху, ни духу. Если это ошибка какая-то, то почему со мной не разговаривают? Что ж, будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. А посему — симулировать свою недееспособность как можно дольше. Из больнички сбежать всяко проще, чем из СИЗО, или как там это сейчас называется. В тюрьме сидя, я уж точно ничего сделать не смогу, а на свободе еще можно потрепыхаться.

Я потихоньку уже начал вставать по ночам, когда опасность визитов была наименьшая. Отдельная палата — это, конечно, хорошо, но зачем дверь запирают? Вид из окна меня и порадовал, и огорчил одновременно. Место я узнал сразу — 23-я горбольница. До Таганки — пять минут ходу. Грамотно это меня сюда определили, в случае чего за решетку путь короткий. Но ничего, мне тоже неплохо, до реки рукой подать, а там бережком до Садового и по мостику к Павелецкому вокзалу. За ночь доберусь, пожалуй, и на каком-нибудь товарняке смыться успею.

Окно оказалось незапертым, осторожно открыв его, я впустил внутрь сырой и холодный октябрьский ветер. Второй этаж, плохо. Придется спускаться на простынях. Заодно и об одежде, по крайней мере на первое время, надо подумать. Улыбнувшись мысленно нарисованному новому персонажу для фильмов ужасов — одетому в пончо из одеяла, скрывающего памперс из набитой ватой наволочки, перебинтованного мужика, грабящего поздних прохожих на предмет штанов и сапог, а лучше и рубахи с курткой и кепкой, направился к умывальнику, чтобы оценить свою физиономию.

Тоже мне тюремщики! Даже зеркало не сняли. А ну как зарезу кого осколком стекла, в тряпку замотанным? Не ждете, значит, подляны такой от меня. Хорошо, не буду вас прежде времени расстраивать. Ладно, это побоку пока, посмотрим лучше, какой я теперь красавец.

Жаль, что свет зажечь нельзя. Обойдемся фонарем на улице, света через окно достаточно, чтобы хоть посмотреть, где и как меня перебинтовали. Ага, все как доктор прописал, в смысле — говорил. Прилетело мне в левую половину башки, и похоже неслабо. Щека с верхней губой разорваны, зубы верхней челюсти там же выбиты, хорошо, что не спереди. Множественные порезы черепушки и сотрясение ее внутренностей. Хорошо, что не пробило. Ладно, глаза-уши целы и ладно. Как говорится, пока пальцы есть — мужик не импотент.

Итак, решено. Как только почувствую, что смогу более-менее длительное время передвигаться самостоятельно, уйду. Нечего мне здесь ждать, когда придут добры молодцы, возьмут под белые ручки, да в камеру.

Эпизод 3

Стоило мне окончательно назначить для себя дату побега на ближайшую ночь, как с самого утра ко мне заявился... Лихачев. Да не один, а во главе целой делегации конструкторов и рабочих ЗИЛа. Я уже давно смирился с мыслью, что кроме врачей стоит ждать только чекистов, поэтому поначалу глазам своим не поверил.

— Ну здравствуй, страдалец, — с улыбкой сказал директор завода. — Что моргаешь да молчишь? Говорить больно?

— Нормально, не офыдал профто, — ответил я, стараясь говорить как можно правильнее.

— Ха! Эк, тебя приложило! Нехорошо, конечно, но я даже рад. Теперь тебе против руководства выступать трудновато будет. Жаль, конечно, — такого оратора потеряли!

— Фто ф феней?

— Хорошо все. Мы сначала сказали ей, было, что в командировку тебя послали, чтоб не пугать. Мало ли, молоко все же. Да два дня спустя все равно следователь к ней заявился. Но обошлось, ты не волнуйся.

— Фын?

— Полина твоя его никому не показывает. Говорит, месяца не прошло. Пережитки и предрассудки это все! Но велела передать, что здоров. На папку похож.

— Фто фледовафель фотел?

— Да, понимаешь, история какая вышла. Американец тот, Уилсон, как все случилось, возьми и ляпни, мол, так и должно было случиться, мол, только болван мог такое придумать, внешние поршни вышибет сразу и коленвал ломает. А Паша-студент. Ну помнишь? Переводчик. Так он от чекистов к нему приставлен был и сразу рапорт накатыл. Стали его крутить, он схему мотора, которую ты американцу рассказал, нарисовал. Отдали ее мотористам на экспертизу — те, понятно, подтвердили, что американец кругом прав. В общем, закрутилось. Меня тоже допрашивали. И схемку эту показывали. М-да. Сказал я им, что не наш это мотор, наш другой совсем и тоже схемку нарисовал. И в НАМИ, и у Чаромского в ЦИАМ мою правоту подтвердили. Да тут и заключение комиссии подоспело. Машина-то сгорела к чертям собачьим, наших инженеров к ней не подпустили, со стороны прислали. Пока собирались, ковырялись. В конце концов, написали, что и коленвал на месте, и поршни. Но шума, конечно, много было. Дело-то уже заведено. Но наш коллектив за тебя горой! Целый митинг собрался! Решали на самом верху вчера вечером, как с нами быть со всеми. Артюхина тебя очень защищала. А обвинителей, что ты руководство партии убить

хотел, просто в порошок стерла. Вы ведь с ней только при аварии и пострадали, да Милов еще, да водителю задницу подпалило. Не переживай! Поцарапало их и только. Выговор мне вlepили по партийной линии за торопливость. Все ты виноват! В общем, отделались мы легким испугом.

— Фто ф мофором?

— Да разобрались уже, Семен, пока ты здесь валяешься, — это подал голос Важинский. — Мы ведь на машине его не гоняли еще по полной программе, никто и не подумал, как нагнетатель себя поведет при резкой смене оборотов. Вал у него лопнул, колесо кожух проломил да в вас как картечью из пушки и выпалило осколками. Мы подумали и поставили фрикционную муфту, чтоб на пиковых нагрузках проскальзывало. На ЗИЛ-5 работает все нормально. Машина сейчас испытания проходит, замечания есть, но мотор пока, тьфу, тьфу, не подводил.

— ФИЛ фяфь?

— Так мы четверку восстанавливать не стали, — снова заговорил Лихачев. — Неудачная машина какая-то. Да и ты против нее был. Да еще развалилась на демонстрации. В общем, решили мы новую делать, с капотом. И видно сразу — недостатки «четверки» учтены и исправлены. Американца того, Уилсона, я с завода стгоряча матюками прогнал, но справились своими силами. Коробку переделали малость, вал с другой стороны вывели. Да весь агрегат вместе с мотором и перевернули задом наперед. Очень хорошо получилось. Да что я все на словах? У нас же фотографии есть! Смотри, какой красавец!

Я глянул на фото и увидел там нечто коротко-широкомордое, больше всего похожее на «Прагу V3S». Радиатор при этом находился едва ли не над передней осью, а кабина имела привычный, как у довоенных ЗиСов, вид. Осей с довольно высокими колесами было, разумеется, две. Больше всего машина напоминала основательно стоящего на ногах теленка, и я, припомнив название ЗИЛовских «городских» дизельных грузовиков, сказал:

— Фыфек.

— Чего?

— Пфыфе-ек!

— Знаешь что, ты вместо того, чтоб плевать, на-ка карандаш, напиши.

Я быстренько изобразил свою мысль в письменном виде.

— Бычок? Какой же это бычок? Сто двадцать пять лошадей! Это целый БЫК! Молодец! Правильно мыслишь! Машине имя нужно. Вот доберемся до завода, на первом же собрании поставлю вопрос на голосование.

Я отрицательно замахал руками, не желая обидеть заслуженных МАЗов.

— И давай, не скромничай, генератор идей. Выздоровливай лучше быстрее. Хотя... Не торопись. Заседание по двигателям отложено до твоего выздоровления, хорошо бы было успеть к нему машину полностью испытать. Мы вот тебе гостинцев принесли, вот молочко, яблоки, огурчики солёненькие.

— Фафифо.

Я с сожалением отодвинул с тумбочки обратно директору яблоки и огурцы, оставив только глиняную крынку с молоком.

— Да, извиняй, нехорошо получилось. Но мы ж не знали, что с тобой неладно. Будем иметь в виду. Может, тебе чего надо еще?

Подумав, что, пока я валяюсь в больнице и не могу работать в полную силу руками, мне вполне доступно поработать головой. Не надеясь выговорить это слово, я снова взялся за

карандаш.

— Пишущую машинку? Ну у тебя и запросы! Зачем?

— Надо.

— А совладаешь? Ладно, раз просишь, что-нибудь придумаем. Не последний человек в нашем коллективе. Верно говорю?

Делегация дружно зашумела, выражая одобрение словам директора.

— Жене что передать?

Я растерянно развел руками, со мной было все и так ясно, ничего мне особо не требовалось, да и напрягать задачами только что родившую мать не хотелось.

— Ладно, скажу, что с тобой все в порядке. Идешь на поправку. Выпишут через... месяц. Так? Что любишь, само собой скажу. Ладно, давай пять — и мы пошли, дела.

Народ повалил ко мне с рукопожатиями и двинулся на выход, кисть болела потом еще с полчаса. А бычья голова с того памятного разговора прочно прописалась на радиаторах зиловских грузовиков.

Эпизод 4

Снова директор нарисовался у меня в палате спустя всего два дня. При этом он самолично притащил пишущую машинку и...

— Вот, познакомься, товарищ Блиндер, — сказал он, отступая в сторону и показывая мне худенькую девушку. — Вызвалась добровольно тебе помогать.

— Просто Роза, — смущаясь, поправила директора новоявленная помощница.

— Приятно, Семен, — ответил я автоматически.

— Ну ладно, вы тут сами уж разбирайтесь, кто кому товарищ, а кто кому роза. Я побежал, наверху ждут. Ах, да! Из Тулы оружейник приезжал, Шпагин кажется... Винтовка твоя себя хорошо пока показала, но заказ на те полсотни экземпляров и десятков пулеметов они до августа делали. Много брака из-за фрезерованных ствольных коробок. Спрашивал, как мы ее штамповали. Так наши ему поперечину рамы «двойки» показали. Заодно и всю оснастку для штамповки отдали. Магазины он наши хвалил с опытной винтовки. Они на пулемет вставляли как родные, а тулякам для каждой свой приходилось подгонять. Всю приспособу, что ты для изготовления магазинов придумал, он тоже с собой увез. Все, бывай!

Я озадаченно глянул на оставшуюся стоять прямо на тумбочке пишущую машинку.

— Роза, а тебе удобно так будет? Надо бы стол какой попросить.

— Не беспокойся, сейчас табуретку поставлю рядом и можно работать. А стол я у Лихачева выбью, у больничных зимой снега не выпросишь.

Она расположилась рядом с кроватью настолько близко, что я легко мог прикоснуться к ее... талии. Пахнуло свежим ароматом роз, и в голову полезли неправильные мысли. Ё-мое, даже головой не потрясти, чтоб их вытряхнуть!

— Ой, а ты книгу писать будешь, да? Про моторы? Ой, как интересно!

— Нет, статью. И про моторы тоже.

— В «Правду»?

— Нет, в какой-нибудь военный журнал, наверное. Или в газету. Что у нас для армии издают?

— «Война и революция» только.

— Вот! Именно, война и революция. То, что надо. Начнем. Статья: «Развитие индустрии и транспортных средств и их влияние на ход боевых действий».

Вжрр... Тук, тук, тук... Бамс! Да я так еще на первом абзаце свихнусь!

— Постой, дай перелегу, чтоб машинка у головы не стояла. Как вы только с ними работать можете! Только ты отвернись, неудобно.

Я, кряхтя и изображая из себя полную развалину, перелег, перекинув подушку в ноги.

— Теперь можешь продолжать, — и, оценив свою новую диспозицию, добавил: — Теперь совсем другое дело.

В своей первой статье я упирал на возросшие возможности снабжения войск боеприпасами в весовом эквиваленте и в более короткие сроки, что повышало роль артиллерии в бою. Следующей статьей пошла «Развитие стрелкового оружия и тактика пехоты в современном бою». Логично вытекающая из прошлой, и настаивающая на плотном автоматическом огне на постоянном прицеле в пределах четырехсот метров, исходя из дистанции безопасного удаления от разрывов собственных снарядов. Следом косяком пошли статьи по бронетехнике, затрагивающие вопросы бронирования, вооружения и обзора, материальной части и тактике артиллерии и прочее. Закончилось все, спустя месяц, уж совсем фантастической статьей для настоящего времени: «Применение транспортных вертикально взлетающих аппаратов в операции на окружение». Этот опус я добавил исключительно ради того, чтобы у заинтересованных лиц не возникли глупые вопросы, откуда я премудрости понабрался. И так ясно, что сам все придумал, а ни в каких гражданских войнах на чьей-либо стороне не участвовал. Посмотрим теперь, как красные командиры и военачальники на этот вброс информации прореагируют.

А вот мои отношения с машинисткой Розой начали всерьез беспокоить. Невооруженным глазом было видно, что девочка мной заинтересовалась. С чего бы это такое внимание изуродованному шепелявящему «красавцу»? Мне превеликих усилий стоило устоять и не перевести наше общение в горизонтальную плоскость. Если бы не мысли о жене, ночей не спящей с грудным ребенком, пока я здесь прохлаждаюсь, точно все было бы плохо. Чем больше я думал на эту тему, тем ближе становилась назойливая мысль, которую я все никак не мог ухватить. Когда же меня внезапно кольнула догадка, я посмотрел на Розу уже совершенно другими глазами. Стоило только вспомнить, что многие известные личности, как государственные деятели, так и военные, в тридцатых годах внезапно пачками стали разводиться с женами и жениться на еврейках. Конечно, подозревать, что ее мне «подкладывают», не было никаких оснований, но проверять я совсем не хотел.

К счастью, время моего лечебного заточения закончилось, и меня выписали в новообретенном облике. Даже не знаю, узнают ли меня дома. Так как всю левую сторону черепа покрывали багровые пока шрамы, волосы, на немногих оставшихся целыми местах, росли клочками. Чтобы не выглядеть уж совсем по-дурацки, приходилось бриться под Котовского, выставляя украшения мужчин напоказ. На лице же я, наоборот, постарался спрятать разорванную верхнюю губу в усах, чтобы не пугать людей своим оскалом. Картина маслом, их еще отрастить подлиннее, да чуб добавить — вылитый запорожский казак получится.

Глава 12

НАЦПРОЕКТ

Эпизод 1

Осенняя Москва. Снова, как и год назад, я ехал в трамвае, погруженный в свои мысли. Что сделал я за это время? Много. Но все равно слишком мало. Год, не покладая рук. И что? Движение ударников, предвосхитившее стахановское? Трудно сказать, хорошо это или плохо. Любая штурмовщина сводит на нет планомерную работу и идет на пользу, если обеспечена не только энтузиазмом людей, но и материально. Что наглядно можно увидеть на примере нашего завода, конвейер которого на протяжении полугода так и оставался всего лишь наглядным пособием, как надо делать автомобили, а не реально работающим производством.

Винтовка? Пулемет? Из переписки со Шпагиным я понял, что первая их партия, отправленная на войсковые испытания, несмотря на весь его оптимизм, для вооружения армии не годится. Что толку, что механизм работает без задержек, если каждая винтовка комплектуется собственным единственным уникальным магазином, всего лишь на 10 патронов? Боевая скорострельность получается сопоставимой с трехлинейкой, при значительно, в разы, большей цене оружия. Если на ТОЗе не сумеют обеспечить штамповку коробки и взаимозаменяемость деталей, игра не стоит свеч. Во всяком случае, я бы их поделку на сегодняшний момент ни под каким предлогом на вооружение не принял. Да и после устранения недостатков минимум год войсковых испытаний. Если еще удастся уговорить военных направить эти стволы хотя бы в кавалерию, у которой для рукопашного боя пашка есть. С броней винтовки тоже ничего не поделаешь. ПТР им изобрести, чтобы успокоились?

Дизель? Так с ним такая же история. Это всего лишь намек на будущую возможную роскошь, которая, кстати попала на глаза директора автозавода. Почему он сделал на него свою ставку — ума не приложу. Наверное, уж больно оптимистичную рекламу я ему создал. А вот о подводных камнях не подумал, подходя к мотору с мерками своего времени, в котором любая, даже самая сложная его деталь — всего лишь вопрос цены. А сейчас некоторых его компонентов, как та же сталь, просто не существует и их приходится не покупать, не заказывать где-то, а самим создавать практически с нуля. С одной стороны, это очень хорошо, благодаря этому даже студенты, пришедшие летом в моторный отдел зилковского КБ, отлично представляют себе все тонкости конструкции и сравнительно легко находят способы «лечения» его детских болезней. Даже не будь меня, они рано или поздно, безусловно, справятся со всеми трудностями. Но время. Время, которого у нас нет. Стране нужны грузовики и моторы на них. А вскоре мне предстоит отвечать на вопросы, где еще можно их применить. Это может означать только увеличение объемов серийного производства, которое еще даже не начиналось.

Ну ладно, допустим, освоим мы этот двигатель и даже его клоны другой размерности. Со временем и многоцилиндровые модификации пойдут. Вот только ситуации в целом это никак не изменит. Не дает этот мотор, со всеми выгодами для страны и для меня лично,

никакой гарантии, что события не будут развиваться негативно. Даже при живом Сталине в начале войны сколько техники потеряли! А если его в 1938 грохнут и наверху грызня за власть начнется? Единственное, что даст мне хоть какую-то уверенность в будущем, так это то, что я сам буду принимать решения. Или такие решения будут принимать люди, которые уже один раз доказали, что способны все сделать как надо.

Стал же Яковлев личным советником самого? Конечно, он не сам собой действовал, там целая команда работала. Но тем не менее, пример. Настолько приближаться к телу я отнюдь не собираюсь, так как у меня в голове не укладывается, как можно совмещать работу с железом и подковерную возню. Да у меня времени на жену достаточно не бывает! А вот опыт командных действий очень полезен. Им мы и воспользуемся. Плохо только, что команды, которая мне подошла бы, в Москве нет. Да я, говоря откровенно, вообще не понимаю, кто кому тут друг, а кто на кого зуб имеет. Поэтому собираюсь поступить радикально и выставить на доску козырную фигуру досрочно по сравнению с «эталонным» миром. Если мне все удастся, выигрыш будет просто колоссальным. А вот если не удастся, тогда сожрут меня моментом кремлевские жители. Едва сообразят, что я их вздумал подвинуть. А скорее всего, им всего лишь чутья окажется достаточно.

Эпизод 2

Завод жил своей обычной жизнью. Заскочил я сюда, чтобы не терять понапрасну время, до вечернего парохода с кожуховской пристани еще три часа.

Прошел в опытный цех. При этом люди смотрели на меня как на пустое место, что вызывало мое немалое удивление. Так продолжалось, пока я нос к носу не столкнулся с Евдокимовым.

— Каким ветром к нам, красавец?

— Здравствуй, Михалыч! Что-то ты не слишком приветлив сегодня.

— Семен? — мастер вглядывался в мое лицо и наконец, остановившись на глазах, продолжил: — Вот мать честная! Не признал. Знать, богатым будешь.

— Что, так изменился?

— А это с какой стороны посмотреть! Прости, шутка. Я ж тебя последний раз еще в бинтах видел, не думал, что так оно все, — мастер смутился, подколки подколками, но и перебор может выйти.

— Новости какие есть?

— Есть, как не быть. ЗИЛ-5 заводские испытания считай что прошел, по мотору нареканий вроде нет. Станки в цехах уже полностью по-новому установили. Готово все, считай, к серийному производству. Вот только бабский участок пока отстает. Ну тот, что под насосы да форсунки специально организовали. Глянь, кстати, сюда.

Евдокимов протянул мне два кольца, на вид совершенно одинаковых. Сколько я их уже передержал в руках! Догадка лежала на поверхности, и я, ожидая утвердительный ответ, для порядка спросил:

— Жаростойкая сталь? Уже поставили на поток?

— Не совсем. Вот то, что в левой руке — это опытная тигельная плавка МИСиС. А то что в правой — из Златоуста. Уж не знаю, какая светлая голова, но сообразила, что у них обломок клинка. Да и не постеснялась спросить у тех, кто в клинках лучше всех разбирается,

в Златоусте то бишь. И представляешь, нашлась у них там сталь для нас подходящая! И с теми и с теми кольцами мотор нормально работает, ресурс не меньше, чем у ЗИЛ-2, будет. — Михалыч отобрал у меня детали и покачал их на руках, как бы сравнивая.

— Вот дурак! А я-то меч сломал! — сказал я в сердцах и еле удержался, чтоб не плюнуть. — Мозгов не хватило сообразить такую простую вещь!

— Да не казни ты себя! Все не предусмотритишь наперед, — успокоил меня Евдокимов для порядка, но было видно, что мои переживания ему совершенно непонятны. — Ты, кстати, на работу-то когда?

— Да вот, больничный сейчас в контору занесу. Завтра у меня выходной по графику, так что, раньше послезавтра не ждите.

— К директору пойдешь?

— Да ну его к лешему! Сейчас чем-нибудь озадачит, опять без выходного останусь. Я и так из-за его торопливости даже к жене в роддом ни разу не наведалься. Да и вообще, Михалыч, в отпуск я хочу.

— Так ты и так, считай, месяц и неделю в больнице валялся! Неужто мало? — искреннему изумлению мастера не было предела.

— Хорош отпуск, нечего сказать! Чем так отдыхать, лучше уж вовсе круглые сутки без выходных! — возмутился я и перевел разговор на гораздо более интересующую меня тему. — Кстати, ко мне туда чекист заходил, у вас тут он не отметился, часом?

— Был. Про твое происхождение, кстати, спрашивал. Ты точно не из эксплуататоров? А то мы тут все поручились, что ты самый что ни на есть пролетарий. По работе судя.

— Обижаешь.

— Ну и ладно. Бывай, Семен, дела.

Тепло распрощавшись с мастером, двинул свои стопы в сторону заводоуправления, точнее отдела кадров. И первым лицом, которое я там увидел, была Роза.

— Семен, какая неожиданная и приятная встреча! — кокетливо улыбаясь, встретила меня добровольная помощница. — Рвешься на работу, доделывать свой жутко интересный мотор?

В последней фразе сквозила неприкрытая ирония.

— Пожалел бы себя, отвлекся, что ли. С работы — в больницу, из больницы — на работу. Разве так можно? Сходил бы в кино или на танцы. Конечно, одному скучно, но я готова составить тебе компанию. По-дружески, разумеется. — И она посмотрела на меня *так*, чтобы не осталось ни малейших иллюзий, что о дружбе речь и не идет.

— Ценю твою настойчивую заботу, — ответил я в том же ироничном тоне, делая ударение на слове «настойчивую», — но мне действительно необходимо заняться своим жутко интересным мотором. Боюсь, придется посвятить этому делу всю оставшуюся сознательную жизнь, а отдыхать буду на том свете. Составить мне компанию, по понятным причинам, не прошу.

— Ну что ты такое говоришь! Если не хочешь в кино, могу тебе по работе помочь. Чертежи, какие там составить или записку пояснительную написать. От чистого сердца, честно!

Ага, чертежи двигателя ей с пояснениями! И почему я дурачком не уродился? Мог бы сегодня вечером недурно провести время в интимной обстановке... Хотя есть у меня для тебя одно дельце.

— Роза, — перешел я на строгий тон, — если ты действительно хочешь помочь, то

сделай мне вот что. Мне для дела нужна справка по Грузии. В смысле по успехам в народном хозяйстве этой республики и по ее руководителям. Посмотри, пожалуйста, подшивки газет, наверняка какие-то заметки были. Может, еще где данные найдешь, справочники, отчеты какие-нибудь. К завтрашнему вечеру сможешь?

— Постараюсь, не знаю, неожиданно как-то... А тебе зачем?

Эк тебя озадачило! Еще бы, если она уложится в срок, а для этого ей надо работу бросать прямо сейчас и бежать в библиотеку, это будет настоящим трудовым подвигом. Или придется допустить, что ей кто-то помогает. Заодно и вброшу лишнюю информацию для загрузки мыслительного аппарата.

— А это затем, красавица, что думаю завод моторный там построить в самый раз! Надо же сразу понять, с кем придется работать.

— Постой! Это ты о чем?

Ну надо же! Так глупо попасть! Лихачев, будь он неладен! Что за манера к добрым людям со спины подкрадываться!

— Ты имей в виду, Любимов, пока мотор в серии строиться не будет, никуда не отпущу! Ни в какую Грузию! Умник нашелся! Сейчас, значит, нас с панталыку сбил своим мотором, он, не дай боже, паршивым в серии окажется, а спросить и не с кого уже! Изобретатель уехал на юг! Других с толку сбивать! — Негодованию директора, начавшему подозревать меня в смертном грехе — неверности ЗИЛу, не было предела.

— Спокойно! Двигатель мы в серию запустим. Другого пути у нас уже нет! Другое дело, что для этого потребуются. И в первую очередь — ликвидировать бардак на заводе! — это я, конечно, палку перегнул. На Ивана Алексеевича смотреть больно.

— Это какой бардак? Все у нас по графику, распорядку. Трудовая дисциплина, опять-таки. — Лихачев растерянным голосом, оглядываясь вокруг, будто ожидая поддержки, начал ни с того ни с сего оправдываться.

— Какой-какой?! Вон! Даже труба котельной световой сигнализацией не оборудована! Полетит самолет какой ночью, врежется и завалит нам трубу! И что?! Завод встанет, план рухнет! — в запале нашел я первый попавшийся повод придраться, понимая уже, что сильно погорячился и, сбавив в конце тон.

— Да, это правда, — совсем упал духом директор, но встрепенулся и тут же спросил: — А разве где трубы освещают ночью?

— Должны. Сам подумай, Иван Алексеевич, пустяк же! А уберет от немалых бед, — теперь оправдывался уже я, чувствуя себя виноватым за такой «наезд», в общем-то, на ничем не провинившегося человека. И, воспользовавшись тем, что Роза благоразумно предпочла скрыться, добавил: — Алексеич, ты это, извини, погорячился я. Не собираюсь я никуда.

— Ладно, распорядюсь, чтоб лампочки повесили, — ответил Лихачев еще под впечатлением. — А Грузия-то чего? Зачем тебе, если не уходишь никуда?

— Да ты сам посуди, Иван Алексеевич. Вот выйдем мы на совещание, я там мотор распишу в красках. И туда его можно ставить, и сюда, и на машины, и на самолеты, и на корабли. И что? Потянем мы это все? Нет! Надо другие заводы подключать! Но вот беда, они все уже что-то выпускают! А в Грузии, краем уха слышал, завод строится, то ли авиационный, то ли авиамоторный. Его и надо застолбить, пока он не пущен еще. Сам бы ты стал налаженное серийное производство ломать, если б оно у тебя уже было, когда я со своим дизелем объявился?

— Разумно. Кстати, насчет совещания. Коли ты оклемался, так я наверх сообщу, будь

готов в любой момент. Как вызовут, так сразу вдвоем и поедем, — директор уже окончательно оправился, и его голос обрел привычную силу. — А завтра, чтоб был на работе.

— Так выходной же!

— Да? Ладно, но из дома не отлучайся, мало ли чего. Или соседям весточку оставляй, чтобы тебя всегда найти можно было. Бывай!

— И вам счастливо...

Вот так, нежданно-негаданно попал без вины под домашний арест или, по крайней мере, под подписку о невыезде.

Эпизод 3

— Ой! Кто это у нас пришел? — жена встретила меня с малышом на руках. — Да это папка! Давай поздороваемся с ним. Ну-ка, давай скажи ему.

Малюсенькое курносое личико озадаченно глянуло на меня из одеяла синими глазами, начав было морщиться, чтобы заплакать, передумало, радостно улыбнулось и, пуская слюни, приветливо зафыркало. Жена, передав мне сверток, коротко поцеловала и, слегка обидевшись на то, что я был полностью поглощен сыном, упрекнула.

— Ну вот, меня уже совсем не замечаешь.

— Ах, Поля, прости, задумался, — ответил я, очнувшись, но по-прежнему разглядывая малыша. — Как вы здесь без меня?

— Да, хорошо, вроде. Спим, едим, растем. Одной тяжело, конечно, и ребенка одного надолго не оставишь, даже чтоб до магазина добежать. Ему же каждые пару часов есть надо. С едой туго что-то в магазине, а на рынке цены больно кусачие. Зато в очереди не стоять и быстро, — Полина, судя по всему, крутилась здесь одна как белка в колесе и теперь пересказывала мне свои заботы за месяц моего отсутствия. — Слушай, коли ты пришел, давай я прилягу подремать. Если есть хочешь, в печке все горячее, я не буду. Спать хочу.

— Погоди, сама-то ты как?

— Давай потом расскажу? Ты его сейчас покачай, он заснет, — жена переключилась на инструкции по обращению с ребенком. — Проснется, заплачет — разбудишь меня. Пока он есть будет, поговорим. Сейчас я уже на ходу засыпаю.

Действительно, Полина, встретившая меня довольно бодро, видимо, расценила мой приход именно как возможность отдохнуть, и сейчас ее глаза просто закрывались сами собой. Ну что ж, посмотрим, не потерял ли я навыки общения с грудничками.

Трудная свобода,
Сладкая неволя.
За себя сражаться
Иль в течение плыть.
Дай мне свою силу,
Куликово поле,
Чтобы знал я точно —
Нас не победить!
Было нас немного,

А врагов немало,
Только мы сумели
Одолеть тогда.
Дай мне свою мудрость,
Поле нашей славы,
Сделать так, как надо,
Коль пришла беда.
Сколько мы терпели
Горемычной доли,
Собирая силу
В рукоять меча.
Дай мне свою ярость,
Куликово поле,
Чтоб с размахом, вволю
Ворога встречать.
Чтобы наша гордость
Не покрылась пылью,
Чтоб держало небо
Сильное крыло,
Чтобы мы по-русски
Пели и любили,
Чтобы улыбались
Всем ветрам назло.
Сколько б черны бури
Смерть не приносили,
Сколько б не звучало
Злых лукавых фраз,
Только, брат, я верю,
Выстоит Россия.
Выстоит Россия
И на этот раз!

Колыбельных песен я за всю свою жизнь так ни одной и не выучил, что, впрочем, мне никогда не мешало, вполне годились и обычные спокойные песни, главное уметь их петь. Я размеренно ходил по избе взад-вперед. Сочетание тихого голоса и покачивания быстро разморило малыша, уснувшего уже на четвертом куплете. Допев до конца, я осторожно положил сына в кроватку и, стараясь не шуметь, занялся бытовыми хлопотами.

— А-а. У-аа... — я едва успел поесть и, согрев воды, помыться, избавляясь от больничного запаха. Хорошо хоть одежду стирать и чинить не надо, в прачечной ее привели в удобоносимый вид.

— Что уже? — это Поля, проснувшись, завозилась и села на кровати. — Давай его сюда.

Я перенес плачущего малыша на кровать и отдал жене, которая сразу дала ему грудь.

— Ну рассказывай теперь, как все прошло. С самого начала.

— Да чего рассказывать? Обычно все. Тяжело, конечно, так поздно рожать, но врачи

хорошие попались, повезло. Родила нормально, ребенок здоров. Я заволновалась было, что ты не приходишь, но меня в первый же день ваш директор навестил, сказал тебя в командировку услали. Не поверила, конечно. Врать он не умеет. Но раз пришел, значит, не можешь ты меня навещать из-за своей работы. Когда выписывали, Лихачев машину прислал, только успела в дом зайти, как чекист приперся. Не пойму, чего хотел. Начал вопросы дурацкие какие-то задавать, а в чем дело — не объясняет. В общем, поцапались мы с ним, он сгоряча и проговорился, что ты в больнице под арестом. Навещать запретил, да и куда мне с грудничком. А дальше все, тишина. Пока Иван Алексеевич снова не приехал и не успокоил, что все обошлось. Ты бы, Сем, не чудил больше? Ведь не один теперь. Как тебя угораздило-то?

— Да, случайно. Никуда я не лез, просто так получилось.

— Ну конечно! А мотор чей? Придумал на свою голову, кашу заварил, теперь расхлебать не можешь! Впредь, когда тебе еще чего в голову взбредет, подумай десять раз, прежде чем хвастаться.

— Сама виновата, не захоти ты меня вовремя дома видеть, ничего бы и не было.

— А то, что муж дома не ночует, это, по-твоему, нормально? Или я чего-то запредельного просила? Как хочешь, но теперь чтоб на работе допоздна не сидел! Мне одной тяжело.

— Ладно, не поспоришь. Фиксированный рабочий день и регулярные выходные, хоть трава не расти. Тем более, свою работу я уже сделал, теперь много времени не потребуется. Наверное.

— Вот и ладненько. Нам надо, кстати, Петю окрестить. Крестными кто пойдет? У нас тут все боятся. Может, у себя на работе хороших людей поспрашиваешь?

— Петю? Почему?

— А ты как хотел? Отца твоего Петром звали? Так чего тогда удивляешься? Обычай такой.

— В честь деда, значит. Хорошо, спрошу. Хоть и не представляю пока у кого.

— Сем, мне завтра надо будет... — тут Полина начала перечислять мне все свои жутко срочные дела, и по всему выходило, что мне целый день придется просидеть дома.

— Стоп, — прервал я перечисление бесконечного списка. — Давай так. Полдня я дома, полдня ты.

— Куда собрался?

— Мне в библиотеку нужно обязательно.

— Тоже мне дело! Давай я схожу. Какую книгу взять?

— Нет уж! Мне надо обязательно самому там посидеть и почитать. Нужны материалы для совещания наверху.

— Что только не придумаешь, лишь за ребенком не смотреть! — шутливо подколола меня жена и, смилостивившись, добавила: — Сходишь в свою избу-читальню, не беспокойся. А теперь на-ка, поменяй пеленки и укладывай малыша, у тебя хорошо получается. Песня тоже хороша, раньше не слышала. Чем она там закончилась, а то я задремала?

— Ты уж или спи, или слушай до конца. Я стараюсь не повторяться.

Через двадцать минут вся моя семья дружно посапывала, а я допевал:

Будет добрым год хлебород,

Всякое дурное уйдет.
Пой, злота я рож, пой, кудрявый лен,
Пой о том, как я в Россию влюблен. [\[3\]](#)

Эпизод 4

Уже битый час сижу в библиотеке и перелопачиваю все подряд подшивки газет и журналов, начиная с 1927 года. Ранее нужный мне персонаж точно работал в ЧК, вряд ли о нем тогда писали. А вот потом он должен был перейти на партийно-хозяйственную работу и там неплохо отметиться. Вот только когда? Берия, собачий сын, где ты запропал! Все ж планы рушатся! Ага, нашел, кажется. Четвертое апреля 1930-го «Успехи коллективизации в Грузинской ССР». Ты тут, дружок, на втором плане, но на карандаш возьмем.

Еще три часа поиска и чтения статей и заметок — и у меня набрался их жиденский список. Да, Лаврентий, подводишь ты меня. Ничего-то ты сделать толком еще не успел, но надежды подаешь. Придется тебя как дизель-мотор рекламировать, жаль, нет у тебя очевидных преимуществ ни перед кем. А любая другая кандидатура на задуманное мной дело означает кота в мешке. Риск оказался еще большим, чем я даже мог предполагать.

Да и откуда мне знать, кто такой вообще этот Берия и есть ли он на белом свете. Легенда с газетами никакой критики не выдерживает, нет у меня первоисточников искать на него информацию. Блин, мне бы его досье или, как там у них называется, почитать. Все же пишут анкеты, характеристики. Ага, теплее. Мне нужна Артюхина, она член ЦК, через нее можно какую-нибудь информацию получить, хотя бы по партийной линии.

Еще через два часа, заскочив по пути на завод и забрав у Розы материалы по Грузии, оказавшиеся бесполезными, я добрался до редакции «Работницы» и напросился на прием к Александре Федоровне, которая, к счастью, оказалась на месте.

— Здравствуйте, товарищ Артюхина! У меня к вам как к члену ЦК ВКП(б) дело государственной важности, — начал я без предисловий.

— Здравствуй, товарищ Любимов, — приняла мой официальный тон Артюхина.

— Суть вопроса вот в чем. Вскоре состоится совещание ВСНХ по зилевским дизелям. Я, скажу вам по секрету, буду говорить там о расширении сферы применения этих моторов и перспективах полного перевода наших заводов на выпуск двигателей этой схемы. Это означает, что нужен будет какой-то руководящий орган, который и будет заниматься их внедрением. Проблема в руководителе. Нам нужен человек, способный решать сложные хозяйственные задачи, умеющий работать с людьми, и крайне желательно, чтобы он при этом был чекистом или имел соответствующий опыт. Шила, конечно, в мешке не утаишь, но в наших интересах, чтобы за рубежом работы по таким моторам начались как можно позже. То есть нужен директор, комиссар и контрразведчик в одном лице. У вас нет никого на примете?

— Ничего себе, вы, товарищ Любимов, вопросы задаете! Это думать надо, так сразу и не ответишь.

— А что можете про товарища Берия сказать?

— Берия, Берия... Что-то недавно было, я еще в Оргбюро работала. А! Год назад его дело рассматривалось, его подозревали в перегибах в чекистской работе. Комиссию

создавали для проверки, но та ничего не выявила. Из органов его, однако, перевели на партийную работу. Больше ничего.

— А личное дело его посмотреть? Я, по сообщениям в газетах, составил о нем сугубо положительное мнение как о талантливом организаторе. Это можно как-то подтвердить или опровергнуть?

Редактор работницы подозрительно на меня посмотрела и ответила:

— А что там особенного в газетах, чтобы такие выводы делать и личные дела коммунистов у членов ЦК запрашивать?

— Ну как же! Вот я список статей, где он упоминается, составил. Нигде худого слова о нем не говорят. А «План реконструкции Тбилиси» чего стоит? Грузия всегда нищая была, а тут такой размах! Это о многом говорит. Ну и интуиция мне подсказывает — нужный он нам человек.

— Значит так. Все что ты, Семен, по делу говорил, не вдаваясь в теории, оказалось верным. Поэтому я тебе помогу. Но личного дела, само собой, не видать тебе как своих ушей. Не дорос. Я сама все посмотрю и составлю характеристику. Если твоя интуиция тебя не подвела, то на совещании поддержу. Что смотришь? Да, я буду там. Ваш женский участок забыл?

— А хоть на словах можете мне сказать про Берию? Мне ж его выдвигать!

— Давай так сделаем. Я пока все документы посмотрю, потом к вам на завод наведаюсь, там все окончательно и обговорим. Заодно, может, другие кандидатуры подберу. Но учти, в любом случае, этот вопрос не нам двоим решать.

— Вот спасибо, Александра Федоровна! Вы настоящий товарищ! И еще вам спасибо что я не стал саботажником и вражеским агентом, пытавшимся известить руководство партии.

— Не за что, тем более дело там выеденного яйца не стоило. Но времени разобраться потребовало.

Мы тепло распрощались, и я отправился домой, пред гневные очи жены, встретившей меня банальным вопросом:

— И где тебя целый день носило?

Эпизод 5

Высоко залетел, нечего сказать. Две недели на взводе — и вот я в Кремле. Не торопятся местные жители моторный вопрос решать. Хотя что я знаю? Может, они собирались сюда со всех концов необъятной вперед собственного визга. Как бы то ни было, но временная задержка пошла только на пользу. Успели по крайней мере установить немецкое оборудование на бабский участок и даже попробовали делать ТНВД и форсунки. Первый блин комом, как бы женщины не старались, переплюнуть бывшего ювелира им трудно, но лиха беда начало, со временем все получится.

Заодно и по персоналиям более-менее разобрались, вернее, удалось убедить Артюхину остановиться на Берии. Она мне многих «достойных» называла, но вот беда, мне их фамилии ничего не говорили. Надо было лучше историю учить, хотя где ее под таким микроскопом рассматривают, чтобы все таланты из захолустья были видны?

Вылезла мне эта история с подбором кадров и другим боком. Александра Федоровна сначала издала, а потом все более и более настойчиво стала интересоваться, не имеется ли

среди моих родственников Исидора Евстигнеевича. Пришлось ответить, что кроме отца никого не знаю. На мой прямой вопрос она, помявшись, ответила, что я сильно напоминаю внешне старого большевика, товарища Любимова И. Е., торгпреда в Германии. По моему мнению, я сейчас, после того, как меня отрихтовало, на выздоравливающего Крюгера был похож больше всего. Мне сейчас только Санта-Барбары и индийских сюжетов, с поисками родинок на заднице, не хватало. Как бы то ни было, но доверие Александры Федоровны к моим словам возросло, и на ее горячую поддержку можно было рассчитывать.

К тому же за нас теперь наглядная агитация. Дюжина машин ЗИЛ-5, пока еще опытной сборки, с 122-миллиметровыми гаубицами в кузовах, участвовали в параде 7 ноября. Я сам этого зрелища не видел, жена посадила меня после истории с библиотекой под домашний арест на все выходные и праздники, но люди рассказывали. Впечатлений было море, я же вздохнул с облегчением от того, что ни один грузовик на параде не сломался.

На этом, в общем то, все наши бонусы и заканчиваются. Я, конечно, совсем не разбираюсь в местной политической кухне, но на объединенное заседание Всесоюзного объединения авиапромышленности и президиума ВСНХ нас не пригласили. Мы с Лихачевым понятно, автомобилисты, но почему Чаромский вместе с нами скучает в приемной? Он ведь именно авиационным двигателем занимается! Чтобы не терять времени даром, мы втроем еще раз проговорили наши аргументы и потихоньку сползли на обсуждение самих моторов. Тесный контакт в этом плане мы и так поддерживали, но беседа оказалась бесполезной. Чаромский, к примеру, поделился мыслью вовсе отказаться от пальцев внутренних шатунов, что он уже сделал на алюминиевом варианте. Мы с Лихачевым понимающе переглянулись. Действительно, эта деталь в моторе лишняя. Я же, в свою очередь, припомнил известного еще по XXI веку европейского производителя силуминовых поршней, с которыми у Чаромского на настоящий момент наибольшие проблемы. Вроде «Мале» занималась этой тематикой с начала двадцатых годов, только называлась по-другому, имело смысл воспользоваться их опытом, возможно, купив лицензию.

Наконец двери в зал открылись, и оттуда повалил народ. Что-то я не понял, уже все закончилось? А мы как же? Хотя выходящих не узнаю. Значит, далее заседание будет продолжаться в более узком кругу. Это даже хорошо, учитывая обилие парагвайских шпионов, внезапно разоблаченных лет через пять.

— Проходите, товарищи, — дал нам добро секретарь.

Ну что ж, наш выход. Ёперный театр! Хоть бы одно узнаваемое лицо! Это я, конечно, перебрал, Иосифа Виссарионовича трудно не узнать, да Каганович притулился в дальнем углу. Понятно, он здесь на птичьих правах, как московский градоначальник, на чьей территории наш завод находится.

Нас пригласили сесть, и мы кучкой расположились на освободившихся местах.

— С горем пополам с авиадвигателями разобрались, — сказал усатый товарищ, судя по акценту — кавказец. — Теперь на повестке дня автомобильная промышленность.

— Орджоникидзе, — шепнул мне на ухо Лихачев, а я, удивленный услышанным, что никак не ложилось в мой план, не сдержавшись, выпалил:

— Как разобрались? А наш мотор?

— Товарищ Любимов так горячо болеет за свое детище, что готов ставить его даже на самолеты, — усмехнулся в усы Сталин, и было совершенно непонятно, осуждает ли он мое поведение или одобряет.

— Смех смехом, товарищи, но наш автомобильный мотор, не оптимизированный для

авиации, уже сейчас обладает выдающимися удельными характеристиками, — Лихачев больно наступил мне на ногу под столом, но я, задетый за живое, не успокаивался. — Двигатель автомобиля ЗИЛ-5 весит около двухсот килограммов всего, при мощности 125 лошадиных сил. Если даже этот мотор приспособить для авиации, отказавшись от жидкостного охлаждения, то его вес будет примерно равен весу двигателя М-11. Это открывает возможности применения его на учебных самолетах, экономя народному хозяйству дорогой авиабензин.

— Вы, товарищ Любимов, хотя бы грузовики научитесь серийно выпускать, — сделал мне замечание Орджоникидзе, но тут уже не утерпел Лихачев и, встав с места, горячо высказался:

— Завод ЗИЛ может выпускать «пятерки» серийно и будет это делать! Машина в серии уже осваивается, пройдет немного времени — и наши грузовики пойдут с конвейера потоком!

Я, признаться, после этих слов нешуточно напрягся, уж очень оптимистичной была оценка директора.

— Сколько вам нужно на это времени, товарищ Лихачев? — вопрос Сталина звучал предельно серьезно.

— Год, — я с облегчением выдохнул, услышав ответ директора. За год и медведя можно на велосипеде научить кататься.

— Мы не можем дать вам столько времени. Полгода максимум. Весной тридцать первого года завод должен работать на полную мощность.

Лихачев вопросительно посмотрел на меня, я в ответ пожал плечами, делать все равно нечего, придется уложиться.

— Товарищи, мы запустим серию ЗИЛ-5 за полгода, — это звучало из уст директора, как «мы принимаем бой!» из уст Акелы из небезызвестного мультфильма.

— Вот это уже гораздо лучше! — Орджоникидзе улыбнулся в усы. — Надеемся на первомайском параде видеть уже серийные ваши машины.

Вот и сроки объявлены, до 1 мая завод должен работать на полную мощность. Прощай отпуск и выходные, Поля меня убьет. Пришибленный этой мыслью, я совсем растерял запал, потерял нить беседы и на сыплющиеся со всех сторон вопросы по моторам, отвечал рассеянно, причем часто вопросом на вопрос.

— Можно ваш мотор на трактор установить?

— На какой?

— Не надо уходить от ответа. Мы с вами тут не в бирюльки играем, — вождь произнес это абсолютно ровно, — и лаптем щи не хлебаем. Нам известно, что тракторным моторам нужен высокий крутящий момент. Ваш двигатель может обеспечить необходимый момент? Должны ли мы дать задание конструкторам проектировать под него трактор?

— Полагаю, да, товарищ Сталин! Но следует иметь в виду, что мотор быстроходный, поэтому на тракторах, работающих в тяговых режимах, его ресурс может быть меньше, чем у обычных дизелей.

— Насколько?

— Я не могу прямо сейчас на этот вопрос ответить, нужны испытания. Но в любом случае альтернативных моторов сравнимой мощности у нас нет, следовательно, и другого пути, кроме как использовать Д-100-2 и Д-100-4, тоже нет. А для промышленных тракторов нужны еще более мощные моторы, которые мы можем делать по этой схеме, но в другой

размерности. А моторов традиционных, с требующейся мощностью и приемлемыми массой и габаритами, нет нигде в мире. И даже если они появятся, наш мотор будет проще и дешевле.

— Хорошо, нам ясна ваша позиция.

С самолетами меня выручил Чаромский, рассказав про авиационные перспективы и обрисовав имеющиеся трудности. Про корабельные дизели рассказывал я сам, упирая на то, что мы пока не можем производить достаточное количество ТНВД для многоцилиндровых вариантов моторов, но корабли относительно немногочисленны, поэтому необходимую топливную аппаратуру пока допустимо закупать за рубежом. Как пример привел проект стального 18-цилиндрового звездообразного силового блока, умещающегося в габарит 2 метра и имеющего мощность от 4500 до 6500 лошадиных сил, в зависимости от степени форсирования.

— Вы действительно можете сделать такой дизель? — вопрос Сталина вернул меня к реальности.

— Да, и мощность можно еще увеличить до 8–12 тысяч лошадиных сил, применив силуминовые детали, которыми занимается товарищ Чаромский на авиамоторах. Но не сразу и не на нашем заводе, — помолчав, я продолжил и перешел к главному вопросу, который хотел решить сегодня. — Товарищи, как вы поняли из наших пояснений, мы имеем не просто мотор, пусть и хороший, но схему, принцип, по которому можно создавать двигатели с выдающимися характеристиками. Пусть иностранцы опережают нас в конструкциях традиционных двигателей, их деталей, в материалах и покрытиях. Все это мы с лихвой можем окупить за счет применения предложенной нами схемы. Поэтому считаю правильным постепенный перевод всего советского моторостроения на выпуск двигателей, аналогичных Д-100-2. Это позволит нам занять лидирующие позиции в мировом моторостроении. Раньше мы заботились, как бы догнать в этой области капиталистов, теперь наоборот, надо озаботиться, чтобы они нас не догнали.

Я сделал длинную паузу, попил водички, вспоминая домашние заготовки, и польстил партийцам сравнением:

— Понимаете, это как социализм, у капиталистов и фабрики и заводы и деньги и колонии, а темпы роста у нас все равно больше, и рано или поздно мы их обгоним. Вот примерно такая ситуация и с моторами получается, как их не совершенствуй, а КПД, у нашего все равно больше, следовательно, и все остальные показатели. Пока за рубежом не «распробуют» нашу схему. Поэтому предлагаю создать всесоюзную структуру, занимающуюся внедрением моторов в комплексе, начиная от производства топлива, через КБ, заводы-изготовители, исследовательские институты и заканчивая контрразведкой. И, по совету присутствующей здесь товарища Артюхиной, хотел бы предложить на должность руководителя этой структуры товарища Берия...

— Как вы сказали? Берия? — вопрос Сталина застал меня врасплох, оборвав на полуслове.

— Точно, Берия, — ответил я, сильно волнуясь, отчего еще не восстановившаяся дикция стала хуже.

— А почему?

— Товарищ Берия чекист и хорошо проявил себя в Закавказье, он работал на Бакинских нефтепромыслах и знает это дело не понаслышке, он способен решать сложные задачи минимальными средствами, судя по последнему году работы в Грузии на хозяйственных

должностях.

— И все?

— Все.

— Вы, товарищ Любимов, хорошо разбираетесь в моторах, пусть так и будет. Ваши предложения мы с товарищами обсудим.

— Товарищ Сталин! Мы уже приняли решение на покупку лицензий на авиамоторы за рубежом, под это спланированы средства. К тому же, как коммунист, я категорически против того, чтобы складывать яйца в одну корзину, ставя себя в зависимость от моторов товарища Любимова.

— Предгосплана Куйбышев, — опять шепнул Лихачев.

— Вот это мы и обсудим в составе президиума ВСНХ... — Орджоникидзе повернулся к нам. — Товарищи, вы можете быть свободны.

Мы встали и с тихой грустью направились к двери.

— Товарищ Любимов, подождите меня, пожалуйста, в приемной, — догнала меня просьба-приказ Сталина.

Еще три часа ожидания в приемной стоили мне немалого количества навсегда потерянных нейронов. Я, сидя в одиночестве, прокручивал разговор и так и этак, пытаюсь задним числом найти удачные ходы, но, увы, было уже поздно. Наконец дверь открылась и вышел Иосиф Виссарионович в гордом одиночестве и, кивнув мне, мол, следуй за мной, направился на улицу. Не доходя до машины, он жестом остановил охрану и, отойдя чуть в сторону, тихо, с паузами, спросил.

— Товарищ Любимов... Вам фамилия... Штирлиц, ничего не напоминает?

Ха! Нашел чего спросить! Конечно, нет! Наоборот, я ее прекрасно знаю!

— Нет, товарищ Сталин. Не напоминает.

— А с моторами, вы случайно нам не сказки рассказываете?

— Нет, товарищ Сталин.

Вождь долго и внимательно посмотрел на меня и протянул руку для прощания. М-да, хорошо, что я внутренне к этому разговору подготовился, правильно истолковав уточнение на заседании. Не знаю, что уж он там обо мне подумал, но я лично эмоциональной разницы в двух своих ответах не заметил. Будут проверять? Да и черт с вами! Пусть запрос пошлют по адресу: Подкаменная Тунгуска, двадцать второй левый приток, неделю по руслу, потом от трехголовой сопки четыре дня строго на восток. Состарятся раньше, чем ответ получают. У меня более близкие и реальные проблемы есть — серия «пятерок» за полгода. Да еще после моих авансов задач понаставят.

Эпизод 1

— Давай осторожно, взяли! — мы с Миловым приподняли тяжеленный деревянный ящик и подтащили его к самому краю грузовой платформы «Трансфакатора», где нас с земли страховал водитель.

— Тяжеленный, зараза, — выдохнул Петр и выпрямился.

— За языком следи! — одернул я будущего крестного. — Давай вниз, снимать будем.

Мы спрыгнули на землю и сдернули ящик из кузова, остановив его падение у самой земли.

— Ох! — донеслось изнутри. — Тише вы, ироды! Смертушки моей хотите!

— Помалкивай, отче! — шикнул я негромко, и успокаивающе добавил: — Немного совсем осталось.

Женщины ждали нас уже дома, основательно подготовившись. Когда я вошел в комнату, Маша возилась с малышом, а Полина шагнула мне на встречу с вопросами.

— Привезли? Никто не видел? А где он?

— Да не тараторь! Все в порядке, сейчас, только клещи с молотком возьму и сразу получите своего попа.

— Вы что, его еще и гвоздями в ящике забили? — жена, посвященная в план доставки священника, удивленно приподняла брови.

— Ага, чтоб не сбежал с перепугу. Слышала бы ты, какие он нам вдохновенные проповеди о христианском милосердии по дороге читал, пока не успокоили. Он уж думал, что злобные коммунисты его в ловушку заманили и убить собираются.

— Зачем так издеваться? Лицо духовное все же. Долг свой пастырский исполнить стремится.

— Это лицо могло бы и само ради долга потихоньку ночью прийти, однако побоялось. Отсюда и все его неудобства. Сам виноват.

— Ладно, иди уже, освобождай страдальца.

Тяжело вздохнув и задав себе риторический вопрос: «Зачем оно мне надо?», отправился освободить с таким трудом убежденного и доставленного священнослужителя. Знали бы вы, чего мне это стоило! Батюшка сперва наотрез отказался войти в наше положение и крестить на дому. Еще бы! Если всплывет, то он виноватым в совращении кандидата ВКП(б) окажется. А вот если бы мы честь по чести сами в храм пришли — его дело сторона. Хотя эту проблему я решил большей частью деньгами, уговоры шли «прицепом» в процессе «торгов». А вот с комсомольцами дело обстояло совершенно иначе.

Перебирая в голове кандидатов в крестные, я неожиданно пришел к выводу, что они должны быть из самых правоверных партийцев. Расчет был прост как две копейки — эти будут гарантированно молчать, хотя бы из соображений не навредить самим себе. Вот только где таких лопухов найти? Петя Милов, по гроб жизни обязанный мне тем, что его не исключили из комсомола да еще подняли в бригадиры-ударники, стал первой жертвой моего

коварства. Уговаривать и объяснять необходимость пришлось долго, но, в конце концов, совестливый пролетарий согласился. Всего один разочек. И чтоб больше я его ни о чем подобном не просил.

А в крестные матери я завербовал сохнущую по нему Машу, сыграв на чувствах. Для нее это был шанс как-то сблизиться с Петром. Вот я и подкатил к ней с предложением сделать взаимно доброе дело. В ответ мне незамедлительно было указано, что затея противоречит линии партии. И вообще, религиозные предрассудки не совместимы с кандидатским званием, поэтому она будет незамедлительно сигнализировать в парторганизацию, чтобы этот вопрос был включен в повестку дня ближайшего собрания.

— Хорошо. Подумаешь, сделаешь гадость своему учителю-наставнику, выращившему из балаболки настоящего пролетария. За меня вступиться некому уже будет, как за Петра на том собрании. Ну ты помнишь... И он припомнит. Что плохого в том, что выйдешь замуж за кого попало? Зато за настоящего коммуниста! Будете друг другу «Капитал» по ночам цитировать. В строгом соответствии с правильной политической линией. Красота! А я своей работой и без партии прекрасно могу заниматься. Конечно, если будут мне палки в колеса вставлять разные сознательные комсомолки, как не идущему верным политическим курсом, тогда страна и без наших дизель-моторов остаться может. И будет всем счастье. Хрен с ней, с жизнью, зато коммунистическая теория и линия партии не пострадают.

— Семен Петрович! Ну зачем вам это нужно?! Нет никакого Бога, а религия — опиум для народа, чтобы его эксплуатировать удобно было! Зачем в бутылку лезть?

— А я не народ. Я сознательный пролетариат! И прекрасно сознаю, что соблюдение традиций объединяет ничуть не хуже коммунистической теории. Девиз у нас какой? «Пролетарии всех стран объединяйтесь»? А ты не хочешь ни со мной, ни с Петром объединиться. Нехорошо.

— А ну как узнает кто? Выгонят ведь из комсомола поганой метлой и меня и Петьку!

— Не будешь болтать — не узнают. А лет через десять на это всем уже наплевать будет. Враз все молитвы вспомнят, мужей с фронта ожидая. А в окопах под огнем атеистов и подавно не бывает.

— Преувеличиваешь.

— Нет, возможно найдутся такие, которых не коснется. В сторонке отсидевшиеся или эгоисты законченные. Только стоит ли внимание на таких обращать? А тем более, по ним равняться?

— Кто о чем, а вшивый про баню! «Война будет! Война будет!» — талдычишь одно и то же постоянно. Сами знаем! Пусть только сунутся — враз мировая революция начнется! Нам война эта только на руку.

— Ага, но я реалист и вижу не только свет в конце тоннеля, но и паровоз, идущий навстречу. Враги наши — не дураки, они контридеологию придумать могут. И чтобы победить и просто выжить, нам надо невозможное совершить, не менее. Причем всем вместе, и верующим, и коммунистам-атеистам, и русским, и не русским. Всем. Всему нашему народу. А для этого его нужно сначала объединить. Чтоб тот поп, что крестить будет, за твоего будущего мужа молился в трудный час. Понимаешь?

— Ладно, змей. Считаю — уговорил. Только чтобы никто не знал!

— Это я организую, не беспокойся.

Спустя неделю после этого разговора наша компания тайных заговорщиков, как и полагается в подобных делах, среди ночи, крестила малыша. Небольшая заминка вышла

только со святой водой, которую батюшка принес с собой в водочной бутылке и поставил на стол, занявшись приготовлениями к таинству. Полина же, увидев спиртное в доме не ко времени, убрала ее в «бар» — шкаф средних размеров, где у нас хранилась жидкая валюта. Все бы ничего, если бы там были только непечатые бутылки, но тара была многообразная и нам, мужчинам, под благовидным предлогом, удалось «причаститься», попробовав по маленькой на вкус содержимое трех бутылей, заткнутых самодельными пробками.

В остальном все прошло как по писанному, но для меня — как в тумане. Все-таки ночные бдения после напряженной работы не способствуют адекватному мировосприятию. Боюсь, что большую часть я просто проспал под размеренные речи священника, как боевой конь — стоя и с открытыми глазами. Выпал я из этого состояния только когда кричащего малыша подняли из купели, а новоявленная крестная мать никак не могла его успокоить. Но тут решительно вмешался Петр-старший и, широко улыбнувшись, взял младшего на руки, чего оказалось достаточно, чтобы тот разок сладко зевнул и засопел уже во сне.

Еще часок мы просидели в моем полуподвальчике, чтобы никто ненароком не мог увидеть света в такой поздний час. Все это время, под небольшие дозы «святой воды», батюшка пытался разъяснить морщившимся комсомольцам их новые обязанности. Окончательно убедившись, что его слово осталось без понимания, он только и сказал.

— Иэх, молодежь... Пойду-ка я домой, сами потом все уразумеете...

— Постой, отче, — вмешался я, — а как же конспирация?

— А что конспирация? Это я сюда идти боялся, если заметят, дите без крещения останется, а теперь чего уж... Да и в этот гроб по своей воле ранее времени лезть очень уж не хочется. Дойду потихоньку сам.

Видимо, немного алкоголя изрядно добавили крестителю уверенности, ну что ж, сам так сам, нам меньше мороки.

— Спасибо, отче, ступай с Богом.

Поп слегка завис, видимо, сам хотел сказать что-либо подобное, но не нашелся, только перекрестил всех нас, сидящих за столом, и шагнул в ночь.

— Нам тоже, пожалуй пора, — Милов было поднялся из-за стола.

— Куда вы пойдете? Парохода ночью нет, а вокруг крюк изрядный выходит. У нас останетесь, — сказала Полина как отрезала. — Мы с Семеном наверх пойдём, а вы уж здесь устраивайтесь. А завтра всех машина и заберет.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись.

Эпизод 2

— Нет, так у нас дело не пойдет, — непроизвольно произнес я вслух мысль, которая последнее время приходила мне на ум чаще всего. Повод для такой потери самоконтроля был нешуточный — брак моторов первой партии, выпущенных по серийной технологии, составил ровно 100 процентов. Большинство движков отсеялось еще на этапе холодной обкатки, показав недопустимые, видимые невооруженным глазом, вибрации. А два мотора из шестнадцати, кое-как прошедшие этот этап, запускаться не хотели категорически, не хватало компрессии. Это не считая забракованных еще ранее отдельных деталей.

— Ошибаешься, пойдет дело. О саботаже... О вредительстве... Еще как пойдет! — ответил мне Лихачев, а прочие присутствующие, инженеры и рабочие молчаливо

согласились. — И какого я только тебя слушал! Клепали бы сейчас двойки и забот не знали! И план выполняли бы! А теперь что? Три недели до нового года, план провален и просвета нет!

— Не кипятись, Иван Алексеевич. Нам главное серию до первого мая освоить, время еще есть. А первый блин — он всегда комом. Похоже, поторопились мы и изделие наше недооценили. Как прежние моторы, его делать не получится.

— У тебя, поди, уже и план есть? В смысле, что делать?

— Откуда? Прежде чем что-то решать, надо с задачами определиться, узкие места найти.

— Вот что, умник. Я направляю на моторное производство всех инженеров завода полностью. И мастеров опытного цеха, которые годные опытные двигатели делали, тоже. Три дня вам на определение узких мест. Через три дня совещание. Чтоб представил мне план решения. Иначе — не взыщи...

Директор сказал свое слово — надо выполнять, ибо возражать глупо и бесполезно. Народ, и без того в большинстве своем уже собравшийся на первый пуск серийного мотора, под руководством Важинского посовещался и, разбившись на пары инженер-мастер, разошелся по участкам производства, посмотреть, как идет изделие в серии. Мне же с Евгением Ивановичем достался общий контроль и обобщение результатов.

Три дня в моторном цеху царил сущий бардак, производство лихорадило, частенько слышались крепкие выражения от мастеров опытного цеха в адрес серийных рабочих. Последних частенько сгоняли от станков с намерением показать «как надо» и сильно удивлялись, «как вообще можно». Ибо оказывалось, что даже инструмент не соответствует технологической карте, а рабочий и понятия об этом не имеет. Тихо было только в цеху топливной аппаратуры, там дела шли относительно успешно. Без брака, конечно, тоже не обходилось, но в целом 25 процентов — это немного. Готовые насосы и форсунки проверяли прямо на ранее выпущенных опытных двигателях и количество выпущенной и принятой продукции постепенно росло. Вот только устанавливать ее было пока не на что.

К концу третьего дня контролеры-разведчики собрались подбить итоги. Спорили и ругались до глубокой ночи, народ был на взводе, ибо по всему было понятно, что моторов в этом году нам не видать как собственных ушей. Но, по крайней мере, теперь было с чем идти к руководству завода.

Эпизод 3

— Ну что, готовы? — Лихачев оглядел всех присутствующих инженеров и начальников производств пристальным взглядом. — Докладывайте.

Так как все единогласно поручили это делать мне как главному виновнику, я встал и, прокашлявшись, начал было.

— Товарищ директор, серийное производство моторов нами проинспектировано, и большие недоработки есть практически на всех участках...

— Та-а-ак. Чувствую, разговор долгим будет, садись Любимов.

— ...Недостатки есть везде. Серийное производство на данный момент просто не в состоянии обеспечить выпуск деталей согласно чертежу и эталону. Связано это как с отсутствием необходимой оснастки, в первую очередь измерительных приспособлений, так

и с неоптимальной организацией производства.

— Чего? То есть американский поточный способ тебе уже не подходит? Завод опять перестраивать?!

— Да, вносить изменения в схему производства придется непременно. Объясню почему. Наш дизель чрезвычайно требователен к балансировке подвижных частей, это его слабое место. Сейчас мы просто не в состоянии обеспечить выпуск его деталей с минимальными допусками. Это обусловлено как квалификацией рабочих, так и чисто техническими причинами. В итоге детали получаются разными по размеру и весу настолько, что при работе двигателя, в котором все силы замкнуты на вал, просто разрушат сами себя. Поэтому единственного сборочного потока совершенно недостаточно, необходим участок сортировки деталей и комплектации сбалансированных ЦПГ, которые будут направляться на несколько сборочных участков, подобно тому, как это уже организовано на производстве ГНВД.

— Разделить сборку на несколько потоков? Ты, Любимов, хочешь сказать, что взаимозаменяемости не будет?

— На первых порах именно так. В дальнейшем мы, безусловно, от этого уйдем, но потребуется не менее пяти-семи лет, думаю. При условии строжайшего контроля качества изготовления комплектующих на каждом этапе.

— Да ты в своем уме? Это что, к каждому рабочему контролера приставить? А у него квалификация тоже должна быть? Где ж выгода от твоего мотора? Ты говорил их вдвое больше можно делать по сравнению с прежними! А если половину рабочих поставить присматривать за другой половиной, что у нас получится?

— Думал я и над этим. Не знаю, как и сказать, но есть, наверное, способ обойти это. Но сначала хотел бы других товарищей послушать, что они предложат, потому как мое предложение очень уж спорное.

Лихачев оглядел присутствующих и предложил высказаться. Ответом ему были выжидательные взгляды и гробовое молчание.

— Ну что ж, раз так, говори товарищ Любимов.

— Мне кажется, что оплата труда на нашем заводе неправильная. Вот, скажем, литейщикам платят за вес заготовок и все. В результате последние выходят просто безобразными и при последующей обработке требуют значительных трудозатрат и расхода инструмента. Можно и еще подобные примеры привести, но в целом понятно. Вот я и предлагаю ввести для рабочих материальную ответственность за качество и количество выпускаемой продукции.

— Штрафы как при царе? Так все одно — контролеров не напасешься.

— Да подожди, Иван Алексеевич! Дай сказать. Так вот, чтобы нам от контролеров избавиться, надо сделать так, чтобы рабочие сами друг дружку контролировали. Для этого они должны будут свою работу на каждый следующий этап продавать. И ответственность за качество после продажи будет лежать уже на том, кто купил. То есть, например, токарный участок купил у литейщиков десяток заготовок, обработал их и передал на сборку, а там приняли только две годные, только за них и заплатили. А если сборщики купили у токарей бракованные детали, то за негодный мотор им никто не заплатит. В идеале надо еще, чтобы расходные материалы и инструмент рабочие тоже покупали. Градацию по оплате за точность изготовления тоже ввести, сделал в пределах допусков — одна цена, точно по чертежу — в два раза больше.

— Ну знаешь! Своей смертью ты точно не умрешь. У нас сейчас брак сто процентов по

моторам. Это что выходит — рабочим ничего не заплатят, они еще и должны останутся? Да ты представляешь, что с тобой за такие идеи люди сделают?

— Ну положить какой-нибудь обязательный минимум, только чтоб ноги с голодухи не протянуть, а остальное уж от них самих зависеть будет. Изменить систему оплаты труда именно сейчас удобно — повод есть, производство пока не налажено. И другого выхода решить проблему быстро и с минимальными затратами я не вижу.

Лихачев помолчал и спросил, обращаясь к людям:

— Какие будут мнения?

— А что? Я — за! — сказал с дальнего конца стола единственный среди присутствующих «чистый» пролетарий Евдокимов. — Очень даже правильно! А то как-то странно, у меня и бракодела какого-то — одинаковая зарплата. А тут, я понял, рабочим разницу будут платить между стоимостью заготовки и деталью после обработки. Так это прямая выгода учиться все делать быстро, качественно и экономно. А если в самом начале кто брак будет гнать — так все последующие участки без зарплаты останутся. Сразу видно, кто виноват и у кого как руки заточены. Вправим при необходимости. Тут уж не только материальная выгода получается, но и ответственность перед коллективом.

— М-да... — Лихачев потер подбородок. — Как-то все это сомнительно. Не знаю, что наверху скажут про такую «реформу».

— А что сомневаться? — Евдокимов искренне недоумевал. — Надо провести в моторном цеху партсобрание и там все и решить. А уж если коллектив одобрит, то наверху только согласиться останется.

— Хорошо. Соберем партактив моторного сегодня после окончания рабочего дня на внеочередное собрание, откладывать времени нет. По остальным мероприятиям, я полагаю, то, что озвучил товарищ Любимов, — ваше совместное решение? План готов?

Важинский передал директору картонную папку.

— Здесь проект перестановки оборудования и потребность в оснастке. Предлагаю привлечь к изготовлению необходимых шаблонов и приспособлений также опытный цех, отложив различные эксперименты до лучших времен.

Лихачев, бегло просмотрев документы и озадаченно хмыкнув, подвел итог:

— Что ж, раз решили — выполняйте. А вот сроки придется ужать. Двух месяцев дать вам не могу. Все должно быть готово через три недели, к первому января. Чтобы с нового года уже пошли моторы, а то завод работает «на склад» и готовые шасси скоро некуда ставить будет.

Эпизод 4

Яростная, гомонящая толпа заполнила заводской двор перед правлением. Тут собрались не только рабочие моторного, но и других цехов, возбужденные мгновенно распространившимися по заводу слухами. Если ранее, после принятия на партсобрании решения о новой схеме оплаты труда в моторном цеху, было только глухое недовольство, то теперь, в конце января, когда рабочие моторного вместо зарплаты получили шиш с маслом, оно выплеснулось наружу, растеклось по всей территории, и завод забастовал.

В принципе, подобную ситуацию можно было предвидеть, но все почему-то подумали, что с переменами в оплате переменится и отношение людей к работе. Однако оказалось, что

осознание всей серьезности положения пришло только с первой получкой, начисленной по-новому.

Еще на том, декабрьском партсобрании моторного, решение удалось протащить с превеликим трудом и в основном на эмоциях, отождествляя оппонентов с бракоделами-паразитами, давить авторитетом руководства завода. И то, добро дали, только если проверим новый способ на каком-нибудь уже работающем производстве. Я с легким сердцем согласился на такой шаг и предложил для эксперимента участок топливной аппаратуры, процент брака на котором был приемлем, а продукция — абсолютно новая, как и весь мотор. Как я и ожидал, двухнедельный предновогодний эксперимент там пошел успешно, девчонки были довольны и полны самых радужных надежд, а процент брака еще более снизился. Это стало решающим аргументом для сомневающихся, новую оплату ввели в моторном с первого января. А теперь мы столкнулись с суровой реальностью.

— Зарплату давай плати! — неслось с улицы. — Эй! Кровопийцы!! Выходите ответ держать!!!

Где-то рядом зазвенело разбитое стекло.

— А ну не балуй! Стрелять буду! — это немногочисленная заводская охрана заняла оборону перед входом в правление.

— Ну что, доигрались? — Лихачев смотрел в упор на меня, хотя в кабинете присутствовало все руководство завода. — Пойдем, товарищ Любимов. Коли ты эту кашу заварил, тебе и порядок наводить.

Мы вышли на высокое крыльцо, на котором могло разместиться едва ли пять-шесть человек. Милиция, стоя внизу, отгораживала нас от толпы, а мы возвышались над ней примерно на полкорпуса. Трибуна, конечно, так себе. Главное, на что я по привычке обратил особое внимание — пути к отступлению, если все будет плохо.

— А-а-а-а! Вот они! Требуем вернуть все взад и заплатить нам по прежнему! Или бастовать будем, пока не заплатите!

— Тиха-а-а! Я директор завода Лихачев! Все меня знают?! Спрашиваете, почему в моторном цеху зарплата такая тощая?! Так я вам отвечу! Сколько сработали — столько и получили!

Иэх, Иван Алексеевич, хоть и говорил, что мне ответ держать, но решил на себя удар принять. Ну как же — «балтийские люди, железный народ», своих в беде не бросают. Промелькнувший над толпой предмет заставил меня на рефлексмах дернуть директора за руку, от чего тот, повинувшись неосознанной привычке, заложенной в нас с самого раннего детства, когда мама водила его именно так, наклонился и чуть повернулся в мою сторону. Кусок льда, пролетел мимо головы оратора, а за нашими спинами раздался болезненный крик. Вторую ледышку, отодвинув назад Лихачева, я просто поймал и отправил назад тем же маршрутом, отчего болезненный крик раздался уже в толпе.

— А ну, угомонились все!!! Если у кого кулаки чешутся, так я — Семен Любимов! Это я так придумал зарплату начислять! И абсолютно уверен, что прав! Желаящие доказать обратное — выходи по одному! Инвалидность враз обеспечу!!!

Толпа колыхнулась, задумалась, а я, не давая ей времени принять решение, быстро подвел итог.

— Раз добровольцев нет, значит, будем говорить. Вы недовольны своей получкой? А кто вам ее начислил? Я? Или директор завода? Или, может быть начальник цеха? Нет! Вы сами оцениваете свой труд, покупая заготовки и, после обработки, продавая детали. Все были

согласны с ценой детали или узла на каждом этапе? Бухгалтерия целый месяц без выходных все пересчитывала.

— Так, конечно, расценки в несколько раз подняли, только не сказали, что платить все одно ничего не будут, — раздалось из толпы.

— Раньше вам начисляли стоимость работ по каждой детали. Сейчас стоимость работ получается из разницы между стоимостью детали после обработки и заготовкой. Все правильно? А если деталь ушла в брак, то на заготовку деньги все равно потрачены, правильно? Чего ж вы хотите, если цех за месяц всего дюжину моторов сдал? Вы в убыток работаете! А то, что вы сейчас получили — не зарплата даже, а пособие. Вот когда работать будете, а не брак гнать, тогда получите зарплату.

— Да твой мотор, Любимов, вообще диверсия! Он вообще негодный! Чуть что — сразу брак. К ЗИЛ-2 моторы собирали — горя не знали. А теперь?

— Брехня! — подал голос Евдокимов, протолкавшийся с группой рабочих опытного цеха поближе к крыльцу. — Мы в своем цеху эти моторы делали, они вон — на «пятерках» стоят. Станки у нас те же самые. Значит, и вы можете!

— Все равно! Такая оплата — неправильная! Так ни в жисть не заработать нормально! Хотим, чтоб как раньше платили!

— Вранье все! — звонкий голос Кати Поляковой, мастера участка топливной аппаратуры, раздался у меня из-за спины. — На нашем участке зарплата увеличилась в среднем на треть при новой схеме. И брака меньше стало! Потому что качество возросло. А точная деталь относительно кое-как годной вдвое дороже стоит. Вам-то что мешает нормально работать? Руки кривые? Так приходите к нам на участок — поучим!

— Ах, ты, стерва! А что мы сейчас домой принесем? Детей кормить чем будем?!

— А раньше о чем думали, когда брак гнали?! — Лихачев пришел в себя и решил показать, кто тут главный. — Значит так! Я как директор завода решил! Никакого пересчета зарплат не будет!!! За брак государство платить не будет!!! Карман у него не бездонный — паразитов кормить. Недовольные могут увольняться — нам такие на нашем заводе не нужны!

Толпа зашумела и колыхнулась, а я с досадой тихо сказал:

— Погорячился ты, Иван Алексеевич. Теперь, как сказала Багира, мы можем только драться...

На наше счастье в этот момент распахнулись заводские ворота и на территорию, сигналя, въехали три ЗИЛ-2, забитые милиционерами вооруженными винтовками. Машинь раздвинули толпу и отгородили ее своими корпусами от правления, а сыпанувшие из кузовов бойцы быстро образовали цепь. Из кабины переднего грузовика вышел и поднялся в кузов человек, несмотря на январь месяц, одетый в кожаную куртку.

— Товарищи! Я руководитель нового всесоюзного объединения, которому с сегодняшнего дня подчиняется ваш завод, Берия Лаврентий Павлович. Я в курсе поставленного вами вопроса. Обещаю лично во всем разобраться. А теперь прошу всех разойтись по рабочим местам! Иначе буду вынужден принять все меры для наведения революционного порядка!

Да уж, «революционный порядок» — на мой взгляд, словосочетание немислимое. Тем не менее, люди стали расходиться. А новоявленный руководитель, чуть постояв, спрыгнул с кузова и поднялся на крыльцо.

— Пройдемте внутрь, пожалуйста, там и познакомимся. Москва, а не Тбилиси все-таки.

В кабинете Лихачева Берия предъявил нам решение ВСНХ о создании всесоюзного объединения быстроходных дизелей и своем назначении. Подождав, пока представятся все присутствующие, он попросил всю информацию о причинах забастовки и, подумав, наложил резолюцию «утверждаю» на приказ директора об изменении схемы оплаты труда. И тут же приказал провести среди рабочих разъяснительную работу, чтобы впредь подобного не допускать. Потом посмотрел на меня и задал простой вопрос.

— Товарищ Любимов, это ведь вы предложили такое решение?

— Да я.

— Вам приходилось где-то сталкиваться с подобной практикой?

— Нет.

— А вы не считаете неправильным то, что предъявляете людям требования, которым сами не соответствуете? Вам-то зарплата начисляется по-старому?

— Да, возможно, но я-то пока свои деньги сполна отрабатываю.

— Возможно, но, тем не менее, в целях агитации, вам зарплата отныне, как конструктору, будет начисляться по факту выполненных вами работ, за вычетом затрат на них. То есть по той же схеме, как и в моторном цеху.

Вот те раз! А с другой стороны, такой подход как бы вынуждает меня конструировать и изобретать. Да лучшего прикрытия и не надо! Жрать захочешь — изобретешь чего угодно!

— Согласен!!!

— А я думал — тоже бастовать и отнекиваться будете. Рад, что ошибся. А чему это вы так улыбаетесь?

— А тому, товарищ Берия, что без куска хлеба с маслом не останусь! Только хочу попросить платить за изобретения и усовершенствования не взятую с потолка фиксированную сумму, а процент от стоимости изделия, освоенного промышленностью в серии. Если изобретение только мое. Если в разработке участвовала группа, то группе. О расценках, думаю, договоримся. Средства же, затраченные на разработку, как бы предоставляются мне в кредит и вычитаются из процентного «гонорара». Так, я думаю, будет справедливо.

— Хитер! Миллионером стать хочешь? Думаешь, мотор сделал сам — так теперь тебе с каждого серийного капать будет? Не выйдет! За мотор уже заплачено! Вот новое что сделаешь — тогда да.

— У меня запас дельных мыслей есть, не пропаду.

Эпизод 5

С февраля месяца 1931 года можно было уже сказать, что кризис с серийным производством моторов был преодолен. Конечно, оно пока существенно отставало от плана, и двигатели пока собирались с маркировкой «Э», то есть «эталон», а также второго и третьего сорта, в зависимости от качества комплектующих, из которых были собраны. Этим обстоятельством был весьма смущен директор завода, у которого словосочетание «мотор третьего сорта» не укладывалось в голове. Цена на моторы тоже была установлена разная, хотя все они все равно ставились на шасси.

Тем не менее с каждым днем и производство и качество росло. Трудящиеся на местах за невозможностью спорить с руководством завода, поддержанным Берией, обратили свой взор

на самих себя и ближайшее окружение. Следствием была некоторая текучесть кадров, но замена всегда быстро находилась, чуть ли не из очереди, больно уж заразителен пример участка топливной аппаратуры. В будущее теперь можно было смотреть оптимистично — судя по всему, на плановые показатели завод должен был выйти к маю 1931 года. Что, в общем-то, и требовалось доказать.

Пока наши машины, по решению ВСНХ, пробитому Берией, направлялись на всесоюзные стройки. Точнее — на постройку канала Москва — Волга, и находились там фактически в опытной эксплуатации. И к заводу близко в случае чего, и секреты раньше времени не утекут.

Мое же финансовое положение оказалось под угрозой, ибо инициатива наказуема и теперь мне светил только тот минимум, которого хватит только на хлеб и воду. А семью кормить как-то надо. Поэтому я стал лихорадочно «изобретать» всякую мелочь, которую мог вполне изготовить самостоятельно. И первое, что я выложил на стол перед Берией, — две обычные трубки, из одной торчали две проволочки, а вторая была украшена кольцом и рычагом.

— Ну и что это? — спросил руководитель «всесоюзного объединения» в которое входил пока только один завод и группа Чаромского.

— Минный универсальный взрыватель и универсальный замедлитель-взрыватель ручных гранат. А вот и сами гранаты. — Я выложил на стол литой ребристый корпус, скопированный с французской F-1, и жестяную «банку». Зиловские литейщики с легкостью согласились плеснуть остаток в пару форм, а банка действительно изначально была консервная.

— Это что, для французских гранат взрыватели? А вторая жестяная? — Берия продемонстрировал свою компетенцию в вопросе.

— Натуральных заграничных гранат не видел, но приблизительно их копия. Ориентировались на убойность и удобство применения. А вторая — ее наступательный вариант. Радиус поражения достаточно мал, чтобы можно было применять, не находясь в укрытии.

— Интересно, но все равно — это не наш профиль.

— Вы ранее не ставили мне ограничение проводить работы только по профилю, а эта продукция может выпускаться как побочная. Минный взрыватель может применяться в любых минах — хоть противопехотных осколочных, хоть фугасных. Для первых чугунные корпуса, вот такие. — На столе появился очередной экспонат. — Можно в любой литейке делать. А последние — вовсе деревянные, их можно делать прямо в войсках. Взрыватель для гранат очень простой, дешевый и надежный. Все это можно изготовить и испытать, но необходима взрывчатка и капсули-детонаторы. Нужно выходить на военных.

— Пиши заявку. Но на многое не рассчитывай — вряд ли их будут делать серийно.

Через две недели, на знакомом полигоне стрелковой школы под Солнечногорском, прошли испытания предложенных образцов. Причем мины собирали прямо на месте, мы привезли с собой только корпуса и взрыватели. В результате на вооружение приняли аналоги известных мне гранат Ф-1 и РГ-42 под наименованиями РГО-31 и РГН-31, а также оба образца мин — ПОМЗ и ПМД. Хотя и было решено выпускать пока только запалы гранат для переснаряжения французского «наследства», но важен почин! Отчисления с них, конечно, мне положили копеечные, даже много меньше, но копейка рубль бережет. А учитывая массовость...

Лиха беда начало. В конце марта я порадовал начальство очередными поделками и пакетом чертежей.

— А это что? Опять побочная продукция? — спросил ЛПБ, вертя в руках корпус мины к батальонному миномету, которая была получена тем же способом, что и гранаты.

— Не совсем. Оно, конечно, нам не по профилю, но минометов на вооружении нашей армии, считай, вовсе нет. Так что — это вопрос насущный, под него и завод выделить не грех.

— Минометов? Каких?

— Здесь проекты и обоснования батальонного, горного и полкового минометов. Если вкратце, то первый, 82-миллиметровый, разбирается на три части, пригодные для переноски в людских выюках. Второй, 107-миллиметровый, то же самое, но выюки уже конские. А третий, 120-миллиметровый, имеет максимальный калибр и длину ствола, еще позволяющую скомпоновать его по схеме мнимого треугольника и заряжать с дула. Более мощные минометы для стрельбы оперенными минами надо делать уже казнозарядными. Используемая схема обеспечивает наибольшую скорострельность, удобство и точность из всех известных. Но есть проблема — железо-то мы сами сделаем, а вот метательные заряды мин — уже не по нашей части.

Берия внимательно на меня посмотрел, а я подумал, что, пожалуй, переборщил. Наверное, стоило только один батальонный миномет предложить для начала, тем более что он уже известен. Но тогда бы меня могли обвинить в том, что я пытаюсь присвоить чужие разработки, а вот 107- и 120-миллиметровые минометы — это уже только мое. Да простит меня Шавырин! Конструкция всех трех в основном подобна и отличия незначительные, разница только в размерах. Единственное над чем пришлось всерьез подумать, — это опорная плита. В конце концов, хорошо все посчитав и посоветовавшись с Миловым, мы со «студентами» остановились на штампо-сварной конструкции, своей для каждого образца. Благо соответствующим оборудованием для штамповки кузовов автомобилей ЗИЛ располагал.

— Значит так, крохобор. Это хорошо, что ты об армии думаешь. Разрешаю эти самые минометы и мины изготовить. Но потом мы передадим их с чертежами и обоснованиями в ВОАО, пусть там ими занимаются. А ты, товарищ Любимов, будь любезен, займись своим прямым делом — моторами. У вас что, все уже налажено? Помнится, ты хотел их везде, от тракторов до самолетов ставить. ВОБД для этого специально организовали. И где твои моторы? Что ты мне разную ерунду вместо них подсовываешь? Хочешь безделушки выдумывать — все в свободное от работы время! Из Ленинграда пришло письмо — просят зилковский мотор для нового танка. Вот ты мне скажи, подойдет для танка наш мотор?

— А что за танк, товарищ Берия? Они разные бывают.

— Т-2-6. То есть танк двухбашенный шеститонный.

— Ну раз шеститонный, — протянул я, припоминая, какой движок стоял на «двадцатьшестом» в оригинале — то должен подойти. Удельная мощность 20 лошадиных сил на тонну получается — очень хорошо. Самому разрешите съездить, посмотреть на месте?

— Нет, сам не поедешь, тебе еще на первой с Лихачевым перед ВСНХ отчитываться. Подбери толкового из твоих студентов, доложишь. Потом, Ярославский завод тоже просит двигатель. Туда поедет уже группа, потому что коробка передач и некоторые узлы пойдут в комплекте, направишь человека от себя. Ярославцы на восьмитонник нацелились, это

хорошо, растем. И третье. У Чаромского с его силуминовым вариантом пока не ладится, а для авиации дизель ты обещал. При этом говорил, что уже существующие варианты подходят. Нельзя ли вам вместе авиадвигатель на базе зиловского сделать?

— Эх, будем посмотреть. Можем в принципе 125-сильный мотор-воздушник на 170–180 кило получить. Высотности не обещаю — это к Чаромскому.

— Работайте.

Эпизод 6

Погожие майские деньки 1931 года манили ярким солнечным светом и свежей зеленью только распустившейся листвы, а я болел, пропустив все на свете, и парад, и заседание ВСНХ, где отдуваться пришлось Берии с Лихачевым. Или, скорее, принимать поздравления, «пятерку»-то в серии освоить удалось, а отставание от плана, если и было, то незначительное. Машины, конечно, пока были «сырыми», и потребуются еще много времени и сил, чтобы постепенно довести их до ума, выявляя в процессе эксплуатации недостатки, но конвейер завода работал ритмично, ежедневно сдавая народному хозяйству новые автомобили. ВОБД, прежде бывшее скорее номинальной структурой, постепенно разрасталось и стало включать в себя дополнительные подразделения, кроме нашего завода. В первую очередь — автоколонну «опытной эксплуатации» при Дмитровских лагерях. В перспективе, если у «студентов» все получится, подтянутся моторное производство в Ленинграде и Ярославский завод. Для последнего дизели будем делать мы, но все остальные узлы будут изготавливать на месте. С конца апреля у нас наконец дошли руки до двухблочного движка мощностью 250 лошадиных сил, который тоже уйдет в Ярославль. Пока это только наработки, но, учитывая, что мы пошли простым путем, «удвоив» мотор ЗИЛ-5 и поставив последовательно два стандартных ТНВД для каждого блока отдельно (повернутыми на 90 градусов относительно друг друга эксцентриками, завершить разработку должны быстро. Потребуется только новый компрессор и стартер.

Простудился же я, первый раз полетав в этом мире на самолете, которым оказался старичок ПО-2. Впрочем, пока он вовсе не был «старичком» и назывался У-2. Наш первый авиадвигатель подходил для него как нельзя лучше, пусть и был слегка тяжелее М-11. Основная заслуга в его создании, безусловно, принадлежит Чаромскому, который вот уже год бился над силуминовым вариантом турбодизеля воздушного охлаждения. Его вариант был практически готов, за исключением поршневой группы. Дело в том, что поршни из легкого сплава со стальными вставками и накладками, да еще овальной и бочкообразной в сечениях формы, несмотря на все усилия, были пока не под силу советской промышленности. Шли переговоры и в Европе и Америке по поводу приобретения лицензий и оборудования для их производства. Вот поэтому и возникла мысль обойтись на первых порах «полумерой» и применить в авиадизеле Чаромского, с небольшими изменениями, чугунную поршневую группу Д-100-2. Для этого пришлось модифицировать внешние поршни, удлинив и усилив цапфы шатунов. Это было сделано для того, чтобы обеспечить нормальное воздушное охлаждение цилиндра, разнеся внешние шатуны в индивидуальных кожухах подальше, освободив место для обрешетки котла. Более тяжелая поршневая группа снизила КПД и, как следствие, мощность и обороты мотора, поэтому пришлось менять передаточные числа редуктора и привода компрессора для получения оптимальных характеристик.

Вся эта работа заняла всего месяц времени, еще неделя потребовалась на то, чтобы погонять мотор на стенде под нагрузкой, убедившись в его надежности. После чего, двигатель смонтировали на самолет и 27 апреля он впервые поднялся в воздух с центрального аэродрома. Так как сам аэроплан к тому времени был достаточно изучен, уже на второй день представилась возможность «покататься», в качестве поощрения, разработчикам и изготовителям мотора, под благовидным предлогом лично убедиться, что все в порядке. Надо ли говорить, что я был вторым в очереди, после Чаромского? При этом все замечания, что я недостаточно тепло одет, решительно отменил — закаленный, мол. В действительности же имела место неосознанная привычка наплеватьски относиться к собственному здоровью, а скорее — неоправданная надежда на медицину XXI века.

— Ну как машина с новым сердцем? — поинтересовался я у пилота еще перед посадкой.

— Вялая. Газ даешь, а обороты вверху растут медленно. Разбег из-за этого длиннее. Но для учебного аэроплана сойдет.

— Издержки земного происхождения. Если топливную аппаратуру настроить на оптимальную работу на высоких оборотах, на режимах средней и большой мощности, то мотор на низких, боюсь, глохнуть будет. Лучше уж слегка увеличенный разбег, чем посадка с остановившимся движком. А иначе вообще не сядешь, пока тянет устойчиво.

— Да уж, для истребителя такой мотор не подойдет.

— Дай срок. Будут винты изменяемого в полете шага — все встанет на свои места. ВИШи даже можно реверсивные делать, чтобы тягу в обратную сторону при нужде давали. А мотор постоянно на оптимальных оборотах будет крутить. Так приемистость поправим.

Прохладный апрельский ветер сделал свое дело, и уже на следующий день я валялся с температурой под сорок. Хорошо хоть, в тщательно скрываемой мной аптечке были лекарства на все случаи жизни, а то не знаю, как выкарабкался бы. Что ни говори — иммунитет у меня, расслабленного эффективностью и доступностью лекарств, — не чета местным. Да и для них воспаление легких чревато летальным исходом.

Нет худа без добра. Так как от лечения в стационаре я отказался наотрез, появилось время побыть в семье, которой недоставало моего внимания. Правда, уже через неделю мне до жути хотелось на работу. С одной стороны, навязчивое внимание жены к «болящему», перемежающееся упреками, что семейный доход стал гораздо меньше. С другой — привык я уже жить в бешеном темпе и сейчас просто физически ощущал, что бездарно теряю время. Время, которого может не хватить.

— Лежишь, симулянт? Здорово! — в избу ввалился Лихачев собственной персоной.

— Тебе не хворать, Алексеевич, хожу уже понемногу.

— Ходит он, ладно, ругать не буду тебя, все у нас вроде хорошо пока. Запустили «пятерку» в серию — как камень с души свалился. А ведь я, откровенно говоря, не верил! Если б не твоя «реформа» с получкой, наверное, и не получилось бы. Как ты там говорил: «Деньги движутся параллельно работе и от руководителей не зависят»? Ну не суть. Наши-то сейчас освоились, теперь инженеров донимают, как лучше и дешевле сделать. Только и следи, чтоб после их инициатив запчасти техзаданию соответствовали!

— Так и должно было быть, теперь каждому выгодно подумать хорошо, что он делает и как. А беспокоишься зря, если погонятся за упрощениями и дешевизной, упуская качество, — суррогатный мотор никто не оплатит, деньги потеряют. Обожгутся — поймут.

— А без этого никак нельзя? План все-таки!

— Мы думали, что и без забастовки можно, а вышло сам знаешь как.

— Что-то мне твое настроение не нравится, фатализм какой-то нездоровый. Ты бы делом каким лучше занялся. А! Вспомнил! Мы ж тебя учиться хотели отправить! А то не хорошо получается — ведущий специалист по дизелям, а без высшего образования. Я твоих студентов тебе после работы пришлю, они тебе помогут. Если что надо, учебники там или еще что — обеспечим. Институт сам выберешь по нашей части. И чтоб поступил!!!

— Так, а работа как же? Учиться-то когда?

— Шутишь? У нас ползавода в вечернюю школу ходит. Продолжать? — не дождавшись ответа, директор крепко пожал мне руку. — Бывай здоров.

Мне осталось только вздохнуть и мысленно распрощаться даже с призрачной надеждой хоть на какое-то свободное время. Почему-то это меня ничуть не огорчило.

Эпизод 1

Всесоюзное объединение быстроходных дизелей под руководством незабвенного Лаврентия Павловича росло и ширилось прямо на глазах. Мне с моих невеликих высот всей картины видно, конечно, не было, но приказ развернуть моторный отдел ЗИЛа в полноценное КБ довели до меня прямо при выходе на работу. Легко сказать — сформировать КБ! Из кого? Со мной работает дюжина молодцов, только в прошлом году выпущенных из вузов. То, что у них в дипломе значится «инженер», еще ни о чем не говорит, по сути — они у меня самоучки, пока практику проходят и набираются опыта. Уж слишком все легко и удачно с первым дизелем пока получается, да и то, без помощи со стороны вряд ли справились бы. Наглядное и дословное подтверждение поговорки «дурракам везет!».

Расширять штат неизбежно придется, опять-таки за счет студентов-выпускников, больше неоткуда. Конечно, искали везде и сманивать пытались, только безуспешно. Инженер — профессия редкая и почетная, большинство жизнью довольны и менять ничего не собираются. С другой стороны — получить по распределению неизвестно кого мне тоже мало улыбалось, поэтому с помощью отдела кадров завода среди выпускников московских технических вузов была проведена «рекламная акция», направленная на поиск, пусть не талантов, но хотя бы добровольцев.

Организационные заботы первого летнего месяца полностью меня поглотили, и ради них пришлось отложить на потом конструкторскую и производственную работу. Наконец солнечным утром, когда весь коллектив КБ был в сборе и разбит по группам, которым я как раз собирался поставить первые практические задачи, у меня на столе зазвонил телефон.

— Любимов у аппарата.

— Петрович? Лихачев говорит, — директор произнес это так, что я даже отшатнулся. Нет, директор не кричал, не ругался, не хвалил меня, наоборот, эти слова он произнес абсолютно спокойно. Даже не так — его голос был мертвецки спокойным, в нем не слышалось самой жизни.

— Зайди ко мне, тут у нас такое...

Надо ли говорить, что я сорвался с места, бросив все, и побежал к нему вперед собственного визга? Секретарь в приемной даже не успел меня ни о чем спросить, как я, тяжело дыша, ворвался в кабинет. Лихачев сидел на своем месте и смотрел прямо перед собой, только спустя секунд десять он медленно перевел взгляд на меня и спросил очевидное:

— Пришел?

— Как видишь! Что случилось-то?

— Звонили из Дмитрова. Наши грузовики встали.

— Как встали?! Не понял!

— Как, как... Не смогли их сегодня утром завести и все.

— Что все? Не может быть!

— Не все, но много. Массовый выход из строя техники налицо.

— Понятно... А в чем причина?

— А вот это я как раз у тебя хотел спросить! — в голосе директора проскочила привычная, «деловая» злость, и я как-то сразу успокоился. Мировую революцию не отменили, а с текущими проблемами как-нибудь справимся, сколь сложны они ни были бы.

— Погоди. Звонили. Что сказали-то конкретно?

— Спросили то же, что и я спрашиваю. Что делать? Но проблема в моторах.

Слава богу, до вопроса «Кто виноват?» пока не додумались, поэтому действовать надо быстро и решительно. В первую очередь — выяснить причину произошедшего. Во вторую — спихнуть с себя вину, если она есть. В третью — оперативно исправить положение. Классика.

— Я со своими выезжаю на место. Прошу выделить необходимый транспорт.

— Дежурку возьми, я распоряжусь. Будут новости — звони, я на месте.

Эпизод 2

До Дмитрова ехали чуть ли не четыре часа, мне еще как руководителю было относительно комфортно в кабине, а вот «студенты» тряслись в кузове. В таком тревожном состоянии спать я не мог, постоянно гонял в голове конструкцию мотора и пытался умозрительно представить, что оказалось в нем «слабым звеном». Убедившись в бесплодности попыток, стал думать на отвлеченные темы, чему способствовали удары кулаками по крыше кабины, когда ЗИЛок потряхивало на ухабах. Да автобус был бы здесь более уместен, но проблему подвески, работающей мягко при любой нагрузке, пока не решить. Пневматика нужна.

При въезде на территорию лагеря нас остановили. Из документов при нас были только заводские пропуска, да записка-предписание директора ЗИЛа. Пока все проверяли, отправляя гонца к ближайшему телефону, подъехал легковой автомобиль-кабриолет, весьма антикварного вида, из которого вышел Берия с сопровождающим. И лагерная охрана, и мы затихли, ожидая, что скажет нам грозное начальство.

— Здравствуйте, товарищи! Прибыли значит... — Берия осмотрел нас оценивающим взглядом. — Представляю вам товарища Меркулова, моего заместителя по линии ОГПУ. В его компетенции все вопросы, связанные с противодействием шпионажу и другой вражеской деятельности. А также саботажу.

Последние слова Лаврентий Павлович выделил особо, отчего присутствующие инженеры глубоко задумались.

— По машинам! Следуйте за мной, — видимо, начальник ВОБД бывал здесь уже не раз.

Лагерная охрана распахнула каркасные, опутанные колючкой ворота, и наша колонна вкатилась на территорию всесоюзной стройки. Проехав всего пятьсот метров, петляя между бараками, мы выкатились на край котлована, где сотни, нет, скорее тысячи человек-муравьев махали лопатами, нагружая тачки, толкали их по мосткам вверх. Кое-где была видна техника — три наших ЗИЛа, сильно просевших под грузом грунта, ревя двигателями и выбрасывая черный выхлоп, поднимались из котлована. Вот уже две недели стояла жара, дождей не было и все вокруг тонуло в клубах пыли, поднимавшейся при каждом взмахе лопаты, при каждом шаге рабочего, при проезде каждой машины.

Увидев такую картину, я начал догадываться, что могло послужить причиной массового выхода техники из строя, но следовало окончательно убедиться. Наш путь лежал дальше, туда, где под временными навесами застыли мертвые грузовики. Пара машин стояла с открытыми капотами, и возле них скучковалась группа в робах, тут же стояли и два чекиста в форме. Здесь мы и остановились.

— Товарищ начальник всесоюзного объединения, группа шоферов-механиков автоколонны Дмитлага занята поиском причин неисправности двигателей. Начальник автоколонны Смирнов! — доложил подскочивший чекист.

— И что, нашли? — Берия был предельно серьезен.

— Копаются, но пока не докладывали.

— А сам-то что видишь?

— Так это... Рано судить еще, надо внимательнее смотреть.

— Понятно, — с усмешкой подвел итог Лаврентий Павлович. — А товарищи инженеры какое мнение имеют?

Обращался он в первую очередь ко мне, поэтому и ответ за мной.

— Инженеры имеют предположение, которое требует уточнения. Разрешите подойти пообщаться с водителями и осмотреть технику?

— Сколько вам времени нужно?

— Час.

— Много.

— Мало. Может возникнуть необходимость разобрать мотор полностью.

— Работайте.

Разговор под конец стал весьма жестким, поэтому наша группа, не теряя даром времени, направилась к машинам. На одной из них двигатель почти уже разобрали, а из моторного отсека другой торчали сразу три задницы, больше туда не помещалось.

— Ну что? — спросил я как бы у всех присутствующих разом.

— Ничего, гражданин начальник, работаем, — отвлекся на меня всего один человек, задумчиво протиравший ветошью вынутый из котла поршень, остальные даже ухом не повели.

— Я — конструктор этого двигателя. Как у людей, работавших на этих машинах, спрашиваю, что с мотором?

Народ оживился и на меня стал посматривать с интересом. Мой собеседник отложил поршень и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— Хороший мотор. Мощный. Вот только сделан непонятно из чего и непонятно чем смазывался. Сдох за месяц.

— Мотор испытан и осенью-зимой показал хороший ресурс. Не надо грешить почем зря. Давайте лучше предметно и по порядку.

— А что по порядку? Масло, вон, слили — грязнее грязи. Фильтр масляный весь загажен. Поршневая ни к черту — изнасилась за месяц так, что компрессии для пуска не хватает. Даже с эфиром не завести.

— А что, с эфиром раньше заводили? И кто же это додумался?

— Моторы еще три дня назад сдавать начали. Если не завести — с тачкой бегать придется, вот впускной коллектор от компрессора отсоединяли, капали эфир, собирали обратно и заводили, но сейчас уже этот номер не проходит. А додуматься — так у нас здесь почти все инженеры бывшие. «Дело промпартии» слышали? Специально в шоферы отбирали

технически грамотных.

— Значит так. Я пока тут посмотрю, что уже разобрано. Вы заканчивайте со второй машиной. А мои — примутся за третью. Если у всех трех будет одно и то же — значит, причину мы нашли. Ибо один раз — случайность, два — совпадение, три — закономерность.

— Так, а причина-то в чем? Как думаете, гражданин конструктор?

— А вы, гражданин заключенный?

— А вы, случайно, не еврей?

— Нет, не угадал. Хочу посмотреть, на что ты годен, гражданин заключенный инженер.

— А давайте на бумажке напишем и потом сравним.

— А давайте.

Я вырвал из блокнота пару листков, один оставил себе, а второй вместе с карандашом отдал зеку. Сравнив через минуту две записки, убедился, что у дураков мысли сходятся. В одной значилось: «Нужен противопыльный барьер в конструкцию», во второй: «Не хватает воздушного фильтра, из-за этого абразивный износ».

— Фамилия?

— Заключенный Селиверстов, гражданин инженер.

— Пока все три машины не посмотрим — молчи.

Эпизод 3

— Как вы могли так провалиться?! А что, еще в моторе не хватает? Может, вы еще что забыли? — Берия был зол неимоверно, ведь все дело находилось под нешуточной угрозой. — Вы хоть понимаете, что от вас множество людей зависят? Да что там! Вся страна! Уже планы на следующую пятилетку составляются в расчете на вас! Ленинградцы так и не смогли сделать путевой мотор для своего танка, будут ставить наш, уже испытания идут, с трудом, правда. Ярославцы готовят шасси под удвоенный мотор — это будет самый мощный грузовик в мире. У-2 будут строить с нашими дизелями вместо М-11. И что теперь? Все зря?!

— Я, товарищ Берия, ошибки признавать могу, а вот оправдываться не умею. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, а получить идеальную технику прямо «с листа» — невозможно. Недостатки все время будут вылезать в процессе эксплуатации, и их надо будет оперативно устранять. Чем и предполагаю заняться. А ЗИЛы, которые пока еще живы, надо вывести из эксплуатации, чтоб совсем не ушатать.

— У вас уже есть план решения?

— В первую очередь, конечно, нужен воздухоочиститель. С «мультициклоном» проблем не будет, возможно, этого хватит на первое время. А непосредственно сам масляно-воздушный фильтр пойдет во вторую очередь, для тонкой очистки. Параллельно будем решать с сепаратором перед топливным фильтром. Соляр, что здесь заправляют, сильно отличается в худшую сторону от того, с каким машины испытывались.

— Сколько вам нужно времени, чтобы снова ввести машины в эксплуатацию?

— Честно сказать — не знаю. Поэтому прошу месяц. Потребуется и еще кое-что, кроме времени.

— И чего же вы хотите, товарищ Любимов? — хитрость с переключением внимания на следующий вопрос удалась, и Лаврентий Павлович, как бы молча, одобрил обозначенный мной временной отрезок. А мог и урезать, в качестве наказания.

— В лагерной автоколонне все шоферы — сплошь инженеры, а это почти три сотни человек. У меня в КБ — вчерашние студенты под руководством самоучки. Я в институт в июле только поступать буду. Предлагаю усилить состав КБ за счет заключенных, использовать их по специальности.

— А не боитесь, что от инженеров-вредителей толку меньше будет, чем проблем?

— А мы их проверим самостоятельной работой, есть от них толк или нет.

— А ты, Всеволод, что думаешь?

— Мысль не новая, есть в нашей структуре уже подобные КБ. Если товарищ Любимов лично будет отвечать за эффективность работы заключенных, мы все организуем. Потребуется время для устройства этого контингента неподалеку от ЗИЛа, заодно и личные дела проверим и определимся, какие люди нужны персонально.

— И еще, товарищ Любимов. Все работы, дизельных двигателей не касающиеся, проводить только при условии благополучного положения с последними. До введения машин в эксплуатацию все побочное запрещаю. Что там у вас? Минометы? Передать всю документацию и наработки в ВОАО, там ими Доровлев занимается.

— Передать-то мы передадим, только сомневаюсь я, что Доровлев даст серийные минометы за год-два. А между тем — оружие простое, чего там с ним возиться — непонятно. Разрешите эти работы просто отложить на время, а потом мы Доровлеву соперниками будем, что ускорит процесс и будет только на пользу.

— Если потребуется — ускорим по-другому. А для вас, товарищ Любимов, это самое «потом» никогда не наступит — работ по двигателям непаханный край, а времени мало. Так что — выполняйте. И подготовьте мне к концу следующего квартала план совершенствования и развития конструкции моторов для расширенного совещания ВОБД, его решения лягут в основу планирования на следующую пятилетку. Госплан мне уже всю плешь проел, а я им толком ничего ответить не могу!

Ну что же, день, полный разочарований, как говорится, пропал не зря. По крайней мере теперь было ясно, в каком направлении в ближайшее время работать. Так как со мной в Дмитров приехал практически весь «старший состав» КБ, задачи я поставил тут же. Сашка Безверхий, стеснительный паренек с длинными ресницами, которым позавидовала бы любая красавица, освободившись на время от темы минометных плит, получил для своего отдела мультициклон. Ибо именно он в «моторном» плане ранее занимался компрессором и газодинамикой в целом, а плиты ему достались, поскольку они, как и компрессор, — штампованные. Воздушно-масляный фильтр тонкой очистки воздуха достался также ему и был самой большой проблемой, так как было не совсем понятно, как его, собственно, делать, требовалось «подсмотреть» современные зарубежные конструкции.

Сепаратором озадачил отдел топливной аппаратуры под руководством еще одного «старика» — Игоря Смирнова. Оба фильтра-предочистителя были конструктивно похожи, схему я нарисовал прямо в дорожной пыли, дело только за конкретными пропорциями и размерами. И материалами, конечно. Похоже, с цельнометаллической кабиной ЗИЛ-5 придется распрощаться, а дефицитный лист пойдет на изготовление этих крайне необходимых приборов.

— Женя, вот скажи мне, за каким хреном тебя в Питер посылали? Чтобы ты мне это письмецо привез? — Я с досадой отложил лист с короткой запиской, в которой, кроме негативных результатов испытаний танка с нашим дизелем, значилось: «Просьба снизить мощность мотора до 90–100 лошадиных сил». — Это как понимать?

— Так, Семен Петрович, я свою задачу выполнил. Мотор в Т-26 работал нормально, — молодой инженер Акимов искренне не понимал причин моего расстройства, — это танк слаб оказался. Трансмиссия в первую очередь. А танкостроители делать новую не хотят.

— Давай-ка подробно всю эту историю с географией.

— Да что рассказывать? На Т-26 воздушник стоял шестицилиндровый изначально. Блок расположен горизонтально, поэтому высота моторного отделения небольшая. Наш мотор тоже невысокий, встал нормально. Первоначально его со стандартным валом стыковали, и располагался он прямо за стенкой боевого отделения. Радиаторы системы охлаждения поставили вертикально вдоль бортов за двигателем, а на вал, со стороны кормы, после ТНВД и привода компрессора, поставили центробежный вентилятор. Все отлично работало. Вот только наш дизель мощнее на четверть и обороты у него больше, поэтому со старой коробкой плохо стыкуется. При трогании с места танк буквально прыгал вперед. В общем — полетела коробка на испытаниях очень быстро, шестерни крошились. Решили поставить перед мотором понижающий редуктор, чтобы обороты были как у «родного», а сам мотор сдвинуть назад, в самую корму. Вентилятор теперь поставили между мотором и редуктором. Получилось лучше, но танк опять испытания не прошел и опять из-за коробки. Этот ящик больше ста лошадиных сил «переварить» не может, а менять его не хотят. Поэтому и просят доработать мотор ограничителем мощности до этого параметра.

— Понятно. Без редуктора — рывки и шестерни к чертям собачьим летят. С редуктором моменты на валах коробки выросли — уже длительная перегрузка. Значит что? — я рассуждал сам с собой, не обращая внимания ни на кого вокруг. — Значит, редуктор ставить надо после коробки, тогда повышенная мощность компенсируется снижением моментов при повышенных оборотах в трансмиссии. В общем так, Женя. Езжай и назад не возвращайся, пока танк испытания не пройдет успешно. Я ответ напишу, но и ты там скажи — пусть уменьшат диаметр ведущей звездочки, а редуктор выкинут. Лишний агрегат, а моторное отделение должно быть максимально компактным. И пусть имеют в виду — мощность мотора, по мере совершенствования, будет увеличиваться.

— Семен Петрович! А может, лучше танковое шасси к нам? Я уже три месяца в командировке, а у меня жена молодая! Здесь быстро мотор установим как надо и отправим назад, пусть учатся.

— «Лень — двигатель прогресса!» Нет, не то. «Лучшее средство от импотенции — пантокрин из собственных рогов!» Вот. В твоем случае самое лучшее — активнее шевелить мозгами. Давно бы дома уже был. И душевно тебя прошу, не ставь личное перед общим, иначе не пойму. Ты лучше у Денисенко учись, такой же лопух, как и ты, а какие сказки ярославцам наплел! «Нечего с недомерком ковыряться — скоро 250-сильный мотор дадим!» Они и уши развесили, и слюни пустили, десятитонное шасси собирают. А находчивый Денисенко дома давно, двойной дизель «допиливает». Все, выполняй.

— Семен Петрович, а пантокрин, это что?

— Я же сказал.

— А импотенция?

— Акимов, едрен батон, ты еще здесь?! МАРШ выполнять!

— А все-таки?

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Ох, уж эти мне студенты со своим любопытством и полным пренебрежением к субординации! А, между тем, народ нашим разговором заинтересовался, и девочки-чертежницы в том числе. Тут уж не только провалом конспирации из-за употребления незнакомых словечек пахнет.

— Это, Акимов, «бессилие», — ответил я, опуская слово «половое». — Понятно?

— «Импотенция буржуазии перед мировой революцией!» — подняв глаза к потолку, смакуя, продекламировал Женя Акимов. — Звучит! Спасибо, товарищ Любимов, мне как раз заводской комитет поручил обращение к ленинградцам-комсомольцам подготовить. Ну я побежал!

— Акимов, зараза, стой!!! — только и успел крикнуть я вслед, однако ответом мне была только громко хлопнувшая дверь.

Эпизод 5

— Иван Алексеевич! Меня зачислили! — весь покрасневшийся от жары и возбуждения я, без доклада, мимо давно смирившегося секретаря, ввалился в кабинет директора завода.

— И что не так? — Лихачев, судя по хитрой и довольной ухмылке, понял, о чем идет речь.

— Так мне даже экзамены сдавать не пришлось! Приперся как дурак, а мне, после того как фамилию назвал, говорят: «Вы уже зачислены». Пытался возражать: «Идите, не мешайте!»

— Вот! Цени мою заботу! Знаю ведь, что хлопот у тебя выше крыши, а таланты твои и так всем известны — нечего на экзамены время терять. Втуз наш, заводской, руководству завода не откажет.

Директор прямо-таки лучился тихим счастьем, впервые в истории завода июльский план по грузовикам был выполнен. А производство двигателей шло даже с опережением, что позволило за месяц заменить вышедшие из строя моторы на сданных в эксплуатацию машинах. Все ЗИЛ-5 теперь в обязательном порядке оборудовались мультициклонами, воздушный фильтр тоже был почти готов и проходил последние ресурсные испытания на «пылесосе» — специально построенном для этого стенде. После доработки свободного места под капотом грузовика совсем не осталось, а сам он украсился длинной трубой, возвышавшейся над кабиной, для забора воздуха в наименее запыленной зоне. Такое решение позволяло к тому же обеспечить прохождение глубоких бродов.

— Все равно, неправильно это как-то.

— Да что ты мне тут заливаешь?! Неправильно? Неправильно конструктора от работы отвлекать. Ты ведь готовился к поступлению? Так я тебе верю, что подготовился. Считаю, я у тебя экзамены и принял. Занятия с пятнадцатого сентября в 18:00. Все. До этого времени будь добр — занимайся своими прямыми обязанностями. Вот ты скажи мне, что у тебя сейчас в работе?

— Если не считать фильтров, то ЗИЛ-Д-100-4 готов практически, задержались из-за компрессора, вернее время потеряли, выбирая между двумя стандартными компрессорами или одним новым. Решили ставить два серийных, у них момент инерции меньше, а то, что

деталей больше в результате, так, при налаженном производстве не критично. Все основные комплектующие, за исключением коленвала и картера, стандартные. С серией проблем не будет. В Ярославль образец отправлен. Это раз. Потом, на «сто второй» установили импортные игольчатые форсунки вместо наших шариковых, мощность возросла на 10 лошадиных сил при сохранении ресурса и расхода топлива. Эти серийно делать пока не сможем. Два.

— Совсем не сможем?

— Это от участка топливной аппаратуры зависит. Сейчас там все налажено и работает ритмично, если эти форсунки осваивать, то старых шариковых лишимся, а новые очень сложны в производстве. Это наше узкое место нужно расширять в цех, а лучше — отдельный завод.

— М-да. Понимаешь, какое дело. УММ РККА затребовало у нас шасси с форсированным мотором для бронирования. Отправить на Ижорский завод надо не позднее первого августа. Вазинский тоже повысить мощность просит — у него ЗИЛ-6 трехосный и полугусеничное шасси «Ситроен-Кегресс» на выходе. Что ты можешь предложить?

— Я могу мощность повысить на стандартном движке, увеличив наддув и подачу топлива, доработки минимальные. Как уже говорил, ресурс будет ниже, а расход выше. Но считаю — глупости это все и баловство. Нужно полноприводное колесное шасси сперва создать, а потом его уже бронировать. По крайней мере дождаться ЗИЛ-6. Эти же поделки на ЗИЛ-5 никакой практической ценности иметь не будут. Броневик, который только по сухим дорогам ходит, или грузовик, у которого резиновые гусеницы или рвутся, или спадают, никому не нужны.

— Прозорливый, да? Надо или не надо — не твоего ума дело. Задача есть — выполняй. Нашим, на «шестерку», отдашь мотор с импортными форсунками, а на шасси броневика поставишь форсированный. Полноприводное шасси все хотят, только сделать никто не может.

Признаюсь, слова директора завода задели меня за живое и заставили сильно задуматься. Насколько я помнил, серийных вездеходов Советский Союз до войны не выпускал, а их значение для армии я себе прекрасно представлял. Выходило, что либо ими не занимались всерьез, либо занимались чем-то другим. В любом случае, в этом вопросе нужно было разобраться и, в крайнем случае, заняться им самому.

Эпизод 6

Всего за один июль месяц 1931 года в Нагатино появилась еще одна улица. Войти туда, правда, мог далеко не каждый — требовался соответствующий пропуск. Шесть длинных серых барakov, поставленных по обеим ее сторонам и обнесенных колючкой, отгородились от мира глухими внешними стенами без окон и производили тягостное впечатление. Для всех этот закрытый мирок был филиалом Дмитлага, поселением строителей Московской гидросистемы, и лишь немногие знали, что там, под надежной охраной, разместилось КБД-ЗИЛ-2. Этот «филиал», в отличие от «первого» КБ двигателей нашего завода, был укомплектован грамотными специалистами, а не бывшими студентами. Более сотни инженеров горели желанием работать по специальности, пусть и в заключении, а не махать лопатой, ворочая мокрую глину в котловане.

Приобретение было для нас исключительно ценным, смущало только то, что специалистов по ДВС были буквально единицы, да и те были производителями и занимались в прошлом моторами зарубежных конструкций, изготовлявшимися в России, а потом в СССР, по лицензиям. Благодаря им, я теперь имел неплохое представление о двигателестроении в СССР, и первое, что я им поручил, — составить обзор-проект перепрофилирования имеющихся производств под наш дизель с максимальным использованием наличных мощностей. Наиболее перспективным в этом плане выглядел снимаемый с производства авиамотор М-5, который строили в Ленинграде на заводе «Большевик» и в Москве на ГАЗ-2. Его размерность 127/178 и отдельные цилиндры в рубашках охлаждения, вильчатые шатуны подходили для наших целей как нельзя лучше, позволяли уже сейчас делать опозиты, при условии сохранения достигнутой литровой мощности, 265 лошадиных сил и «спарки» 530 лошадиных сил. Прикинув габариты мотора, его ширина должна была быть не более 1300–1330 миллиметров, я понял, что он как нельзя лучше подойдет для танков. Обеспечив их, с учетом модернизаций, на многие десятилетия вперед.

С остальными же «заклученными специалистами» была проблема. Они имели знания и опыт в каких угодно областях, только не ДВС. В основном это были специалисты по паровым машинам, турбинам, котлам. Это обстоятельство и вышло нам всем боком, вернее, опять побочной темой.

— Гражданин Любимов, можете уделить мне пару минут? — поймал меня теплым вечером первого августа Селиверстов. Я, на радость жене, теперь хорошо устроился — большую часть дня работал на заводской территории, а под вечер ехал в «двушку», откуда до дома было десять минут ходьбы.

— Валерий Александрович, давай по-человечески, пока нас никто не слышит, — ответил я, оглядываясь по сторонам. — И коротко.

— Дело, значит, вот какое. Вы нам задачу поставили на дизель уменьшенной размерности по образцу «сто второго». Чтоб, значит, реальной разработкой доказать нашу лояльность, состоятельность, а следовательно, полезность в качестве инженеров, а не землекопов.

— Все так, а в чем проблема то? Мотор пересчитать не можете в сторону уменьшения?

— Так там все детальки малюсенькие, мы с такими не сталкивались никогда. По всему выходит — простого масштабирования не получается. Вот, скажем, рабочее колесо компрессора как в таком размере сделать? Из алюминия фрезеровать? Так нам за такую конструкцию срок удвоят.

— Ладно, трудности понятны. Каковы будут предложения?

— Еще в автоколонне, когда шоферами были, в порядке разминки мозгов мы обсуждали между собой конструкцию паровоза, у которого пара поршней в одном цилиндре, как в ЗИЛ-Д-100-2. По всему выходит, что этот локомотив имеет существенные преимущества перед традиционными...

— Погоди, погоди, Саныч. Ты шутишь, что ли? ПАРОВОЗ?

— Ну да, паровоз. А что такого? Обсчитать все и чертежи составить, с учетом максимального использования стандартных комплектующих существующих локомотивов — две-три недели. Месяц на постройку. К первому октября все будет готово. Между прочим, паровозный вопрос сейчас — очень острый, я им еще до «посадки» занимался.

— Мне-то что с того? У нас дизельное КБ! Как я объясню наверну постройку паровоза?

И где его строить? На ЗИЛе? Так там собственного депо нет и в помине.

— В том-то вся соль! Паровая тяга будет использоваться только в начале движения. После разгона, когда сможем обеспечить необходимую компрессию, в центральный объем цилиндра, между поршнями, включается впрыск дизтоплива. А боковые объемы продолжают работать на пару, обеспечивая сжатие. Тема будет называться: «Локомотив с противоположно движущимися поршнями и прямым приводом от шатунов на колесные пары». А то, что он не совсем дизельный, уточнять не надо. Детали паровоза можно частично изготовить на ЗИЛе, частично запросить из запаса Московской железной дороги. Для сборки нужен тупичок где-нибудь в глухом углу на заводских подъездных путях да козловый кран. Обошьем его дощатыми щитами — получится ангар от лишних глаз. А охрана у нас надежная — чужих не пропустит. Вот такой вот план. Через два месяца дадим паровоз, а на мотор и его отработку у нас не меньше полугода уйдет.

— Я подумаю, хотя ты меня и не убедил. «Финт ушами» какой-то получается. Мотор-то все равно делать кому-то надо.

— Так если мы реальную работу покажем, нам дадут возможность с «вольными» из КБ-1 работать. Общась между собой, мы и в курс дела быстрее войдем, и мотор быстрее сделаем, не повторяя уже совершенных до нас ошибок. За те же самые полгода будет и мотор и паровоз. Польза налицо.

— Я должен подумать. Завтра к вечеру будет решение.

Прикинув все «за» и «против», я решил пойти на риск и, несмотря на прямой запрет Берии заниматься побочными разработками, дал «добро» на постройку паровоза. Руководствовался я при этом в первую очередь «государственными» соображениями, представляя себе прекрасно ситуацию, сложившуюся на транспорте в начале индустриализации. Рост промышленности настоятельно требовал увеличения объемов перевозок, а железнодорожники не могли их обеспечить. Сейчас новый мощный паровоз был бы для страны как нельзя кстати. Выигрыш, в случае успеха, мог быть огромным, а победителей, как известно, не судят, поэтому упреков руководства после постройки паровоза я не опасался. С Лихачевым вопрос решился довольно быстро, так как он был целиком поглощен текущим производством автомобилей, а наше КБ, в связи с разработкой моторов, выходящих за его рамки, стало постепенно выделяться в самостоятельную организацию. Так что уже сейчас в вопросах новых разработок мы общались практически на равных, и мне требовалось только уведомить «хозяина» территории о своих планах, не вдаваясь в подробности.

Пока шла чистовая проработка и готовились чертежи локомотива, часть заключенных, которых привозили на ЗИЛ в закрытых фургонах, готовила сборочную площадку. Отметились там и заводские сварщики во главе с Миловым. Козловый кран — целиком их заслуга. Кум, намучившись с проводами, протянутыми в глухой угол, всем мешавшими и постоянно рвавшимися проезжающими грузовиками, настоял на постройке автономного дизель-генератора. По той же самой причине, еще при пооперационном планировании сборки паровоза, возникла необходимость в создании массы дополнительных инструментов и приспособлений, от домкратов, пневматических молотков, дрелей, до угловых и торцевых шлифмашин. Для работы всего этого богатства соответственно потребовался автономный компрессор. В результате получилась практически полноценная мобильная мастерская на шасси ЗИЛ-5. Это ее свойство очень пригодились впоследствии, так как много запчастей мы добывали у железнодорожников путем «каннибализма» списанных паровозов. Попутно

наработали весьма полезные связи с химиками, производителями бакелита, который шел на отрезные круги. На основном производстве новый инструмент «прижился» практически сразу, теперь уже никому не приходило в голову резать металл ножовкой или газом. Прирост производительности был налицо, и заказы на шлифмашины посыпались со всех сторон. В первую очередь — от железнодорожников, видевших их работу воочию.

В результате, к первому октября, всем на удивление, КБ-2 действительно выкатило свой локомотив. И хотя моя роль в его создании была в основном организационная, я радовался как мальчишка, когда этот красавец, шипя паром, вышел из распахнутых ворот ангара. Это вам не дизельные и электрические сараи на колесах конца XX века! Выглядел он немного непривычно, так как паровая машина была расположена посередине котла, над пятью ведущими осями, с которыми ее связывала сложная система рычагов. Сказать, что явление этого чуда произвело фурор — не сказать ничего. Люди буквально стояли и смотрели, открыв рты, а все их попытки подойти ближе, пресекались лагерной охраной. Паровоз, или правильнее — теплопаровоз, прокатившись несколько раз вперед-назад, убрался обратно в «стойло», а мне теперь предстояло докладывать, объяснять и договариваться с железнодорожниками насчет испытаний.

Срочно прибывший на завод Берия, убедившись, что дизелем от новорожденного почти не пахнет, только махнул в сердцах рукой и распорядился передать тему железнодорожникам. Вместе с конструкторской группой. Последнего я никак не ожидал, но пришлось смириться, что КБ-2 «похудело» на полсотни человек, зато остальных можно было отныне загружать работой в полном объеме, они получили разрешение работать совместно с КБ-1, вернее бюро просто слили в одно, что изрядно его укрепило.

Спустя неделю прибывшая паровозная бригада забрала локомотив на Московскую дорогу для испытаний, которые шли весь октябрь месяц. По их итогам наше детище оказалось в целом лучше по сравнению с новейшим паровозом ФД, особенно в плане плавности хода. Но, к сожалению, из-за сложной конструкции машины и выявившейся низкой экономичности, его не приняли в серийное производство, и ОР, названный в честь октябрьской революции, так как был принят в эксплуатацию седьмого ноября, остался в единственном экземпляре.

Нельзя сказать, что этот опыт был бесполезным, так как плотное общение с железнодорожниками позволило более полно осознать требования к локомотивам. Их дальнейшее развитие, при наличном слабом строении пути, требовало увеличения количества ведущих осей, что было возможно только при переходе на тепловозы, дизелями для которых и предстояло заняться.

Эпизод 7

Пока длилась «паровозная» эпопея, КБ-1 тоже не сидело сложа руки. Работа велась как в плане совершенствования существующих моторов, так и создания новых. Выпускаемые заводом двигатели ЗИЛ-Д-100-2 и ЗИЛ-Д-100-4 получили новые внешние поршни, у которых чугунные цапфы шатунов были заменены на стальные. Это было вызвано опытом эксплуатации авиационного варианта АН-100-2 конструкции Чаромского, где были случаи отлома удлиненных цапф, несмотря на усиление. Теперь на юбку поршня надевалось стальное цапфенное кольцо.

Хорошие результаты были получены и при применении нового компрессора с реактивным рабочим колесом, выполненным из алюминия методом горячей штамповки. Агрегат стал меньше по размерам и легче. Вообще-то это была авиационная технология, колеса штамповались на опытном производстве Чаромского в ЦИАМ, по типу, принятому для АН-100-2. Для серийного производства ЗИЛ они были пока недоступны, но являлись хорошим заделом на будущее.

Основным же направлением работ было создание переразмеренных дизелей с диаметром цилиндра 127 миллиметров, как у М-5. Уменьшенный дизель с размерностью 70/105 был отложен до лучших времен, так как если «толстяки» можно было строить на уже работающих заводах, то для «худого» готового производства не было. И, откровенно говоря, я особой срочности в создании моторов 45–65 лошадиных сил не видел, их было достаточно традиционных конструкций. Моим волевым решением была отложена на будущее и разработка мотора с размерностью М-17, то есть с диаметром цилиндра 160 лошадиных сил, так как я помнил, что эти движки будут производиться до середины тридцатых годов.

Опытный дизель ЗИЛ-Д-130-2 к середине октября 1931 года уже был изготовлен в металле и начал проходить испытания. Мотор полностью повторял конструкцию «прародителя», но, благодаря большому количеству «рабочих голов», готовивших расчеты, а также наличию секретного «домашнего трансфактора», которым я пользовался, забирая большой объем вычислений на дом, конструировался и обсчитывался более тщательно и быстро. Это все позволило уменьшить отношение вес/мощность, по сравнению со «сто вторым», на 10 процентов. Факт наводил на мысли, что и «первенец» можно было бы ужать с 200 до 180 килограммов, без ущерба. Попутно выяснился и «предел совершенства» авиационного варианта мотора с воздушным охлаждением. Дело в том, что с ростом размерности охлаждаемая площадь увеличивалась в квадрате, а рабочий объем — в кубе. Рано или поздно должно было случиться так, что каждый цилиндр будет нагреваться в процессе работы больше, чем сможет «переварить» воздушная система отвода тепла. Если для классических бензиновых воздушников предельным был диаметр цилиндра 155–160 миллиметров, то для работающих «за четверых» дизельных двухтактников — 125–130 миллиметров. Сделать мотор с 160 миллиметровым котлом под воздушное охлаждение уже не получится, новый АН-130-2 Чаромского и так уже имел оребрение совершенно неприличного размера. Дальнейшее совершенствование авиационных дизельных двухтактников воздушного охлаждения могло теперь идти только по пути увеличения количества цилиндров. Что и собирался сделать Александр Дмитриевич, однако он решил не идти путем «последовательного» удвоения блоков, как сделали мы на «сто четвертом», а посадил на каждую шейку коленвала не два, а четыре вильчатых шатуна. Теперь мотор внешне напоминал Х-образный, хотя, по сути, все также являлся сдвоенным оппозитом. Сделано это было из тех же соображений наилучшего охлаждения цилиндров набегающим потоком воздуха. Этот двигатель был пока даже не в чертежах, а в эскизе, но использовал максимальное количество уже отработанных на ЗИЛ-Д-130-2 и АН-130-2 решений, поэтому ожидать его следовало максимум через полгода, так как не все было понятно с маслосистемой.

Попутно вылезло неприятное обстоятельство, на которое «автомобилисты» первоначально не обратили внимания, авиамоторы сохраняли мощность только до высоты трех с половиной километров, выше дизели задыхались. Необходим был переход на двух-трехскоростные нагнетатели или надо было ставить нагнетатель «с избытком», отбирая у

мотора мощность у земли, то есть делать его изначально «высотным». К нам это тоже имело непосредственное отношение, получалось, что в горах нашу технику эксплуатировать невозможно. Решением этих проблем предстояло заняться в ближайшем будущем.

Все эти обстоятельства я и отразил в отчете-докладе на имя Берии, составляя который сел, аккурат, первого октября. Хорошо, что вообще об этом вспомнил, а то замотался совсем. Если бы не день рождения сына и куча гостей-соратников, воспользовавшихся удобным поводом расслабиться, да не больная с утра голова, то иметь бы мне бледный вид пред очами Лаврентия Павловича.

— А, деградирующий конструктор товарищ Любимов! Здравствуй, проходи, — встретил меня в своем кабинете третьего числа, когда доклад был готов, руководитель ВОБД. Я был так ошарашен приветствием, что даже забыл поздороваться.

— Почему это деградирующий?

— Ну как же — все от паровозов к дизелям идут, а ты — наоборот, — подколот меня Берия. — Расскажи мне вкратце, что здесь написано.

Вкратце не получилось, спустя полтора часа обстоятельного разговора, в котором мой собеседник вникал в малейшие детали и выспрашивал подробности, я чувствовал себя как выжатый лимон. Особое внимание уделялось вопросам, где и как наши двигатели можно применить. Дело в том, что новый двигатель, имея ширину 1320 миллиметров, идеально подходил для танков, но на классических грузовиках его разместить было проблематично, поэтому я продвигал идею карьерных самосвалов и тяжелых тракторов, а также машин с ломающейся рамой. Но для всего этого, за исключением разве что бульдозеров, требовались дополнительные «комплектующие», например резина больших размеров, которой попросту не было. Для авиации, катеров, тепловозов мотор был слабоват, даже в удвоенном варианте. Получалось, что под его крупносерийный выпуск попросту пока нет машин, нет спроса на наше предложение.

— Вот что, товарищ Любимов, — Берия передал мне папку, — ознакомьтесь.

Открыв ее, я углубился в чтение. В докладе ЦНИДИ за подписью Л. К. Мартенса говорилось: «Двигатель по схеме конструктора тов. Любимова на настоящий момент имеет характеристики, находящиеся на уровне лучших зарубежных быстроходных дизелей и бензиновых моторов для авиации, но не допускает дальнейшего улучшения соотношения вес/мощность, вследствие чрезвычайно теплонапряженного режима работы поршневой группы, что делает невозможным переход на ее изготовление из легких сплавов. Между тем, четырехтактные дизели традиционной конструкции еще не исчерпали всех своих резервов, в том числе, в плане изготовления двигателя из легких сплавов, что обеспечит им превосходство в удельных показателях перед схемой тов. Любимова. Считаю применение схемы тов. Любимова для авиамоторов нецелесообразным». Вот так, считает товарищ, что не получится у Чаромского сделать силуминовый поршень и все! И ведь не скажешь, что именно такие имел 5ТДФ в шестидесятых годах XX века! Профессор, блин! И подтекст понятен — дайте ресурсы нам, нечего их бесполезно на разных вредителей-прожектеров растрачивать. Сделал Любимов автомобильный мотор — вот пусть автомобилями и тракторами занимается, а на нашу поляну не лезет. Похоже, началась грызня, или уже в разгаре, а меня только сейчас носом ткнули. И, похоже, призом в бумажной войне является именно ленинградский «Большевик».

— Ознакомились?

— Да, товарищ Берия...

— И? Что скажете?

— А что сказать? Чем плохи моторы, находящиеся на мировом уровне? Они уже в металле и в серии. Хочет товарищ Мартенс выше головы прыгнуть — пусть пробует и делом доказывает. Что же до алюминиевых сплавов, то их использование в моторах классической схемы даст всего лишь тот же самый мировой уровень. Вот не верится мне, что зарубежные конструкторы обходят эти сплавы вниманием. А в моей схеме они дадут совсем другой эффект. Например, новый оппозит 130/190 Чаромского полностью в силуминовом варианте даст 670 лошадиных сил при вдвое меньшем, чем у классических моторов равной мощности весе. А X-образник — 1350 лошадиных сил соответственно. То есть, в первом случае мы не получаем ничего, а во втором — качественное техническое превосходство нашей боевой авиации над противником. При этом мы всегда имеем страховку в виде чугунных моторов «мирового уровня». В любом случае, исследования не пропадут втуне, их результаты всегда пригодятся в классических конструкциях двигателей. Считаю — Чаромскому мешать не надо, результат он даст.

— Хорошо, учтем ваше мнение. Все равно во исполнение постановления ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1930 года нужно переходить на использование дизелей, а реальной альтернативы вашим моторам пока нет. Работайте. Кстати, на парад седьмого ноября приглашаю вас в составе делегации аппарата ВОБД.

— Спасибо, но я уже со своим КБ транспаранты заготовил, — со скрытым ехидством ответил я. — С ними и пойду, а то как-то не по-товарищески получается.

Эпизод 8

Остаток октября месяца 1931 года, когда аврал с серийными моторами прошел, а работа над опытными вошла в нормальное русло, я решил посвятить тому, что мне прямо запретили. Видя, что мои молодые конструкторы зациклились на одной теме, а это чрезвычайно вредно для мозгов, я собрал всех однажды после работы и сказал:

— Дорогие мои товарищи, вы знаете, что нам прямо запретили заниматься чем-либо кроме моторов. НО! В свободное от работы время мы вольны делать все, что вздумается. Поэтому предлагаю добровольцам оставаться после работы и, вместе со мной закрыть-таки «минометный» вопрос. Хотя бы в отношении минометов калибра 82 миллиметра, который у нас проработан наиболее полно и есть реальная возможность его изготовления на нашем заводе.

Откликнулись, надо сказать, не все, но наш кружок «умелые руки», с помощью сварщиков Милова и рабочих опытного цеха ЗИЛа, а также зеков-«пушкарей», всего за две недели выдал готовый миномет. Причем был он, что ни на есть, мобилизационный. Ствол изготовили из карданного вала ЗИЛ-5, плиту штамповали на оборудовании для изготовления дисков колес, использовали имеющиеся материалы и оборудование по максимуму. Тактико-технические характеристики миномета и мин практически совпадали с теми, которые я помнил наизусть по прошлой жизни. Не была забыта и крайне необходимая вещь — предохранитель от двойного заряжания. Здесь он был стопроцентным изобретением, так как даже острой его необходимости пока не осознали. Тем не менее пользу оценили.

С выстрелами вышла небольшая заморочка — таких необходимых их составляющих, как дополнительные заряды, взрывчатку, взрыватели, взять нам было неоткуда. Поэтому пошли

по пути максимального упрощения и сделали десятиперые мины, под предполагаемые кольцевые допзаряды, дымокуращими, с отверстиями в хвостовой части корпуса, нам ведь нужно было только отметить место падения и все. Вместо взрывателя ввернули макет, а стреляли на убранных колхозных полях на минимальную дистанцию основным зарядом, по сути — охотничьим патроном. Получив неплохие предварительные результаты по рассеиванию, 28 октября показали наше произведение, весом в 57 кило, из трех частей, не более 20 кило каждая, представителям Артуправления РККА. После чего батальонный ствол у нас забрали на испытания, чем они стрелять собрались, для меня осталось загадкой, так как выданный позже ЗИЛу заказ на корпуса мин, по нашему чертежу, пришел только в декабре.

Оценивая свои усилия по укреплению обороноспособности страны за прошедший период, я мог, с натяжкой, поставить себе «троечку». Сделано было хоть и немало, но явно недостаточно, чтобы с уверенностью смотреть в будущее. Меня могло бы успокоить разве что принятие на вооружение какой-нибудь системы, которая обеспечивала бы подавляющее качественное техническое превосходство над любым противником. Но придумать или вспомнить такое я не мог, ничего не приходило в голову. Мысли постоянно упирались в ядерное оружие, но этот вариант был неприемлем. Не столько по морально-этическим причинам, сколько из-за абсолютной технической невозможности его воплощения при имеющихся ресурсах и возможностях. Варианты обычного оружия я перебирал в голове и так и сяк, но они, откровенно говоря, были далеки от совершенства.

Не порадовали новые дизельные двухбашенные Т-26, которые я видел на параде 7 ноября. От тех, что я помнил, они отличались только уменьшенной ведущей звездочкой. Вооружение осталось прежним, чисто пулеметным, в двух башнях. Пулеметы, правда, были другие, системы Любимова — Шпагина, и представляли собой утяжеленный во всех отношениях вариант ручника, который сам практически не отличался от винтовки. Питание их было дисковое, хотя я писал Шпагину о необходимости пересмотра конструкции винтовки при проектировании танкового пулемета, таким образом, чтобы подача патронов шла сверху. И, само собой, из металлической ленты, а не дискового магазина. Может, я и хотел слишком многого от молодого оружейника, но очень уж надеялся получить что-то подобное знакомому ПКМ.

Шпагин же был безмерно рад, хвастаясь в переписке, что самозарядную винтовку образца 1931 года, после всех доработок и испытаний наконец-то приняли на вооружение. Полк 1-й Московской пролетарской дивизии прошел с ними по Красной площади. Но на этом все и закончилось, в производстве оставили только легкий ручной пулемет и его танковый вариант. На винтовки не хватало проката качественной стали для изготовления штампованных деталей, и ее производство отложили до лучших времен.

Чтобы сбить с оружейника благостный настрой и побудить его работать, я разразился еще одним письмом к нему, где в пользу перекомпоновки пулемета приводил еще один довод, а именно, дальнейшее совершенствование конструкции в направлении увеличения калибра. Рассуждал я при этом совсем просто: Шпагин и Дегтярев теперь в контрах из-за винтовки, поэтому вопрос ДШК «подвис». Фактически можно рассчитывать только на несовершенный и нетехнологичный ДК. Это равнозначно тому, что в РККА «крупняков» вообще нет. Надеюсь, мои настойчивые просьбы не останутся без внимания, а в качестве «поощрительного приза» я скопировал тем же путем, что и «Сайгу», Вальтер П-38, изготовив его дерево-металлический макет, и отправил оружейнику вместе с зарисовками и

эскизами. Этот подарок прямо-таки вопил о кустарщине, но именно этот эффект мне и требовался. Может, теперь военные получают так желаемый ими пистолет, который мог бы вести огонь через бойницы бронемашин. Мне же был важен самовзводный УСМ. Таким образом, я практически исчерпал «наследие будущего» в плане стрелкового оружия, ибо штурмгевером не было смысла заниматься, все равно лучше АК для нашей армии ничего не придумать.

Внутри у меня все больше и больше разгоралось беспокойство, так как мне казалось, что я двигаюсь в неправильном направлении. Казалось, с моторами пора завязывать, сделано уже достаточно, теперь надо работать именно в направлении создания техники под эти движки, но заниматься этим мне было прямо запрещено. Выхода из создавшегося положения я не видел. Оставалось только следовать золотому правилу — если не знаешь, что делать, не делай ничего! Поэтому я полностью сосредоточился на учебе в АМИ-ЗИЛ, очень не хотелось провалить первую же сессию и бегать потом сдавать «хвосты». Однако система групповой сдачи зачетов и экзаменов избавила меня от беспокойства, при таком раскладе что-то не сдать было попросту невозможно, чистая формальность.

Глава 15

ГЛАВА ТАНКОВАЯ И КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ

Эпизод 1

Зимние каникулы в институте, планомерная работа в КБ, наложившиеся на понимание своей незначительности в плане решительного изменения ситуации к лучшему «одним махом», заставили меня взять тайм-аут в «гонке на выживание». Нужно было все хорошенько обдумать и спланировать свои шаги, хотя бы понять, в каком направлении двигаться, чтобы добиться решительного результата. Грядущий Новый год как нельзя лучше подходил для смены обстановки и перезагрузки головы. Тем более, оглянувшись назад, я понял, что в этом мире толком ни разу его и не справлял. Ни в 1930 году, ни в 1931-м. Работа забирала все силы, время и помыслы, порой узнавал, что наступил январь месяц спустя пару-тройку дней. Пятидневная «пролетарская» рабочая неделя, не совпадающая со старым календарем, этому только способствовала.

Но теперь-то я хотел наверстать упущенное и отпраздновать по полной программе! Тем более сынишка быстро подрастал, уже всю носился по дому и пока неумело задавал свои детские вопросы. Очень уж хотелось устроить для него настоящую зимнюю сказку, какие были в моем далеком прошлом. Да и сам я заскучал по Деду Морозу со Снегурочке. Осторожно наведя справки, насчет детских праздничных мероприятий, наткнулся на полнейшее непонимание вопроса. Похоже, о «Кремлевской елке» придется забыть и выкручиваться своими силами.

Первым неожиданным препятствием оказалась сама елка. Никаких базаров и в помине не было, люди, когда я их спрашивал, где ее взять, смотрели на меня как на дурачка. Пришлось под надуманным предлогом личного осмотра вышедших из строя самых «старых» моторов ЗИЛ-5 смотаться в Дмитров и, попросив водителя на пять минут притормозить на обратном пути, срубить красавицу в лесу. Жена, когда я заявился домой и вытащил из кузова елку, только озадаченно спросила.

— Это что?

— Как что? Новый год отмечать будем! — отозвался я с радостным воодушевлением.

— Рождество, что ли? Так рано еще... — как-то уныло ответила Полина. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Правильно! Рождество тоже отметим! — не придав значения ее настроению, я гнул свое. — А Новый год, первое января — завтра. Айда наряжать!

Нашлись у Полины в закромах и картонные елочные игрушки, и бумажные гирлянды. Я добавил купленных накануне конфет, а без мандаринов как-нибудь обойдемся, все равно их нигде не достать.

Вторым препятствием оказалось то, что приглашенные в гости крестные категорически отказались переодеваться в соответствии с суевериями. Я просто выпал в осадок, когда мне заявили, что это противоречит линии партии. В общем, посидели, выпили, отчитались о проделанной за год работе, поделились планами на будущее и все. Скучно и неинтересно.

— Маш, а Маш, — позвал я крестную, катающую по избе Петю-младшего, восседающего верхом на эксклюзивном деревянном грузовике, изготовленном заводскими краснодеревщиками по подобию ЗИЛ-6 и подаренном отпрыску на праздник, от чего тот был на седьмом небе от счастья, — ты когда Петра на себе женишь? К концу второй пятилетки?

— Да хоть завтра! — задорно ответила девушка. А потом озабоченно добавила: — Только жить негде. У меня общежитие, у него тоже. Поэтому пока ходит в женихах.

— С начальством переговорить? Так, мол, и так.

— Семен, ты думаешь, мы одни такие? — вмешался Петр-старший. — Народу жить негде даже по одному. О комнате и не мечтают. У меня один сварщик не то что в углу живет — под столом в кухне!

— А знаете что? Давайте-ка вы к нам перебирайтесь! — под воздействием алкоголя душа развернулась во всю ширь. — «Кабинет» я вам свой уступлю, а вместе веселее. Поля, ты как смотришь?

Жене возражать было крайне неудобно и пришлось смириться с ростом населения. Теперь вопрос женитьбы был чисто техническим. Вот и поговорили.

Смирившись с тем, что первый новогодний блин, согласно поговорке, вышел комом, я решил взять реванш и устроить на Рождество настоящий фейерверк. Так как охотничий порох и фотореактивы продавались свободно, а различные металлические порошки для окрашивания пламени можно было добыть на заводе, я принялся за изготовление ракет. Правда к седьмому не успел, да и жена отговорила афишировать старорежимный праздник. Она, было, успокоилась, но четырнадцатого вечером я объявил, что на носу «Старый Новый год», чем изрядно ее озадачил. Поздно вечером я, пообещав устроить сюрприз, вытащил своих в пойму Москвы-реки, к не работающей по зимнему времени пристани. Ракет у меня было всего три, к тому же не испытанных, поэтому я отошел подальше и, воткнув первую на деревянной рейке в снег, поджег фитиль. Ярко-зеленый дымный хвост с шипением взлетел в ясное звездное небо и жажнул там ослепительно-белой вспышкой, разбросав всюду искры. Петя озадаченно посмотрел на меня и спросил:

— А то это?

— Это, сына, ракета! Понравилось?

Ребенок, улыбнувшись, кивнул.

— Сейчас еще запустим!

В домах, как в Нагатино, так и в Кожухово, на другой стороне реки, во многих окнах, между тем, зажегся свет. Пока я ходил туда-сюда и последовательно запускал оставшиеся две ракеты, которые также меня не подвели, на дорожке к пристани показался народ.

— Это что тут у вас творится?! Семен? Ты, что ль? Какого черта ты устроил? — вопросы возмущенных соседей сыпались один за другим.

— Как что? Салют! Понравилось? — я все еще не растерял праздничный настрой и искренне не понимал претензий.

— Какой салют?! Времени знаешь сколько? Всех перебудил среди ночи! Завтра на работу вставать!

Осознав, наконец, что никому, кроме меня и сына, мое огненное шоу не по душе, я оценил создавшееся положение. Вероятность нахватать тумачков от пылающих праведным гневом соседей была, мягко говоря, выше средней. Хорошо было только то, что тропинка узкая, а в снег никому лезть не хочется, можно будет принимать желающих в порядке общей

очереди. Первое время, потом, когда разойдутся, ничем не остановишь — затопчут.

На мое счастье, объявился участковый, весь всклокоченный, выяснил, в чем дело, и, приказав мне явиться к нему с утра, стал успокаивать толпу, уговаривая разойтись по домам. На следующий день мне пришлось пережить неприятный разговор, отчитывали меня как мальчишку. Да, жажнул я своими ракетами так, что мосгорисполком заинтересовался, оттуда действительно просили наказать виновных. Участковый, хороший в принципе мужик, ничего для облегчения моей участи сделать не смог, пришлось ему сообщать в заводскую парторганизацию, где Лихачев лично, как мне показалось с особым удовольствием, влил мне выговор по партийной линии.

Эпизод 2

— Все куешь? — поймал меня в опытном цеху у пневматического молота Лихачев. Пользуясь тем, что мой рабочий график позволял приходить в заводскую столовую чуть раньше установленного обеденного перерыва, я быстренько брал свою порцию и поглощал ее методом заглывания. Сэкономленное на простое в очереди и еде время я пускал на нецелевое использование станочного оборудования, но руководство завода, с пониманием относившееся к моим причудам, смотрело на это сквозь пальцы. Если бы кто другой вздумал ковать ножи пачками, ему бы быстро вправили мозги, на меня же работала моя заслуженная репутация. Народ считал, что я ничего не делаю просто так, а исключительно для пользы общего дела. Этим обстоятельством я и пользовался, исключительно в личных целях, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Чтобы не нервировать супругу после впечатляющих новогодних праздников, я направил свою кипучую энергию в более мирное русло. Относительно. Точнее — я наконец решил отремонтировать меч. Браться за него «с ходу» я не решился, боясь испортить оружие, поэтому-то и экспериментировал с клинками из близкой по свойствам «кольцевой» стали, благо брака хватало. «Первые блины», в соответствии с поговоркой, вышли корявыми, и эти ножи я без сожаления ломал, что избавляло меня от объяснений с милицией, но кое-что стоящее припрятал. Очень уж мне понравился мой вариант «кукри».

Варить кольца я попробовал с самого начала, но соединение получалось очень хрупким. Посоветовавшись с металлургами, смотревшими образцы в заводской лаборатории, решил что имеет место быть избыточное науглероживание шва. Мне подсказали использовать электрод из малоуглеродистой стали. Разумно, но где его взять? Простой выход нашел заинтересовавшийся моей возней, непосредственно связанной с его работой, Милов. Сам бы я, наверное, никогда не додумался зажать в держателе черенок меча и так прямо сваривать с клинком, используя мягкое железо как присадку. Опыт на сломанных ножах, скорее тесаках, прошел успешно, осталось только решить проблему отжига-закалки клинка, чтобы сохранить все его свойства. Поэтому я сейчас и проковывал хвостовик клинка, в месте сварного соединения, возвращая ему заодно исходную форму.

— Хочешь все-таки свой обломок отремонтировать? — не дожидаясь ответа, и гораздо громче, продолжил Лихачев. — Чем ерундой заниматься, лучше бы с человеком поговорил...

— Ерундой? Да ты, Иван Алексеевич, просто всей пользы этой работы не представляешь, — ответил я и остановил молот, сунув заготовку в масло. — Вот, скажем, не умели мы высокоуглеродистую сталь варить, а теперь можем. Вернее способ знаем, но

промышленного оборудования не имеем. Сейчас-то нам вроде и ни к чему, но мало ли, что в жизни может пригодиться. А ведь предки ту сталь просто в горне варили! Меч-то «слоеный»!

— Ну и что? Просто у них индустриализации еще не было! — политически грамотно пошутил директор. — Вот и приходилось им без домен, мартенов, электричества и пара обходиться.

— Домны, мартены... А знаешь, Иван Алексеевич, в Индии в Дели колонна стоит Полторы тысячи лет. Не заржавела. Потому, что железо исключительной чистоты. Так-то.

— Это ты к чему?

— Да так, к слову пришлось. Хотя нам бы металл такого качества не помешал, а то после домен и мартенов в стали много вредных примесей остается, которые всю картину портят. Хоть беги к сталеварам и заставляй их обратно на сыродутные методы переходить. Кстати, можно и на новом техническом уровне это применить. Нагревать руду с углем в тиглях в печах. Долго и муторно, конечно, получается — тигли небольшие должны быть, значит их много, печь во время погрузки выводить, а потом опять раскочегаривать. Зато качественная сталь на выходе получается, а не черт-те что. Так вот, чтобы всего этого избежать, печь должна кольцевой быть и вращающейся. Зона погрузки, зона нагрева, зона выгрузки и все.

— Опять тебя на эксперименты тянет? Или на «Серп и молот» сбежать хочешь?

— Да нет, Алексеич, просто сейчас голова в направлении кузни работает. Обед закончится, пойду к себе движками заниматься, — сказал я как-то устало, а потом театрально добавил: — Честное слово!

— Ладно, о чем бишь я... Вот товарищ Дыренков, познакомься... — Из-за плеча директора шагнул вперед мужчина с волевым лицом и протянул руку.

— Приятно.

— Взаимно.

— Товарищ Дыренков со своим КБ занимается бронированием наших грузовиков на заводе «Можерез», — продолжил директор, вводя меня в курс дела. — Проблема вот в чем...

— Нам нужен двигатель повышенной мощности! — нетерпеливо перебил Лихачева Дыренков и тут же чуть ли не презрительно добавил: — А то ваш серийный задохлик мой броневик не тянет!

— Товарищ директор, товарищ конструктор, я уже говорил ранее и еще раз повторю. Форсированный мотор на броневик мы уже давали. Что там с ним случилось? Выплавилась баббитовая заливка опор коленвала и шатунов? Больше мощность — больше нагрузки и больше оборотов. Так что, до постановки в серию моторов с опорами коленвала на подшипниках и бронзовыми вкладышами на шейках о повышенной мощности можете забыть. Короче говоря — хрен вам по всей морде!

— Да ты! Вредитель! — Дыренков аж весь покраснел, и глаза его, казалось вылезли из орбит. — Да я! Да у меня государственной важности дело! Заказ наркомвоенмора!

— Возьми и поставь «сто тридцать второй» мотор. Или «сто-четвертый». И попутного тебе ветра!

— Издеваешься, контра?!

— Я и в глаз дать могу!

Дыренков решил пустых слов не говорить и перешел к делу, вытянув вперед руки и попытавшись схватить меня за грудки. Нет, дорогой, я в эти игры не играю. Дав дорогу

дураку, помог ему двигаться в выбранном направлении, потянув правой за воротник пальто и слегка подправив траекторию левой рукой. Мгновение спустя дорогой товарищ валялся на полу лицом вниз и пытался вздохнуть, чему мешала его собственная верхняя одежда, обернутая вокруг шеи.

— А ну, СМИРНА-А-А!!! — Лихачев, растерявшийся в начале перепалки и совершенно не ожидавший такого развития событий, наконец среагировал. — Товарищ Любимов! Товарищ Дыренков! РАЗОШЛИСЬ!!!

— Да я заявление о подрыве боеспособности РККА напишу! Не завод, а бардак какой-то! — Дыренкову явно не хватило звиздюлей для понимания непродуктивности подобного подхода.

— Ага, напишешь, когда из больницы выпишут... — встрял молчавший до того Петя Милов, работавший вместе со мной и бывший единственным свидетелем.

— Да что здесь... Да я, с товарищем Лениным...

— ХВАТИТ! Слушайте меня сюда ВСЕ! — Иван Алексеевич, хоть и был ниже все присутствующих ростом, влез между нами и, бешено топорща усы, отчеканил. — Дать броневик для Красной Армии — дело чести нашего завода! Мы ВСЕ должны приложить максимальные усилия, чтобы это задание выполнить! Вопросы есть?!

— Есть! Когда дадите усиленный двигатель? — А мужик-то настырный! — Давайте мы вам фондов добавим за счет программы БА, только обеспечьте мотор!

— Это не вопрос денег! Подшипников в достаточном количестве для наших моторов просто нет! Они все в коробку идут. А втулки можно получить только за счет производства боеприпасов. Или пользуемся теми движками, что есть, или имеем форсированный мотор для БА, за счет объема выпускаемых грузовиков. А заодно за счет патронов для Красной Армии.

— На это мы пойти не можем! — Лихачев явно опасался срыва плана. — Выпуск ЗИЛ-5 и ЗИЛ-6 не может быть снижен!

— Поэтому я и предлагаю взять серийный вдвое более мощный мотор другой конструкции, — подвел я итог.

— Как вы не понимаете! Мы бронируем шасси стандартного ЗИЛ-6! Оно просто не допускает установку двигателя в 250 лошадиных сил по прочности, — Дыренков говорил очевидные вещи и был по своему прав. — Если опираться на такой мощный двигатель, то шасси ЯГ-10 брать надо, а их выпускают очень мало пока и все они нужны в хозяйстве. Выделять это шасси для бронирования мне отказали. Да вы просто уклоняетесь от работы по броневикам на массовом шасси!

Народ, между тем, стал потихоньку возвращаться в цех из столовой и кучковался вокруг нас, заинтересованно прислушиваясь к разговору. Причем люди явно сочувствовали Дыренкову, а не мне с Лихачевым.

— Значит так. Здесь без пол-литра не разберешься. Предлагаю пройти ко мне в КБ и обсудить все предметно, — внес я своевременное предложение. — Важинского по этому вопросу тоже неплохо было бы послушать.

Следующие два часа мы, уже вчетвером, яростно спорили по поводу броневика. Так как Лихачев, при полном моем одобрении, по-прежнему наотрез отказывался делать что-либо в ущерб массовому производству и решать проблему «в лоб», мы засели за обсуждение срочно доставленных чертежей броневика. Этот «пепелац» мне с первого взгляда не понравился, точнее со второго, так как его «прародителя» на шасси ЗИЛ-5 я видел «в

металле», когда его притащили на буксире к нам на завод менять «запоротый» форсированный дизель. Полазив по тому бронированному 9-миллиметровыми листами сараю, увенчанному сразу двумя диагональными башнями БА-27, я весь исплевался, при огромном объеме корпуса внутри было чрезвычайно тесно и неудобно, даже водитель сидел в скрюченном положении, нагнувшись вперед. Шасси ЗИЛ-6 было грузоподъемнее на тонну и длиннее на полтора метра, чем «Бычок», соответственно и новинка Дыренкова стала еще габаритнее и гораздо тяжелее. Обратив внимание присутствующих на то, что размеры машины не оправданы вооружением, я предложил ужать ее по максимуму, чтобы бронированный объем был минимальным. Соответственно масса снизится и мощности серийного двигателя хватит. Дыренков пробовал возражать, очень уж ему не хотелось все переделывать заново, но против нашего численного превосходства не осилил. Для завода такой выход был наименее болезненным, от нас требовалось только обрезать раму по длине и поставить короткий карданный вал. В общем, пришел Николай Иванович за шерстью, а вернулся стриженным.

Когда мы остались наконец вдвоем и я среди «своих» мог говорить откровенно, то попытался протолкнуть мысль использовать-таки на бронеавтомобиле новый «сто тридцать второй» мотор. Проблема его «сбыта» стояла как никогда остро, так как на грузовики его невозможно было установить по ширине, между тем он был гораздо проще и дешевле «сто четвертого». Хотя бы потому, что для него требовался всего один комплект топливной аппаратуры.

Руководство и конструкторский коллектив завода ЗИЛ не были заинтересованы в использовании этого двигателя, так как выпускать его предполагалось в Ленинграде. Мы должны были поставлять туда только ТНВД и форсунки, и то на первых порах. Между тем, опираясь на опыт со «сто вторым» мотором, выпуск которого уже обгонял выпуск шасси ЗИЛ-5-6, которых выходило свыше полусотни в сутки, на 130 процентов и продолжал расти, опережая рост производства грузовиков. Можно было предположить, что потомок останется невостребованным в массе. Им пока интересовались только на «Красном путиловце», предполагая ставить на Т-28 опираясь на удачный опыт Т-26, да судостроители. Причем и те и другие проявляли повышенный интерес именно к «удвоенной» версии. Оригинальный же 130-2 я, через Берию, предлагал установить на БТ, но получил отказ. На эти танки решено было ставить имеющиеся в наличии бензиновые авиадвигатели М-5, после капремонта. Уж и не знаю, что сыграло тут свою роль, соображения экономии или нежелание вносить изменения в конструкцию «Кристи».

— Иван Алексеевич, больно уж не нравится мне этот товарищ Дыренков, — начал я, едва тот ушел. — Хочет на чужом горбу в рай въехать, а думать не любит. Он же мог сразу сделать свою машину полегче, без нашей помощи. Вы видели, как он морду «Быка» бронировал? Прямо по контуру капота и кабины! Даже я вижу, что там один верхний лист должен быть! Нет, прибежал теперь за мотором к своему мастодонту. Не верю я, что он хороший броневик сделает.

— Да уж видел я, насколько он тебе не нравится! То, что вы сразу повздорили — еще не повод отказывать ему в конструкторском таланте. Он, между прочим, на «Можерезе» неплохие мотоброневагоны строит. Будем надеяться, что и с бронеавтомобилем на этот раз справится.

— Про вагоны ничего не знаю, но человека вижу — нахрапом все берет. Нам бы его подстраховать, а? На Дыренкова надейся, а сам не плошай! — сострил я напоследок.

— И что ты, Семен, предлагаешь? — вступил в разговор Важинский. — Дублировать его работу? У нас и так забот невпроворот. Один «Кегресс» чего стоит! А так, шасси с возу — заводу легче. Пусть его на стороне бронируют.

— Шасси отдать — минус грузовик в плане.

— На что намекаешь? Или это шутки у тебя такие? — Лихачев начал сердиться. — Как броневик без шасси делать? А если и будет такой «из ничего», то какова здесь роль нашего завода? Я же сказал, что бронемашина для нас — дело чести.

— Значит, товарищи, слушайте меня сюда. План такой. Дыренкову мы шасси дадим и поможем всемерно — не вопрос. А сами вот как поступим. Мы ведь и движки и коробки для Ярославского завода делаем? Мало — но делаем, а можем больше делать. Тут не мы тормозим — ярославцы. Это у них завод массовости не обеспечивает. Значит что? Возьмем ярославскую коробку, за счет избытка производства. Мотор возьмем 130-2-й, по мощности он ненамного больше 100-4-го, а дешевле значительно. Раму делать не будем вообще — несущий бронекорпус сэкономит вес. В итоге, за отсутствием у нас сборки бронекорпусов, строительство БА отдадут какому-нибудь другому заводу, а мы будем поставлять только агрегаты. А называться будет броневик, как не крути — ЗИЛ. Потому как у нас сконструирован.

— Постой, постой, ярославское шасси использовать нельзя, а его агрегаты можно? А как же мосты? Подвеска? — Важинский на минуту задумался, что-то прикидывая в уме. — Ну ты товарищ Любимов и жук! Иван Алексеевич! Это что ж такое получается? Он сейчас нас сподвигнет броневик делать, а сам только двигатель к нему даст! Который уже готов!

— Семен, а ведь Евгений Иванович прав! — директор, до этого слушавший внимательно, глядя на свои сцепленные на столе руки, поднял глаза. — Как-то не товарищески получается. Думаешь, не видим мы, что ты свой «сто тридцатый» пристроить хочешь? Только что Дыренкова обвинял, а сам туда же. Чужим трудом — в царствие небесное! Так дело не пойдет. И у тебя, и у нас без этого бронеавтомобиля забот хватает. Вот скажи мне, ты когда новую систему запуска в серию поставишь? Нас рекламациями загнали уже! Так что выбирай — или участвуем в этой инициативной разработке на равных, или на Дыренкова целиком полагаемся.

— Что ж, справедливо, Иван Алексеевич. Предлагаю объединить усилия моторного и автомобильного КБ в этой разработке. Я готов взять на себя общую компоновку и бронекорпус, начинал-то сварщиком, мотор — само собой. Евгений Иванович возьмет трансмиссию и подвеску. За руководством завода — материалы. Сразу — 9-миллиметровый лист конструкционной стали на корпус. Ведь у Дыренкова броня — 9 миллиметров? А нам для опытного образца броня не нужна. Предупреждаю сразу — как ни крути, но бронемашина заднемоторная получается, вперед 130-й не впихнешь. Сумеем кулису к коробке через всю базу подвести, а товарищ Важинский?

— Ну и задачи ты задаешь, Семен! Когда неизвестно даже какой та база будет! — Старая хитрость опять принесла свои плоды, присутствующие сосредоточились именно на последнем заданном вопросе.

— Давайте прикинем вчерне... — Я взял карандаш и лист бумаги и принялся рисовать. — Вот смотрите. Вопрос первый — вооружение. Что мы на сегодня имеем? «Гочкис»? Это для тяжелого броневика не годится. Полагаю вооружить его трехдюймовой полковой пушкой образца 1927 года. Ее сравнительно легко можно приспособить для установки в башню — и она в серийном производстве. Бронекорпус у нас будет

двухслойный, с зазором между внешним и внутренним бронелистом, поэтому необходимую жесткость погона обеспечить сможем. Смотрим дальше. В башне не менее трех рабочих мест должно быть — наводчик, командир и заряжающий. Отсюда, чтобы все поместились, диаметр погона не менее полутора метров, для верности — метр семьдесят. Высота боевого отделения, чтобы заряжающий стоя мог работать, — метр семьдесят, а лучше метр восемьдесят. Полметра высоты башня. Итого корпус в районе боевого — метр двадцать-тридцать. Водителю, чтобы удобно сидеть, высоты хватит, а длину его места в полтора метра примем. Далее мотор с коробкой в корме полтора метра займут, если все правильно скомпоновать. Вот вам и корпус — четыре семьдесят. Очень короткий получается, у ЗИЛ-6 только колеса по сорок дюймов, задняя тележка одна — два с лишним метра длины закрывает. Столько же между первой и второй осями остается. Вот так-то.

Пока я все это говорил и рисовал, Важинский тоже взял листочек и стал что-то подсчитывать, слушая меня вполуха. А потом поднял на меня глаза и сказал:

— Товарищ Любимов, ты нас за дураков держишь? Эта машина вся тонн в восемь выходит. Легче даже, чем груженный ЗИЛ-5, не говоря о «шестом». Зачем ей мотор больше серийного? Или тебе рекорды скорости покоя не дают? А если мотор серийный ставить, то и в корме его располагать необязательно, соответственно — кулиса не нужна!

— Ну и шут с вами! Раз не хотите «стотридцатый» ставить — мое дело сторона, — раздосадовался я, осознав, что поторопился. Надо было самому все сначала обсчитать, потом уже с предложениями встречать. — Поступайте как знаете.

Эпизод 3

На следующий день, 20 января, ко мне в КБ неожиданно нагрянула товарищ Артюхина в компании с Меркуловым. Слегка удивившись подобной компании, но тем не менее тепло со всеми поздоровавшись, я спросил.

— Александра Федоровна, какими судьбами? Неужто у нас на женском участке что-то неладно?

— Нет, товарищ Любимов, все там нормально, но мы свой контроль не ослабляем. Имей в виду! — Артюхина была как-то взволнована и, чтобы это скрыть, говорила напоказ строго. — А дело у нас к тебе личное. И в то же время государственное.

— Это как понимать? Вы хоть толком объясните, чего хотите, а запутаюсь я и без вашей помощи.

— Пусть это для тебя будет сюрпризом, товарищ Любимов, — вступил в разговор Всеволод Меркулов. — Собирайся, поедem, на месте все поймешь.

Не скрою, подобное предложение из уст чекиста заставило напрячься. Захотелось даже поежиться, чего на глазах собеседников я позволить себе не мог. Решив, что надо вести себя естественно, потому как в подобном предложении могло и не быть никакой для меня опасности, я согласился.

— Ну хорошо, хоть и работы невпроворот, поедem. Исключительно ради вас! Надеюсь дело того стоит.

— Не угадал, товарищ Любимов! — Артюхина не выдержала и хитро улыбнулась. — Это исключительно ради тебя.

Продуваемый всеми ветрами новенький ГАЗ-А за пятнадцать минут домчал нас через

заснеженную Москву до Чистых Прудов и остановился, к моему удивлению, перед утилитарным железобетонным шестиэтажным зданием без каких-либо архитектурных «украшательств», которое было бы более уместно году так в 1960-м, нежели в 1932-м. Дом был построен в виде буквы «П» и, чтобы войти внутрь, надо было пройти между двумя корпусами «ножками» до подъезда в «перекладине». Сбоку от входа двое рабочих как раз старались ровно прикрепить вывеску «Народный комиссариат легкой промышленности СССР». Сказать, что я был озадачен — не сказать ничего, я даже не постеснялся спросить.

— Какое отношение я, со своими дизелями, имею к легкой промышленности? Это что, розыгрыш?

— Пойдем, пойдем, не месяц май, чтобы в дверях стоять, сейчас все поймете. — Подтолкнул меня в спину Меркулов. Поднявшись на третий этаж, мы вошли в приемную наркома, на двери кабинета которого, скромнее некуда, было написано: «т. Любимов». Вот те раз!

— А, товарищ Артюхина! — шагнул нам навстречу из-за стола здоровый мужик с «чапаевскими» усами. — Ждал вас, информирован, что под вашим руководством создана специальная женская комиссия по индустриализации при ЦК партии. Значит, будем работать рука об руку. Мы по хозяйственной части, вы — по политической? А как же «Работница»?

— Не совсем так, товарищ Любимов. Комиссия в первую очередь, будет заниматься тем, чтобы труд женщин использовался наиболее рационально. Над этим еще трудиться и трудиться, скучать я вам не дам. Кстати, предложение использовать женские руки в наиболее кропотливой и точной работе в свое время выдвинул человек, с которым я вас хотела познакомить. Товарищ Любимов. — Александра Федоровна сделала жест рукой в мою сторону. — Семен Петрович. Я вам писала в Германское торгпредство, что, возможно, нашелся ваш племянник. Это он. С нами товарищ Меркулов, начальник отдела ОГПУ при ГУ БД Наркомтяжмаша.

— Племянник, да помню, присылали фото. Да на нем разве разглядишь чего? Да и с Петром мы связь потеряли окончательно, когда я еще совсем молодой был. А не видел брата с детства, он намного меня старше и, как женился, на восток уехал. А точно он племянник мой?

— Это мы у вас как раз хотели уточнить, — вмешался в разговор чекист. — Чтобы вы или подтвердили или опровергли предположение товарища Артюхиной.

— Да как же я подтверждаю, если ничего не знаю? Внешне вроде на нашу породу похож, а вроде и нет. Глаза карие. Хотя у деда такие были, — нарком с сомнением меня разглядывал со всех сторон, а потом вдруг спросил: — А отец-то где?

— Умер три года назад, — я был настолько растерян таким оборотом дела, что стоял, хлопая глазами, пока меня обсуждали как какой-то предмет, прикидывая, подойдет — не подойдет. К счастью, когда пришлось отвечать, я уже взял себя в руки.

— Ну так расскажи мне про него, где жил, как, чем занимался. Про мать. С ней что? Братья-сестры есть? Да, присаживайтесь, товарищи, разговор долгий.

Расспрашивал меня Исидор Евстигнеевич больше часа, а я, пересказывая свою легенду, пытался как можно меньше вдаваться в детали, а то что говорил, старался сам хорошо запомнить, чтобы в будущем меня не поймали на противоречиях. Из-за этого, собственно, выдумывать старался как можно меньше, описывая своего реального родителя, поместив его, в своем воображении, в другую обстановку. Нарком изредка комментировал мой рассказ, не

говоря при этом ни да, ни нет.

— Рукастый, говоришь, был и штуки разные горазд придумывать? На Петьку похоже, но он по дереву мастерил, а с железом знаком не был. Хотя в жизни мог всего понабраться, голова у него светлая была.

После того как меня полностью «выпотрошили» на тему моей «лесной» жизни, перешли к настоящему моменту. Здесь уже подключились Артюхина с Меркуловым, дополняя мой рассказ деталями. Я старался не касаться своей работы, так как не знал, с кем имею дело и можно ли этому человеку доверять, ограничился тем, что работаю на ЗИЛе.

— Да он главный конструктор моторного КБ ЗИЛа! — не выдержала Артюхина. — Это он тот дизель придумал, станки под который вы на завод закупали! Ну помните срочный заказ? Я тогда же вам и письмо прислала!

— Точно! Было дело! Ох уж и пришлось нам тогда покрутиться! — Нарком как-то оживился, а его отношение ко мне, после выяснения моего нынешнего положения, переменилось. Теперь любой факт биографии и черта характера трактовались как подтверждение родства. Горячий? Весь ЗИЛ чуть ли не на дуэль по одному хотел вызвать? Точно — наша порода! Что и Халепский через Ворошилова на днях Берии жаловались на его рукоприкладство? Молодец! На мелочи не разменивается — наш человек.

— Семен, — обратился ко мне нарком по имени. — Раз уж ты нашелся-объявился, давай-ка сегодня вечером ко мне в гости с семьей. Я здесь, двумя этажами выше живу. Надо бы это событие отметить. Конечно, точно нельзя сказать, родня ли мы, но если вероятность такая есть — то пусть будет.

Артюхина и Меркулов разом встали и принялись нас наперебой поздравлять. На что Исидор Евстигнеевич сказал:

— Торопитесь, товарищи! Вечером милости прошу, там за столом и поздравите по-настоящему.

— Гхм! — наконец мне удалось вклиниться, таким немного бестактным образом. — Боюсь, вечером, да и вообще в ближайшее время, не получится. Сын приболел, а на днях у меня командировка в Ленинград. Придется отложить.

— Эх, жаль! А я-то уже настроился! — нарком чуть сник. — Значит, как только домой вернешься — сразу звони и ко мне. Это дело в твоём плане — первое!

Тепло распрощавшись, мы разошлись, а я принялся обдумывать вновь создавшуюся ситуацию с внезапно объявившейся родней. Иметь дядей целого наркома — это уже что-то, что позволяет влиять на ситуацию в серьезном масштабе. Но для этого нужно узнать человека достаточно хорошо. Да, Любимов-старший целиком прав, в гости — первым делом.

Эпизод 4

В начале января месяца 1932 года произошли значительные изменения в административно-хозяйственной структуре СССР. В частности, ВСНХ был упразднен, а вместо него создано сразу три наркомата — тяжелой, легкой и лесной промышленности. Наше, ставшее уже родным, Всесоюзное объединение быстроходных Дизелей вошло в первый из них как главное управление, сокращенно — ГУ БД. Примечательно, что эта структура была равнозначной ГУ автотракторной промышленности, ГУ авиационной промышленности и ГУ судостроения. Получалось, что любые другие двигатели, кроме

дизельных, управления разрабатывали и строили самостоятельно, а решение на применение дизелей на той или иной технике принималось на уровне наркома ТП товарища Орджоникидзе. С одной стороны, это способствовало концентрации усилий на решение проблемы обеспечения страны абсолютно необходимыми в условиях недостаточного развития нефтепереработки моторами, с другой — вызывало межведомственные трения.

Особенно остро развивались события в авиационной сфере. Даже не хочу знать, каких усилий стоило Берии отвоевать для нашего ГУ московский завод № 24, который ранее предполагалось ориентировать на выпуск моторов отечественной конструкции М-15 и лицензионных М-17. По слухам эти движки в серии были крайне ненадежными и завод, начав летом с АН-100-2, полностью переориентировался на выпуск АН-130-2 и перспективных АН-130-4. Чаромский, пользуясь тем, что в авиацию шло все самое лучшее, сразу ввел в конструкцию этих моторов все, чего ЗИЛ не мог себе позволить из соображений экономии — шариковые опорные подшипники коленвала, бронзовые вкладыши шатунов. При этом базовый АН-130-2 прибавил в мощности по сравнению с «приземленным» аналогом сразу 15 лошадиных сил, а при форсировании его раскрутили до 315 лошадиных сил. Впрочем, в этой версии его выпускать не собирались, потому как предназначался он для ГВФ, точнее на самолет АИР-5, а «заряженный» вариант был всего лишь экспериментом на переходе к четырехцилиндровому АН-130-4. Алексей Дмитриевич немало натерпелся с Х-образником, для которого, в первую очередь, пришлось разрабатывать новый двухскоростной компрессор, на «оппозите» обходились двумя стандартными с АН-100-2. Второй большой проблемой была система смазки, так как масло стекало в кожухах шатунов во внешние картеры нижних цилиндров. Пришлось организовывать принудительный его отвод в маслбак через радиатор. Мотор обещал дать 630 лошадей, при весе около 300 килограммов, но ждать его следовало не ранее мая месяца.

Это обстоятельство не дало Берии с Чаромским покуситься на Запорожский и Рыбинский заводы, где продолжали строить М-22 и М-17.

В автотракторной сфере, куда можно отнести и танкостроение, с производителями шасси, подчиняющимися своему ГУ, у нас сложилась полная гармония и взаимопонимание. ЗИЛ был единственным крупным поставщиком моторов и не только ставил их на свои грузовики, но и отправлял в Ярославль. Так как наши «лишние» «100-2» дизеля стали повсюду ставить стационарно, а также на небольшие суда, высвободилось, производство на заводе «Возрождение» в городе Маркшгадт. Ранее завод выпускал для этих нужд гораздо менее мощные дизели конструкции Якова Васильевича Мамина. Причем, несмотря на небольшие объемы выпуска, уверенно держал первенство по качеству среди предприятий «Союздизеля», строя свои моторы прямо-таки с прецизионной точностью, чему способствовало соответствующее оборудование. А также, возможно, менталитет части рабочих. Я, если честно, устроил Берии настоящую истерику, когда узнал, что часть нашего производства передается в какой-то... штатт какому-то Нихельману. Лаврентий Павлович дождался, когда я выговорюсь, и спокойно ответил, что город находится в автономной области немцев Поволжья и повода для беспокойства за секретность нет. Теперь, переименовав в «Коммунист», завод передали в структуру ГУ БД, а Берия, лично объездивший все моторостроительные заводы СССР, решил полностью перепрофилировать его на выпуск топливной аппаратуры.

Здесь же, на «Коммунисте», должны были выпускаться и «пускатчи», созданием которых наше КБ занималось со второй половины декабря 1931 года. Делать их «вне очереди» меня

заставил поток рекламаций, хлынувший на ЗИЛ с началом холодов. Жалобы были одни и те же — уже при температуре минус пять градусов ЗИЛ-5 было крайне трудно завести. Для запуска требовалось крутить мотор стартером достаточно энергично и долго, чтобы компрессор создал необходимое для продувки цилиндра давление и температуру воздуха. Но на морозе масло густело, аккумулятор быстро садился и грузовик «умирал». Этот недостаток выявился так же внезапно, как и проблема фильтров, только потому, что прошлой зимой наши опытные машины практически всегда «ночевали» в теплом гараже и заводить их на морозе из холодного состояния просто не доводилось.

Пришлось в авральном порядке переделывать систему запуска полностью. Теперь она состояла из однорежимного одноцилиндрового пускового двигателя, представлявшего собой сильно упрощенную половинку от планировавшегося ранее мотора с диаметром цилиндра 70 миллиметров. Собственного компрессора на пускач не ставили, продували из отдельного баллона, который, в свою очередь, заряжали от установленного на основной двигатель дополнительного поршневого компрессора. Теперь, чтобы запустить мотор ЗИЛ-5 зимой, надо было включить подогреватель, установленный под картером мотора, открыть клапан баллона и сильно потянуть за вытяжной шнур пускового движка, рукоятка которого находилась на полу кабины, справа от водителя. При этом сжатый воздух, проходя через радиатор в подогревателе, набирал температуру, после чего в него впрыскивался керосин, и эта смесь шла как в пускач, так и на запуск основного движка. На отработку этой системы у нас ушел всего месяц, а проведенные в середине января испытания полностью подтвердили ее работоспособность.

Возвращаясь к теме моторных заводов, остается упомянуть только ленинградский «Большевик», вернее выделившийся из него завод № 174 имени Ворошилова. Ранее там выпускали моторы М-5, но было принято решение о перепрофилировании моторного производства в танковое, на заводе стали делать Т-26. Так как собственный двигатель к нему доводить не стали, а воспользовались моторами ЗИЛа, то незадействованные мощности в качестве ответного жеста отдали нам под 130-ю наземную серию. Эти движки предполагались, в первую очередь, на танк Т-28 завода «Красный путиловец», проявили интерес и моряки. Беда была в том, что танкостроители никак не могли определиться, какой именно мотор им нужен, так как изначально на Т-28 хотели ставить М-5 в 400 лошадиных сил, а наш опозит выдавал всего 265. Удваивать мотор мне категорически не хотелось, так как это заметно задержало бы развертывание серийного производства из-за необходимости разработки нового компрессора, а также заметно, по опыту ЗИЛа, на порядок снижало его объемы.

Это обстоятельство и вынудило меня выехать в командировку в Ленинград. Точнее, Берия, рассудив, что договориться нам гораздо проще напрямую, чем через товарища Орджоникидзе, просто мне приказал.

Эпизод 5

Едва только 23 января начало светать, дежурная машина нашего завода доставила меня с Женей Акимовым, наработавшим хорошие связи в Северной столице, на центральный аэродром. Дело в том, что Лаврентий Павлович, отправляя меня в Ленинград, посоветовал лететь самолетом, как раз подворачивалась оказия.

— Заодно и дизель-мотор в полете оценишь, — лукаво улыбнувшись, добавил наш «главком».

Народу на летном поле было необычайно много, но весь он кучковался около какой-то авиетки. Причем там были и фотографы, сумерки изредка озарялись магниевыми вспышками. На всем остальном обозримом пространстве ни самолетов, готовых куда-либо лететь, ни людей не наблюдалось. У меня начали появляться подозрения, что я опоздал на свой «рейс», потому, поймав первого попавшегося человека, просто спросил:

— Товарищ, а самолет на Ленинград, что, уже улетел?

— Как улетел? Вон он стоит! — махнул техник рукой в сторону авиетки. — До вылета еще митинг будет. Не раньше чем через полчаса стартует.

Не веря своим ушам, я подошел к толпе и спросил еще раз, верно ли это мой самолет. На что сразу же получил встречный вопрос:

— А вы, собственно, кто?

— Любимов, Семен Петрович — растерявшись, ответил я, — конструктор дизелей.

— Товарищи!!! Все в сборе! Можно начинать!

Пока я пытался сообразить, что происходит, в кабину самолета, через боковую дверь залез летчик и, с помощью подъехавшего аэродромного стартера на Форд-АА, запустил мотор. Одновременно, используя небольшую приступочку для посадки в самолет как трибуну, к собравшимся обратился довольно молодой человек, радость которого прямо-таки лучилась на окружающих.

— Товарищи! Сегодня у нас знаменательный день! Мы отправляем в первый междугородний полет наш новый «исполкомовский самолет», «летающий Форд» — АИР-5. Этот аэроплан целиком создан энтузиастами завода имени Менжинского при поддержке ОСОАВИАХИМА в свободное от работы время. Наши товарищи приложили все усилия чтобы выполнить задание партии и дать нашему воздушному флоту нужные машины. Я, как конструктор, хочу выразить особую признательность товарищу Чаромскому и присутствующему здесь, товарищу Любимову за мощный и экономичный авиационный дизель-мотор, благодаря которому АИР-5 может восемь часов держаться в воздухе и покрыть расстояние в тысячу шестьсот километров! Таким образом, он может совершить полет в Ленинград и обратно без дозаправки. Мотор АИР-5 использует в качестве топлива керосин, и его всегда можно будет заправить в любом уголке нашей страны. Это будет настоящий самолет-труженик, самолет, который обеспечит чуткое руководство со стороны партии большевиков по всему СССР. Надежность же его такова, что оба конструктора и самолета, и двигателя, я и товарищ Любимов, без сомнения совершат этот показательный перелет. Да здравствует наша партия большевиков, строящая могучую авиацию! Да здравствует наш воздушный флот! Да здравствуют наши советские люди! Ура!

Приплыли. Ну Лаврентий, поросенок этакий, я тебе это еще припомню! Хорошо хоть, наученный горьким опытом, оделся потеплее. Плевать на то, как буду в тулупе и валенках в Питере выглядеть, главное туда долететь. Если бы знал, на каком аппарате меня отправят, так еще бы ружье с собой прихватил, мало ли где грохнуться случится. И ведь отказаться, не потеряв лицо, нельзя! Полет показательный! Отведай, мол, из моего кубка!

Пока выступали энтузиасты, представители ОСОАВИАХИМА, я про себя молил: чтобы у этой авиетки прямо сейчас крылья отвалились. Просить, чтобы мотор вышел из строя, было чревато. К сожалению, пока все не выговорились, чуда не произошло, а меня дернул за рукав Акимов.

— Товарищ Любимов! Надо бы что-то от нас сказать!

— А что тут скажешь, Женя? — и, нечаянно попав в паузу, когда все вдруг замолчали, обреченно подвел итог: — Поехали!

Пока забирались в самолет, познакомился с летчиком Пионтковским. Вроде мужик основательный, будем надеяться, не подведет. А вот с авиаконструктором Яковлевым я умудрился с ходу повздорить, наотрез отказавшись лететь на заднем сиденье этого «воздушного Форда», откуда в случае чего не выберешься. Тем более, что никаких парашютов предусмотрено не было. Резоны, что впереди устроено дублирующее управление, что сзади удобнее, не могли сдвинуть меня с моей позиции. Александру Сергеевичу пришлось смириться.

АИР-5, плавно разогнавшись по летному полю на широких лыжах, легко взмыл в воздух. При этом самолет ощутимо дрожал весьма крупной дрожью, что заставило меня сразу после взлета обратиться к присутствующим с вопросом.

— Это нормально, что нас так трясет? На грузовике мотор гораздо ровнее работает!

— Нормально! — перекрикнул рев двигателя услышавший меня Пионтковский. — Я уже три месяца на нем летаю, мотор всегда так работал.

Ну нормально так нормально, остается только наслаждаться, ибо все равно ничего сделать нельзя. Между тем, наш пепелац, выйдя на железную дорогу Москва — Ленинград, пошел вдоль путей к намеченной цели. Успокоившись, я стал разглядывать открывающиеся окрестности.

Солнце, еще не оторвавшееся от линии горизонта, алело на юго-востоке, и любые неровности рельефа, дома, деревья, телеграфные столбы, даже малейшие бугорки, отбрасывали на розовом снегу длинные тени. Морозный воздух был густ даже на взгляд, что отметил и Пионтковский, ткнув рукой в безоблачное небо, привлекая мое внимание и перекрикивая грохот мотора.

— Мороз! Сегодня и на четыре тысячи можно попробовать забраться!

— А что так мало? Чаромский же сделал двухскоростной нагнетатель! Мне говорили, что до семи тысяч высотность подняли!

— Пожалел товарищ Чаромский на мотор АИРа его ставить! Дорого! Ну да ладно, все равно нашему «форду» высотность без надобности.

— Да! Главное взлетно-посадочные характеристики и удобство! — присоединился к нашему орущему дуэту Яковлев.

— Какое удобство?! Издеваетесь? Вы бы хоть глушители поставили! Десять-пятнадцать сил роли не сыграют, зато голова болеть не будет! И отопитель заодно! Хорошо хоть из щелей не дует!

— Вот вы и ставьте! Вы же двигателист! А нам какой мотор дали, такой и используем! А обогрев здесь есть! На больших оборотах горячий воздух от компрессора отобрать можно! Он для обогрева стекла используется, иначе бы все замерзло уже!

Не найдя с ходу, к чему бы еще придраться и замкнуть на окружающих свое раздражение, я только неопределенно махнул рукой. Устал, мол, кричать. Да и по совести говоря, мужики ничем не виноваты, это я лопух, подошел к перелету со своими мерками. До Аэрофлота здесь — как медному котелку до ржавчины. Немного повозившись на своем месте, располагая ноги так, чтобы не задевать педали двойного управления, решил не терять времени даром и благополучно заснул.

Тунн! Бам-бам-бам-бам! По корпусу самолета будто часто-часто долбили молотком, и

он весь от этих ударов сотрясаясь. Разом разлепив глаза, я инстинктивно схватился за штурвал и рванул его на себя, Пионтковский в этот момент отвлекся на отключение двигателя и не смог мне помешать. АИР-5 резко задрал нос и в полной тишине показалось завис в воздухе.

«Все абзац», — подумал я про себя как-то совершенно спокойно и отстраненно. Но самолет, подумав немного, не сорваться ли ему в штопор, принял другое решение и, перевалив горку, плавно стал планировать к земле. Конечно, это заслуга пилота, которому хватило выдержки и мастерства предотвратить катастрофу, но впечатление живой машины было прямо-таки стопроцентное.

На наше счастье, прямо по курсу оказалось заснеженное поле, пересекаемое железной дорогой, вдоль которой мы и шли. Спустя пару минут мы уже катились по плотному насту на лыжах, а я вспомнил, как дышать. Едва остановившись, я выпрыгнул из самолета и попытался стремительно удалиться от аппарата на минимально безопасное расстояние, но не смог, пробив ледяную корку и провалившись с ходу больше чем по колено. Плюнул в сердцах — от судьбы не уйдешь, так хоть лицо сохранить и уйти с гордо поднятой головой!

— Какого черта произошло? — обратился я к своим попутчикам, большая часть которых, как и я, уже барахталась в снегу. Задержался только Акимов, сидевший за Пионтковским.

— Сейчас глянем, — спокойно, будто ничего особенного не произошло, ответил летчик, пробираясь к капоту машины. Туда же, мимо меня, направил свои стопы и Александр Сергеевич. Едва мы «раскапотили» носовую часть, как неисправность сама бросилась нам в глаза — лопнула по сварному шву труба моторамы и, при работающем моторе, долбила по конструкции.

— Ничего особенного! Так и должно быть! Три месяца летаю! — зло передразнил я Пионтковского. — Вот, пожалуйста! Любуйтесь!

Летчик конфузливо помалкивал, а Яковлев бросился его защищать, используя для этого самый эффективный прием — нападение.

— А что нам делать, если мотор с такими вибрациями работает?! Если он так трясет, то рано или поздно любая моторама сломается! Сейчас просто время ей пришло сломаться и все!

— Глупости! Мотор сбалансирован, если бы вибрации шли «изнутри» он сам бы вперед развалился!

Мы еще два часа препирались бы в попытках выяснить, кто виноват, если бы не перешли со слов к делу, точнее, не стали доказывать свою правоту на стоящем перед нами наглядном пособии. Обходя и осматривая мотор спереди, я буквально уперся взглядом в ступицу воздушного винта.

— Товарищ Яковлев, глянь-ка сюда! — позвал я «самолетчика». — Смотри, втулка винта на валу мотора с зазором сидит! Я наклеп невооруженным взглядом вижу! Вы что, винт нормально отбалансированный подобрать не могли? И посадить его по человечески? Хорошо еще, что моторама слабее движка оказалась. А если б он в полете развалился?

Александр Сергеевич, воочию увидев истинную причину аварии, опять принялся горячо на меня нападать.

— Вам хорошо! У вас целая программа ВСНХ утвержденная! А мы самолеты строим и того, что добыть можем! И винт этот вовсе не бракованный, не лучший — да. Но вибрации в пределах нормы были, летать можно!

— Да не кипятись ты! В следующий раз просто делай самолет попрочнее и на мелочи вот такие смотри. Если б мы так движки свои ваяли, как вы самолеты, они б вообще не работали. Теперь-то что делать будем?

— Мы только что станцию прошли, — сказал Пионтковский, который, как оказалось, единственный не спал во время аварии, — надо бы туда за подмогой идти.

— Станция? Отлично! Надеюсь, поезда до Ленинграда отсюда ходят. — Я полез в кабину вытаскивать багаж. — Женя, давай шустрой! Хоть завтра к утру в Питере будем.

— Семен Петрович, не по-людски это как-то, своих в беде бросать...

Взглянув на комсомольца, я ощутил острый укол совести. Что же это я? Обиделся, что меня Лаврентий Павлович как подопытную собачку в космос запустил? А «летуны» здесь при чем?

— Ладно, прав ты, Женя. Айда все вместе на станцию, там подмогу найдем и самолет вытащим, а дальше уже поездом.

— Я машину не брошу, — набычившись, изрек Александр Сергеевич, а товарищ Пионтковский солидарно встал плечом к плечу с конструктором.

— За каким рожном здесь торчать? Кто его украдет? Что много дураков найдется через поле по колено в снегу переться? Только волкам радость своим присутствием здесь доставите, если еще от холода не окочуритесь и тепленькими будете. У вас хоть оружие есть?

— У меня «наган» всегда при себе, — летун похлопал себя по поясу, кобуры не было видно из-под теплой кожаной куртки на меху.

— Отлично! Будет из чего от безысходности застрелиться! — невесело пошутил я.

— Вы бы лучше, чем зубоскалить, вдвоем шли. Уже, глядишь, полдороги бы одолели.

— Ладно, ладно, идем. Женя, давай за мной след в след, а то в твоих ботиночках только по Невскому гулять.

Полтора километра до поселка мы преодолевали по ровному заснеженному полю чуть ли не два часа. Запыхались и вымотались не на шутку. Наконец, увидев вышедшего на окраину посмотреть на двух чудаков мужика, я крикнул.

— Товарищ! Здравствуйте! — и, тяжело дыша, для завязки разговора спросил: — Как эта станция называется?

— ...улебля! ...вы там делаете?! — донеслось издали сквозь свист ветра.

Ничего себе, как нас здесь встречают! Толерантности и терпения у меня не осталось ни на грош, поэтому я не замедлил ответить в том же духе.

— Слышь, вежливый! Я щас до тебя доберусь, ...ля! Ноги выдерну, ...ля! Будешь как снеговик, ...ля, на шариках, ...ля, кататься!

Мужик шустро скрылся из виду, а мы с Женей, плюнув в сердцах, побрели дальше. Почти у самой нашей заветной цели — расчищенной улицы, к которой мы шли меж двух невысоких заборов, нас поймали. Человек пять. Не говоря худого слова, стремясь не выпустить нас на расчищенное пространство, мужики набросились на нас с кулаками. Толстый тулуп хорошо гасил удары, но не давал свободно двигаться и бить самому. Противники наши были в таком же положении, поэтому своих троих я никак не мог успокоить, главное было устоять на ногах. У Жени дела были совсем плохи, он то ли поймал прямой, то ли подскользнулся, но его завалили и теперь добивали лежачего. Видя такой оборот дела, я не нашел ничего лучшего, как перейти к борцовским приемам. Мужик, затянувший удар и отдавший мне руку, был продернут за спину и запахал сугроб. Я,

благодаря ему, приобрел неплохое ускорение вперед и, нагнув голову, боднул всей своей массой противника слева, отчего тот сел на задницу и забыл, как дышать. Оставшийся дядька вознамерился отоварить меня по хребтине, пока я не распрямился, но запоздал. Я успел сместиться к нему вплотную и поднял его над землей, бросив на двоих, метеливших Акимова. Те кувырнулись вперед, а я, схватив торчащую из сугроба руку, выдернул товарища по несчастью на дорогу.

Мля, больно-то как! Кол, которым пыталась меня со спины отоварить невесть откуда взявшаяся бабенка, прошел вскользь, даже через тулуп пересчитал мне все позвонки. Впечатление было такое, будто на спину плеснули кипятку. Хорошо хоть я удачно повернулся боком, удара по голове я бы точно не пережил.

— Отдай!!! — я рванул левой, легкой на кол сверху, на себя, а правой, куда деваться, оттолкнул женщину. Ее руки выскользнули, и я стал обладателем оружия, если не пролетариата, то уж трудового крестьянства точно. Было самое время сделать ноги, но Акимов валялся без сознания, и бросить его я не мог. Мужики, оценив изменившуюся расстановку сил, медлили, чему способствовал пример их товарища, получившего короткий тычок в лоб, отправивший его на просмотр мультфильмов.

— А ну стоять всем! Прекратить! — донеслось с дальнего конца улицы, по которой к нам со всей возможной скоростью ковылял на деревянном протезе одноногий мужик в сопровождении милиционера в синей шинели.

— Что тут происходит?! — принялись выяснять обстановку два новых персонажа. Я молчал, потому как в голове после всех танцев все перевернулось и внятно, а самое главное, корректно, сейчас ничего пояснить не мог. Местные начали наперебой нас обвинять, будто мы приперлись невесть откуда, обзывали их непотребными словами, а потом полезли драться. Ангелы, блин! Можно подумать не вон тот, слева, нас первый обматерил!

— А вы что скажете? — спросил меня милиционер.

Я вкратце обрисовал обстановку, рассказал про полет и вынужденную посадку, про наш поход за помощью, ну и далее, по порядку. Особенно попенял на изначальную невежливость принимающей стороны. После моего рассказа все вокруг почему-то заулыбались, драчуны сконфуженно, а одноногий, оказавшийся председателем сельсовета, откровенно ржал.

— Не поняли, значит, друг друга. Хе-хе. Но, мил человек, не обессудь, помочь тебе нам нечем, лошади все на лесозаготовках, да и мужики все тоже. А оставшихся несознательных единоличников ты сам собственноручно искалечил, вряд ли их теперь уговоришь. Сходи, попробуй, к железнодорожникам, уполномоченный проводит, у них вроде ремонтный поезд стоит, паровоз вчера на рельсы ставили. А нет, так возвращайся, пошлем мальчонку на лыжах за твоими сторожами, тут рукой подать.

— Вот засада! — только и мог я сказать, когда, поддерживая шатающегося Акимова, мы подходили к вокзалу. На здании, под фронтоном, синим по белому, было выведено: «Тулеля». Нечего сказать, могуч язык! А самое главное — велик! Некоторых слов за всю жизнь, если случая, как сейчас, не будет, не услышишь.

— Жень, а Жень? Может, я чего путаю, но такой станции я на Октябрьской дороге не помню. Ты когда в Ленинград мотался, внимания не обратил?

— Какой Ленинград? — уполномоченный, услышав краем уха мои слова, всю потешался. — Эх вы, летуны безголовые! Залетели, шмякнулись, да еще и не туда, куда надо! Это железка Псков — Бологое!

— ... мать! Ну как тут не ругаться?! Между прочим, товарищ милиционер,

матершинники — первые цивилизованные люди. Ага, потому, что в драку не полезли. По этой логике, ваша станция в эпицентре цивилизации должна быть, а она у черта на куличках. Да и драчунов навалом.

— Мало вам мужики кренделей надавали, — обиделся милиционер. — Нашу станцию, если хотите знать, мы даже переименовывать не дали. Нашлись активисты, хотели в честь какого-нибудь видного коммуниста назвать. А не дали потому, что получилось бы, что наше название вроде как плохое и ругательное. Это неправильно!

— Ладно-ладно, не буду больше, раз вы чувствительные такие.

Ремонтный поезд, стоящий на запасных путях, произвел на меня самое благоприятное впечатление, а с его начальником мы быстро и легко сошлись на почве новенького дизель-генератора московского завода «Динамо». Надо ли говорить, что мотор там стоял наш, «зиловский»? А больше всего порадовало, что у железнодорожников нашелся на платформе «Коммунар», а в мастерской — газосварочное оборудование. «Болгарки» там, кстати, тоже были, что доставило мне немалое моральное удовлетворение. Вот так, помалу, понемногу, но что-то мне менять к лучшему удается.

Прикинув, что незачем тащить самолет на станцию, если можно раму подварить прямо в поле, загрузили в трактор баллоны и уже через полчаса махали руками ликующему Яковлеву. Сообщив ему сразу две новости, хорошую, что починимся, и плохую, что сидим черт знает где, приступили к ремонту. Железнодорожнику варить раму я не дал, от этого, в конце концов, моя жизнь зависит, мне и карты в руки.

— Хромансиль? — уточнил я у авиаконструктора, кивнув на раму. Дядька мой, фронтной авиамеханик, постоянно этот сплав хвалил, говорил, что все ответственные детали самолета из него делаются. Все с ним сравнивал, если дело до выбора материала доходило. Но вот варить его надо умеючи.

— Что? — Александр Сергеевич насторожился.

— Хромансиль, говорю? — Яковлев явно меня не понимал, поэтому я уточнил: — Рама из какой стали сварена? Хромансиль?

— Товарищ Любимов! Прекращай ругаться непонятными словами! Виноват я, признаю, сколько можно камень за пазухой держать!

— Тьфу! Кому ты нужен-то, ругать тебя! Хромансиль — это сталь такая! Уже понял, что не угадал! Из чего рама сварена?

— Не слышал... А рама из хромомолибденовой стали.

Вот те раз! Похоже, прокол. Занесло в доисторическую эпоху, они тут даже марки 30ХГСА не знают! Да еще с этой, хромомолибденовой, засада, раньше мне она не попадалась. Как варить, да еще на морозе? Ладно, положимся на авось, исходя из одинакового назначения, стали должны быть близки по свойствам. Итак, прогрев, быстрый шов, чтобы лигатура не выгорела, плавное охлаждение. Закалкой придется пренебречь.

— Готово, — сказал я, окончательно убрав горелку от детали. — Надо чуть подождать и можно лететь.

Промучившись еще с полчаса с факелами, так как расходовать драгоценный ацетилен на прогрев мотора железнодорожники категорически отказались, наконец завелись и взлетели. Сделали прощальный круг над поселком и, покачав крыльями, взяли курс на северо-восток. Выбранное направление объяснялось просто — у нас из всех навигационных приборов был только карманный компас Пионтковского, который в кармане весь полет благополучно и пролежал, что меня в очередной раз возмутило. А из карт — не нашлось даже пачки

«Беломора». Оставалось только надеяться на схемку, начерченную ремонтниками прямо на снегу. Выходило, что северо-восточным курсом мы как раз выйдем на дорогу Москва — Ленинград, других путей там быть не должно. Главное — не проморгать, а то, учитывая заявленную Яковлевым дальность полета, можно и к белым мишкам улететь.

Весь последующий перелет никто из пассажиров уже не спал, даже после выхода на железку. Поводов для беспокойства — хоть отбавляй, тут тебе и самолет, готовый развалиться в любой момент, и навигация, а самое главное — начинало темнеть. К Ленинграду, искрившемуся россыпями огней и ярко-красными маячками заводских труб и водокачек, подлетали уже в глубоких сумерках.

— Ну и как садиться будем?

— Не переживай, товарищ Любимов! Я здесь в пятнадцатом году в школе мотористов учился, город знаю! — попытался успокоить меня летчик.

— А летал здесь?

— Не, здесь не летал, но это неважно, сядем!

И сели! Юлиан Иванович, покружив над неосвященными пригородами, так и не определился, где посадочная полоса Комендантского аэродрома. Посему, проявив изрядный авантюризм и еще раз заставив нас всех поволноваться, приводнился. Ведь лед — это замерзшая вода? Вот мы на лед и сели, на невский, благо набережные и мосты сияли электрическим светом, а Нева гарантировала ровную поверхность. Перемахнув Троицкий мост, или, как он теперь назывался, мост Равенства, АИР-5 мягко коснулся лыжами снежного наста и Пионтовский, с шиком, прокатил нас под Литейным до Арсенальной набережной.

— Все, доставил в лучшем виде, а вы боялись! — наш всегда сдержанный и немногословный пилот был откровенно доволен собой и от души улыбался. Я, глядя на собирающуюся толпу, его радужного настроения отнюдь не разделял. По всем моим представлениям, нас сейчас должны были просто-напросто арестовать за хулиганство. Положение спас Яковлев, забравшийся на центроплан и толкнувший оттуда очередную пламенную речь о достижениях советской авиапромышленности, сорвав бурные аплодисменты. Немногочисленные стражи порядка, с самого начала не готовые к посадке самолета, растерялись окончательно. Мы тоже оказались в тупике. Дальше-то что делать?

— Товарищ милиционер! — обратился я к ближайшему служивому в синей шинели, глядя на обступивший нас народ. — Вы бы самолет под охрану взяли, растащат ведь на сувениры!

Милиция, получив логичную и привычную заботу, сосредоточилась на ней полностью, заодно привлекая внимание гудящей любопытной толпы. Я, уж было под шумок, собрался подхватить Акимова и скрыться, но первые ряды раздвинулись и к нам вышли несколько человек, а среди людей вполголоса разнеслось: «Киров, Киров идет!»

— Здравствуйте, товарищи!

Мы в ответ вразнобой тоже поздоровались.

— Приветствую вас от имени всех ленинградцев на нашей земле! Вижу, крепко встала на крыло наша советская страна. Этак скоро на дачу самолетами летать будем. Как он мастерски сел! Молодец! И вы, товарищи, тоже молодцы, что такой замечательный аэроплан построили. Что молчите? Устали с дороги?

— Есть немного, товарищ Киров.

— Ну так давайте я вас подвезу. Вы где остановиться надумали?

— В «Англетере», товарищ Киров, — Акимов, которому я поручил, как самому опытному в этом вопросе из нас двоих, заняться этим делом, был явно смущен.

— Красиво жить не запретишь! — улыбнулся во все тридцать два зуба Сергей Миронович. — Поехали!

— Да мы сами как-нибудь, пешком доберемся, — Женя попытался разыгрывать скромность.

— Поехали, говорю, заодно и про перелет расскажете по дороге, — Киров стоял на своем и отказываться дальше было неудобно. Разобравшись, кто есть кто, и усадив нас с Яковлевым в свой автомобиль, а Пионтковского с Акимовым — в машины охраны, Сергей Миронович распорядился трогаться — и наш кортеж из трех «фордов», осторожно вырвавшись из толпы, двинулся по вечернему Ленинграду.

— Вы где пропадали? — обернулся к нам с переднего сиденья вождь ленинградского пролетариата. — Мне сообщили, что перелет не более четырех часов займет. Восемь уже прошло, как вы из Москвы вылетели! Да вы хоть представляете, что сейчас вас по всему маршруту ищут? Я сам в Пулково три часа проторчал, вас ожидая! Серго с Лаврентием настоятельно просили встретить товарища Любимова и лично с ним побеседовать, а товарищ Любимов где-то залетался!

— Извините, товарищ Киров, не был предупрежден о таком интересе к моей скромной личности. Поверьте, если б мне только сказали, я бы сам крыльями махал как тот орел и прилетел бы в срок, даже без самолета!

— А вы, товарищ Любимов, критику в штыки не принимайте, а учитывайте, — строго ответил Киров, а потом, обезоруживающе улыбаясь, примирительно добавил: — Переволновались все, поймите. Рассказывайте, что произошло.

Эту честь я безоговорочно уступил Яковлеву, дополнив рассказ только в части пешего похода на станцию. Просто, если бы я начал говорить о полете, то вышло бы, что я ругаю авиаторов. Они, конечно, заслужили, но уже и сами от своих ошибок натерпелись и выводы, уверен, сделали.

— Значит, подмоторная рама лопнула? — подвел итог Киров. — Да, если с количеством потихоньку разбираемся, то качество на обе ноги хромает.

— Да если б нам на наш самолет хорошую сталь дали, моторама не лопнула бы! Вон, даже у автомобилистов хромансиль есть, а мы про него и не слышали! Что вы хотите, если самолет по вечерам на средства ОСОАВИАХИМА строился?

— Как вы сказали? Хромансиль? Что это?

Я сморщился, будто съел лимон целиком. Робкая надежда, что моя оговорка забудется, пропала начисто, и легенда моя текла. Оставалось только безбожно врать и дальше. Верят ли, не верят ли — все равно, пока работать дают. А расколотся — сразу в психушку упекут.

— Сталь это легированная. Хром, марганец и кремний по одному проценту. И нет ее у нас вовсе на ЗИЛе. Мне о ней случайный человек рассказал, говорил — авиационный сплав вот я и подумал. Может, тот человек сумасшедший был, откуда я знаю?

Киров, достал блокнот и быстро черкнул там пару строк.

— Приехали, — за окном высилась заснеженная громада Исаакиевского собора. Сергей Миронович снова к нам повернулся и продолжил: — Значит так, устраивайтесь, переночуете, оба к десяти утра ко мне в Смольный. Машину я пришлю. Счастливо.

Наша дружная компания вывалила из машин и, помахав вслед руками, проводила кортеж взглядом. Я, оглядываясь вокруг, отметил лишь незаасфальтированную площадь

перед собором, остальное все было вполне привычно. В другое время я бы с удовольствием прогулялся и посмотрел город, но день отнял у меня и душевные и физические силы, поэтому, спустя пятнадцать минут, я уже шлепал мокрыми валенками по роскошным коридорам, пугая своей и без того изуродованной, а теперь еще и украшенной многочисленными ссадинами физиономией попадавшихся навстречу постояльцев. Едва дотащившись до номера, скинул тулуп и рюкзак, разулся и упал на нерасстеленную кровать. Утро вечера мудренее.

Эпизод 6

Утро красит нежным светом... Ё-мое натикало-то сколько? Я буквально взлетел с кровати и заметался в поисках любого циферблата. Фух! Восемь. Есть время привести себя в порядок и собраться с мыслями. М-да, если умыться-побриться нам раз плюнуть, то с валенками ничего не поделать, как бы это прозвище в среде питерской технической интеллигенции за мной не закрепилось. Следующей по порядку заботой стала подготовка документов и чертежей, которые дожидались своего часа в рюкзаке. Еще раз все просмотрев и повторив про себя аргументы для танкостроителей, избавился от всего лишнего, что занимало изрядную часть объема рюкзака. Смена белья мне пока не нужна, а вот чай с галетами и колечком колбасы как нельзя лучше подходил для завтрака. Не знаю, видел ли «Англетер» на своем веку такое раньше, но граненый стакан, с опущенным в него самопальным бурбулятором из двух подковок, закипел всего через минуту, попирая всяческие нормы пожарной безопасности. Ну вот, теперь, кажется, все, готов.

Прихватив рюкзак и тулуп, в пиджаке, одетом поверх вязаного свитера, я пошел будить своих попутчиков. Время уже поджимало, машина вот-вот должна была подойти. К моему удивлению, никого из них в номерах не оказалось, а служащая гостиницы подсказала, что свою троицу я могу найти в ресторане. Обругав себя мысленно «деревней», вышел на улицу и закурил трубку, дожидаясь, когда ко мне соблаговолят присоединиться Яковлев сотоварищи.

— Утро доброе, Семен Петрович! — Акимов выглядел вполне довольным жизнью, вчерашние приключения и стряхнутая голова ничуть не мешали ему смотреть в будущее с оптимизмом. Даже наоборот, ему есть теперь о чем внукам рассказать! Яковлев да и всегда уравновешенный Пионтковский тоже демонстрировали подростковый энтузиазм, намереваясь сегодня же лететь обратно в Москву. Никакие мои резоны и уговоры не могли на них повлиять, оставалось надеяться только на Кирова.

Мое же настроение с самого утра опустилось ниже точки замерзания. В буквальном смысле. Внутри будто поселился ледяной комок, источающий невероятную тоску. Невольными виновницами этого оказались женщины, всюду спешащие по своим делам, и маленькие детишки, ухватившие своих мам за руки. Мужчин попадалось мало, оно и понятно, на заводах уже всюю кипит рабочая смена. И вот, глядя на лучшую половину человечества, на эти живые, где-то веселые, где-то хмурые лица, я чувствовал, как в голове бьется навязчивая строчка из детского дневника. «В живых осталась одна Таня...» Перед мысленным взором мелькали кадры блокадной кинохроники, где эти самые прохожие превратились в еле ходячие тени в засыпанном глубоким снегом, замороженном городе. Всего каких-то десять лет — и этот кошмар грозил стать реальностью.

С убийством Сталина я, пусть теоретически, но приблизительно знал, что делать, и работал в нужном направлении, исподволь собирая мощную «правильную» партийную группировку в высшем эшелоне власти. Вернее, надеялся в этом плане на выдернутого из Грузии и приставленного к большому делу Берию. Это было своеобразной «страховкой» даже на случай смерти Иосифа Виссарионовича, давало надежду на то, что масштабной грызни за власть удастся избежать, и при наличии толковых руководителей во главе СССР история может пойти по «третьему» варианту — потенциально далеко не худшему из двух ранее мне известных. Путь этот был, по сути, единственно возможным, потому что от мысли предотвращать убийство лично, зная время и место, я отказался. Мое появление здесь уже немало изменило в политическом раскладе, пришлось смириться с тем, что в этой области никакого «послезнания» у меня нет, как и гарантии, что все пойдет так, как мне поведал старик в лесу.

Кстати, Киров тоже умер не своей смертью. В моем мире. Еще бы вспомнить когда, кем и при каких обстоятельствах был убит. Помнится правозащитники напирали на то, что это товарищ Сталин постарался и с этого убийства репрессии начались. «Огурчики-помидорчики...» Однако, если кто-то ссылается на то, что «все говорят», это гарантия дезинформации. Ну-ка, припомним, как генсек врагов на тот свет спраживал? Подавляющее большинство осуждено и расстреляно, за исключением Троцкого, но его вроде тоже приговорили. С другой стороны — убийство членов «сталинской» команды не такая уж редкость, достаточно вспомнить Фрунзе и Жданова, залеченных до смерти, да и Лаврентий Павлович, насколько понимаю, до суда не дожил. Слышал мнение, что и самого верховного тоже отравили. Вот тебе и закономерность. Кто-то пытается воспользоваться «эффектом табакерки». Похоже, мне нужно всерьез озаботиться именно личной физической безопасностью членов команды, благо в этом деле я кое-что смыслю. А еще лучше — обратить внимание их самих на решение этого вопроса. Желательно — без негативных примеров в лице потерянных от рук киллеров товарищей.

А вот лечить вечную неготовность России к реальной агрессии у меня рецептов нет. Интересуясь в свое время началом отечественной войны, я пришел к выводу, что единственной главной причины ее провального старта просто не существует. Могучий враг? Так сломали его потом, считай, в одиночку. Предательство? Тоже нет — Павлова расстреляли, но у Кузнецова-то с Кирпоносом дела немногим лучше шли. И, тем не менее, воевали. Какое-то предательство неполноценное получается. Неумение или нежелание воевать? Можно подумать, ранее кому-то удалось вермахт остановить! А нам удалось!

Вроде все перед войной делалось правильно, и политика была разумной, и армия многочисленной, и оружия хватало, но везде имелись какие-то недостатки. И вот, в решающий момент, эти недостатки наложились один на другой, многократно друг друга усиливая. Этаким «резонанс неудач». Я полностью отдавал себе отчет, что исправить все недостатки во всех областях для меня абсолютно невозможно, будь даже я верховным правителем. Раздолбайство, например, очень трудно исправлению поддается. Разве что под угрозой смерти, причем немедленной, как на войне. Но и в этом случае далеко не всегда. Поэтому оставалось только работать, исправляя то, до чего я мог дотянуться. При этом основная масса «косяков» все равно останется, и исключать будущее развитие событий по сценарию «резонанса» никак нельзя. А значит, и блокада — возможна.

Иллюзий, что войну можно вообще как-то предотвратить, я не испытывал. Слишком много времени, сил и средств было затрачено, чтобы она началась. Еще со второй половины

девятнадцатого века упорно раздувалось противостояние Германии и России, которое могло быть решено только полной победой одного из противников. Социально-политический строй в этом вопросе имеет далеко не первостепенное значение и является, скорее, предлогом, нежели истинной причиной надвигающихся событий. После версальского мира, в котором была изначально заложена перспектива германского реваншизма, глупо было бы ожидать, что эта заботливо прорубленная «дверь» не будет открыта и военная мощь Германии не будет реанимирована. Реанимирована с единственной целью — уничтожить СССР и самой при этом сдохнуть.

Все это я и раньше уже не раз обдумывал, но рассуждал как-то отстраненно и рационально, а сегодня, здесь, в Ленинграде, впервые именно прочувствовал до глубины души. Пока ехали в Смольный, в памяти отчетливо вставали фотографии и фильмы военной хроники, сожженные дотла деревни, руины Сталинграда. Война. И глаза людей, которые еще ни о чем не подозревают. И чувство вины знающего, но бессильного отвести беду человека. Видимо, это явственно отразилось на моем внешнем облике и так контрастировало с жизнелюбием моих спутников, что лично впусивший нас в кабинет Киров не удержался и спросил.

— Что, товарищ Любимов, не весел? Может, съел что-то не то с утра?

— А он, товарищ Киров, совсем не завтракал, — наивно ляпнул Акимов.

— Что, ресторан в «Англетере» не по нраву? Или командировочные экономишь? Нет, товарищ Любимов, ты мне полуголодный здесь не нужен! Сейчас чаю организуем, а обедать, и далее по списку, приходите в Смольный, я распоряжусь.

— Да при чем здесь еда-то! Вот мне сейчас подумалось, мы сюда приехали танки делать, враги наши тоже не спят, война будущая танковой будет, войной моторов. Очень подвижной и динамичной, с глубокими ударами на сотни километров, охватами и окружениями. А Ленинград — приграничный, по сути, город. Глядя на прохожих на улицах, тяжело думать, что мирные люди могут оказаться под ударом не только авиации, но и танков прямо в первый же день войны, совершенно неподготовленными.

— Ну положим, мы тоже не лыком шиты, — Киров враз стал серьезен. — Есть чем белобуржуев встретить. Но прав ты, конечно, товарищ Любимов, точат зубы соседи. Поляки, вон, чуть ли не тысячу танков в год строить собираются. Зачем? Да только по наши души! Вот и нам надо сделать так, чтобы наши танки их танки перетанчили. Потому и гонка с Т-28 такая. Будет у нас к первомаю средний танк, какого нет у поляков, — побоятся нападать. Вот какие задачи стоят нынче перед нами. Можно сказать — политические.

Мы все еще стояли, а Киров, отойдя к окну и немного помолчав, глядя не улицу, обернулся и продолжил:

— Это хорошо, товарищ Любимов, что вы не только решаете поставленные задачи, но и сами поднимаете вопросы. Это в большевистском духе — не останавливаться на достигнутом, впадая в ложную самоуспокоенность. Другое дело, что у нас есть военные, которые этими вопросами и занимаются, не будем отбирать у них хлеб. У нас своих дел невпроворот, но об этом мы с вами побеседуем отдельно, а пока решим вопрос с авиаторами. Товарищ Яковлев, прибыли вы к нам в гости эффектно, но вот провожать вас будем с Комендантского. А то этак вы повадитесь прямо перед Смольным садиться, аэродром здесь устройте. Ваш самолет, насколько мне известно, нуждается в ремонте...

— Товарищ Киров, АИР-5 готов взлететь в любой момент, — горячо заговорил Яковлев, ему, несмотря ни на что, это было крайне необходимо в «рекламных» целях.

— ...Нуждается в ремонте, — повторил Киров, — поэтому я приказал отправить аппарат на завод номер двадцать три, куда и вам сейчас надлежит выехать. По прибытии, когда определитесь с объемом ремонта, доложите в Смольный, чтобы определить дату обратного вылета. Будем вас провожать. Можете идти, удачи вам в работе.

— Спасибо, товарищ Киров... — Александру Сергеевичу только и оставалось поблагодарить, после чего они с Пионтковским вышли.

— Теперь с вами, товарищи двигателисты. Прошу присесть, разговор долгий. — Киров указал нам с Акимовым на стулья, а сам занял место во главе стола. — Знаю, прибыли вы сюда к нам по поводу танков. С конструкторами ОКМО вы, конечно, встретитесь, но я бы просил вас у нас задержаться. И вот по какому поводу. Меня волнует, прежде всего, вопрос организации производства на наших промышленных предприятиях. Вы, товарищ Любимов, по этой проблеме предложили сразу два интересных варианта. Первый, с женскими бригадами на производствах, требующих кропотливой работы, вопросов не вызывает. А вот второй — разбирался на уровне ЦК. И мнения по этому вопросу были самые разные, вплоть до крайностей. Вопрос решили положительно. Для вас, товарищ Любимов. Если интересуется то я голосовал против. При коммунизме денег быть не должно! А мы, получается, на жадности человеческой играем, развращая рабочий класс! Но ведь работает же! В общем, ЦК приняло решение, что зиловский подход наиболее соответствует текущему моменту и должен быть широко внедрен в практику. Сам принцип предельно ясен и четко сформулирован: «товар навстречу деньгам». А вот подводные камни, которые без сомнения есть, освещены не были. Вы, товарищ Любимов, как зачинщик, что можете сказать по этому поводу?

Вот к этой теме разговора я не был готов совершенно, поэтому взял довольно длительную паузу, благо меня никто не торопил.

— Подводные камни? То, что на поверхности — факт, что за год в моторном три начальника цеха сменилось. Первый ушел на партийную работу, потому как на производстве от него толку не было. Второй, из рабочих, сам понизил себя в должности до мастера. Третий, Рожков, чувствую, пришел надолго. Организатор от Бога! И бессеребренник. Потому что при такой системе не определен критерий, по которому оценивается работа руководителя, ему среднецеховую зарплату начисляют и все. А недостатки в его работе, если случаются, на виду у всех. От рабочих иногда слышать приходилось, что начальник свой хлеб зря ест. На партсобраниях этот вопрос тоже поднимался. То есть при массовом внедрении системы потребуется резерв для замены несостоятельных руководящих работников. Учитывая, что многие из них — члены ВКП(б), может подрыв авторитета партии быть. Текучесть кадров на производстве тоже первое время будет высокой, пока коллективы не приработаются. Что же касается непосредственно самой работы, то система получилась саморазвивающаяся. У нас, на ЗИЛе, уже проблемы из-за этого начались. В процесс осмысления строительства двигателей включилась масса рабочих, поступают предложения по рационализации, пока мало, но мы уже не успеваем их всех рассматривать. Было выявлено два случая изменения технологии явочным порядком, без согласования с инженерами. Вреда от них, к счастью, не было, сплошная польза, но тенденция настораживает. Требуется прикладывать значительные усилия, направляя творческий процесс рабочего коллектива в нужное русло и отсекая удобные для рабочих, но губительные для моторов нововведения. В основном пока такие замечены в плане упрощения изготовления мотора за счет ресурса. Хотят больше моторов сдавать и, соответственно,

денег получать, а то, что мотор через полсотни километров пробега ломается — так это проблемы водителей уже. Необходимо вводить гарантийный срок эксплуатации в критерии оценки стоимости изделия, но руководство завода против. Вот так.

Сергей Миронович, слушая, улыбался все шире, а когда я закончил, уже не сдерживаясь, принялся откровенно ржать.

— Мне б твои проблемы, товарищ Любимов! Чтоб негодные руководители сами бежали и техника сама конструировалась! Кстати, подрыв авторитета партии — тоже вымышленная проблема. У нас партия какая? Рабочая! А если работать не умеешь, а можешь только болтать, то и делать тебе в ВКП(б) нечего! Незаменимых людей нет! Зато примазавшихся и прямых вредителей полно!

Я серьезно смотрел на Кирова и думал про себя, что с такими подходами ему действительно никак не светит своей смертью помереть. В то же время сам-то я рассуждал наедине с самим собой точно так же! Это что, я тоже кандидат в жертвы политического террора?

— Завидую вашему юношескому максимализму, Сергей Миронович, но все в меру должно быть. Если с руководителями можно и должно поступать жестко, то рабочие коллективы требуют деликатного отношения. Нельзя людям по рукам лупить, отбивая охоту выдвигать инициативы. Надо как-то решать вопрос обработки и оценки поступающей информации, а это требует расширения инженерного состава производств. Обученных людей взять просто негде. Кроме того, у инженеров тоже голова на плечах и собственные мысли в ней имеются, то есть количество рацпредложений растет как снежный ком. У нас на заводе вся эта свистопляска только начинается, но уже отвлекает от создания новых конструкций. К примеру, вопрос с переходом на один размер резьбовых соединений и замену винтовых соединений болтовыми. Вроде все просто и правильно, но мы над этим уже три месяца бьемся. Если крепеж другой, то сколько болтов и где? А «снизу» еще поправляют: «с новым крепежом собирать неудобно». Вот и не знаешь, что делать. Хотел КБ вообще разделить на группу сопровождения серии и группу новых конструкций, но тогда возникает разрыв и есть шанс потерять в новых моторах то, что уже отработано на старых.

Киров слушал внимательно, поглядывая на молча кивающего Акимова, пытаюсь не упустить ни одной мелочи из всего того вороха информации, что я вывалил на его голову. В конце концов, какая-то цельная картина у него сложилась, и он задал уточняющий вопрос.

— Значит, вы считаете, что переход на новую организацию преждевременный? Следует подождать, пока наработаем кадры?

— Я считаю, что надо отработать систему. Остальное — вторично. А если в нее палки вставлять, как с гарантийными сроками, которые могут повредить репутации заводов, то получится сплошная неполноценность. Компромисс, который хуже любой крайности. Вот, скажем, выдвинул рабочий идею и даже знает, как ее воплотить. Идея стоящая, но ее надо проработать. Прорабатывает инженер. Деньги платятся процентом от стоимости серийных изделий. Кому они причитаются? Рабочему, который придумал, или инженеру, который проработал? Если рабочему, то зачем инженеру время впустую тратить, если все равно не заплатят? Если инженеру, то какой смысл высовываться рабочему? Если каждому, то какой смысл государству переплачивать вдвое? Если пополам делить, то опять инженеру смысла нет работать за полцены, своих дел полно. Все эти вопросы не решены пока и требуют обкатки в реальных условиях. Причем не факт, что то, что на заводе, где продукция массовая, хорошо, будет таким же на заводе, где продукция уникальная.

— Товарищ Любимов, ты коммунист или нет? — начал раздражаться Киров, переходя на «ты». — Что ты здесь никак определиться не можешь? Все уже решено, новая организация будет. Нам надо перегибов, как с коллективизацией, избежать. Поэтому о подводных камнях конкретно и спрашиваю, а ты мне здесь туман разводишь! Давай так сделаем, заодно и второй мой вопрос решим, объединим вместе все ленинградские заводы, и по каждому, ты мне свое мнение скажешь. Само собой, говорить об этой стороне нашей поездки никому не будем. Основная цель — познакомить тебя с производствами, где планируется твои моторы использовать. Для лучшего взаимопонимания, как с танкостроителями. Ведь на танках свет клином не сошелся, у нас и кораблестроение, и авиация, трактора, наконец. Особенно последние нам важны — северо-запад угля-нефти не имеет, торф только, разработан метод его фрезерной добычи, но для нее нужны мощные трактора. Желательно, чтобы они сами тоже на торфе работали. Можно твой мотор на генераторный газ перевести?

Теперь пришла моя очередь переваривать полученную информацию. Видимо, Сергей Миронович крепился, но потом не выдержал и вывалил все, что крутилось на уме, сразу одной кучей.

— Мы подумаем, — ответил я, выигрывая время.

— Что подумаете, ехать или нет? Или про мотор?

— Конечно, по заводам обязательно нужно посмотреть, — я быстро поправился, тут мои интересы пристроить 130-й мотор полностью совпадали с интересами машиностроителей. — А подумаем насчет газа. Но сначала мне с товарищем Акимовым необходимо решить вопрос, ради которого нас и посылали в командировку.

— Вместе поедем на 174-й завод, там вас уже заждались, поди. Там и пообедаем.

Эпизод 7

Снова неспешный переезд по зимнему городу. «Форды», казалось, медленно крались по заснеженным улицам между высокими снежными валами, сужающими во многих местах проезжую часть и скрывающими, кое-где до половины, первые этажи фасадов домов. Лишь на многочисленных набережных было просторнее, снег сбрасывали на речной лед. Таковую же картину приходилось видеть и в Москве, снег там тоже никто не вывозил, но в столице для его складирования часто использовали бульвары, что несколько скрашивало картину. Здесь же было полное ощущение, что едешь мимо снежной крепости.

«Форд-А» с брезентовым верхом — не самое лучшее средство транспорта в холодный период года в наших условиях. О комфорте говорить не приходится, так машины еще и часто скользили. Стоило только чуть прибавить скорости, как машина на повороте уходила в занос. То же самое касалось и интервалов в колонне, которые были так велики, что прохожие, выскакивая из-за снежных валов, переходили улицу между автомобилями, не особенно торопясь. В моих глазах все это выглядело прямо-таки настоящим раем для убийц.

Размышляя подобным образом, я, глядя в окно, невольно сосредоточил внимание, как мне казалось, на потенциально опасных прохожих, поэтому сам себя лишил возможности осмотреть достопримечательности довоенного Ленинграда. После проезда ворот завода, который сам по себе оказался маленьким городом, Киров предложил пройтись пешком и весь путь до заводууправления рассказывал о производстве, размахивая рукой в сторону

цехов. Чувствовалось, что секретарь Ленинградского обкома держит руку на пульсе и любые нюансы заводской жизни знает туго. С попадавшимися навстречу рабочими Сергей Миронович запросто здоровался за руку, зная многих по имени, это тоже говорило о многом. Как и то, что сами пролетарии разговаривали свободно, не стесняясь. То, что Кирова любили и уважали как руководителя, было заметно невооруженным глазом. А вот его охрана мышей совершенно не ловила, сбившись в кучу и следуя за нами на почтительном удалении, чуть ли не пятнадцать-двадцать метров. Случись чего — их реакция неминуемо опоздает.

Перед входом в заводоуправление нас встретила группа серьезных товарищей с сосредоточенными хмурыми лицами. У меня сложилось полное впечатление, что нам не рады. Хотя это самое «нам» относилось, похоже, только ко мне, так как Киров и Акимов, не обращая внимания на настрой встречающей делегации, принялись радушно здороваться и им отвечали взаимностью. Где ж мне было тогда знать, что в ОКМО твердо решили выбить из московских гостей 500-сильный движок и уговорились стоять на своем до победного конца?

Сергей Миронович представил меня сразу всему конструкторскому коллективу завода № 174.

— Наслышаны... — хмуро долетело из задних рядов.

— Прошу любить и жаловать. Надеюсь, что вы, товарищи, общими усилиями найдете наилучшее решение и выполните поставленную партией задачу. Мы, Ленинградский обком, со своей стороны, окажем любую необходимую помощь, — добавил Киров официальным тоном и пошел вместе со мной от человека к человеку, глядя, как я знакоюсь с инженерами.

— Сиркен, Константин Карлович, директор завода... Барыков, Николай Всеволодович, начальник ОКМО... Гинзбург, Семен Александрович, заместитель... Цейц... Троянов... Алексенко...

Про Гинзбурга и Троянова я кое-что знал, остальные были для меня, в полном смысле слова, незнакомцами. Но я ощущал, что прикасаюсь к легенде, передо мной стояли люди, с которых началось отечественное танкостроение. Раньше, работая с конструкторами ЗИЛа, таких чувств у меня не было совсем, нормальные рабочие отношения. А здесь — все иначе. Что ни говори, но танки — особый случай. У каждой страны есть какое-то свое техническое направление, в котором наиболее полно отражается национальный характер. Для Англии — корабли, для Штатов — автомобили, а дух Советского Союза, на мой взгляд, наиболее полно воплотился именно в танках. Русских танках, простых и многочисленных, но при всей простоте, мощных, надежных и неприхотливых, готовых вынести любые нагрузки, тихо дремлющих в боксах парков в мирное время, а в час войны — сметающих любого врага. Тем более странно было видеть перед собой не убеленных сединами корифеев, а, в сущности, очень молодых людей, немногие из них выглядели моими ровесниками, в основном — младше меня по годам.

Сиркен сразу же предложил нам осмотреть сборочный и опытный цеха, где мы могли увидеть машины «в железе». Сделано это было, как мне потом признались, с умыслом, чтобы показать, что ленинградцы тоже не лаптем щи хлебают. В сборочном не было ничего примечательного в плане организации производства, конвейер отсутствовал как таковой, а танки строились на одном месте от начала и до конца. Но там я впервые увидел новую модификацию Т-26, аналогов которых в моем пропавшем прошлом просто не было. Танк так и остался двухбашенным, но цилиндрические башни подросли в размерах и приняли диагональное расположение, левая чуть впереди правой. В каждой теперь, как на танке МС-

1, размещалось по 37-миллиметровой пушке и пулемету в отдельных установках. Впрочем, в большинстве уже собранных танков пушки отсутствовали или устанавливались только в одной башне. Корпус танка теперь не имел «уступа» в корме, крыша моторного отделения была наклонной под большим углом от погона задней башни к кормовому листу. Я попросил рассказать мне об этой машине, что и сделал Гинзбург, можно сказать, с нескрываемым удовольствием.

— После успешного опыта с установкой в Т-26 компактного по длине оппозитного дизеля в моторном отсеке высвободились довольно значительные объемы. Первое время мы не могли их рационально использовать, так как был задел готовых корпусов, а также, мешал запрет УММ РККА вносить изменения в конструкцию танка. Поэтому первоначально в эти объемы разместили дополнительные топливные баки. Такие танки вы могли видеть на параде в Москве в годовщину революции. Это было вынужденное решение, не рациональное. Получалось, что запас хода по топливу превышает запас хода по гусеницам в разы, в реальной боевой обстановке нет никакого резона заправлять под пробку. Эти соображения мы и представили УММ РККА, где нам, учитывая положительный опыт с мотором разрешили усовершенствовать конструкцию корпуса. Удлинив боевое отделение больше чем на полметра в сторону кормы, мы смогли установить на танк две башни увеличенного размера с усиленным вооружением на той же базе, сохранив при этом и достаточный запас хода в 250 километров. Масса танка, само собой, выросла, что вынудило нас усилить подвеску, увеличив количество и толщину листов рессор. Трансмиссия и двигатель остались без изменений. Танк уже прошел испытания, показан в Кремле руководству партии и принят на вооружение РККА, являясь на данный момент сильнейшим среди машин сравнимого веса.

Я довольно хмыкнул, оценивая размеры боевого отделения новой машины. На глаз выходило, что туда можно будет воткнуть одну башню, но, гораздо больших габаритов, чем знакомая мне единая для БТ-5-7 и Т-26. А значит, и вооружение будет серьезнее, чем 45-миллиметровая пушка. Кстати о пушках.

— А почему у вас часть машин без вооружения стоит? Планируете что-то менять?

Гинзбург замялся, но на выручку ему пришел директор завода.

— Мы с самого начала рассчитывали на длинноствольную ПС-2, но до сих пор не получили ни одной, поэтому временно устанавливаем «Гочкисы» из старых запасов, — пояснил Константин Карлович. — Однако запасы эти не беспредельны и уже заканчиваются. Рассматриваем сейчас вопрос о возврате к чисто пулеметному вооружению, по три на башню.

Я хмыкнул еще раз, теперь озадаченно.

— Какой смысл? Лучше одну башню с серьезной пушкой иметь, чем две с пулеметами. Все равно в каждой малой башне по одному стрелку, ему одного пулемета — за глаза. На худой конец, хоть огнеметы вместо пушек установите. Только чтобы пушечные танки от огнеметных внешне не отличались.

Я сказал это буднично, понимая, что Т-26 — машина «учебная», а не основной танк будущей войны. Но ленинградцы, видимо, расценили мои слова как посягательство.

— Вы лучше двигатель помощнее дайте, с вооружением как-нибудь разберемся, — молчавший до того Барыков тоже принял участие в разговоре. — Это вообще не от нас зависит. С военными согласований на полгода.

— Как первый ГПЗ заработает — дадим, — охотно согласился я, — наработки есть. Трансмиссия выдержит? Помнится, летом с коробкой приключения были. Может, вам

зиловскую дать? Полноценный мобилизационный танк получится с максимальным использованием автоагрегатов...

— Выдержит, у нас тоже наработки есть, — не согласился Барыков. — А пять скоростей, уже освоенных, на четыре менять — смысла не вижу.

— Ну как знаете. Моторное производство покажете? Хочется посмотреть, как и где 130-й мотор будет выпускаться.

Перейдя в интересующий меня цех, я мог наблюдать картину, до мельчайших деталей повторяющую то, что только что видел. По всему цеху стояли на козлах моторы М-5 разной степени готовности, с каждым занималось по два-три человека. Нашлись здесь и два наших Д-130-2, высланных заранее по железной дороге с соответствующей охраной. Причем один мотор был уже полуразобран и единственный старый усатый дядька обмерял его детали, используя при этом линейку, кронциркуль и нутрометр, зарисовывая и записывая результаты карандашом на клочке бумаги. Вот те на! С таким подходом моторов мы еще долго не увидим.

— Здравствуйте, уважаемый. Не старайтесь впустую, я привез полный комплект чертежей с посадками и допусками, — сказал я, подходя к моторам, — а также технологические карты. Моторы же — для исключения ошибок в чтении чертежей и для установки в опытные танки.

Я открыл рюкзак и достал добрых килограммов десять бумаги. Дядька, покопавшись в них, развернул прямо на разобранном моторе один лист с чертежом поршня, внимательно посмотрел на него и, сравнив со своей «шпаргалкой», поднял на меня глаза, протянул руку и представился.

— Павел Кондратьич, уважаю, не то что наши, — он снисходительно кивнул на инженеров. — А то привезут готовый мотор, бросят, а нам ковыряться. Мы, конечно, не гордые, вон, М-5 таким порядком сделали.

Дядька говорил с чувством собственного достоинства, похоже, его авторитет на заводе был на недостижимой высоте и претензии к начальству он выдвигал запросто. Сиркен, спасая авторитет завода, тут же возразил.

— Полно тебе, Кондратьич, это когда было то? — и, тут же меня неудобную тему, повернулся ко мне. — Мотор, который вы прислали, по документам 265 лошадиных сил. А где ваш двойной? Или вы его только в чертежах привезли?

— Нет пока этого готового мотора. Ни в чертежах, ни в металле, он пока в работе, и на быстрое его появление рассчитывать не следует. Там с одним новым компрессором заморочек... А здесь два ПЦН-100 стоят, стандартные.

— Так дело не пойдет! — горячо возразил Барыков. — Новый танк Т-28 — машина! Вы наверное, просто не осознаете, какая! Пройдем в опытный цех, там прототип с мотором М-5 стоит, почти готовый. Даже при одном взгляде вам сразу понятно станет, что такой маломощный двигатель для него не годится. А еще, мы, признаться, очень рассчитываем, как и в случае с Т-26, значительно увеличить боевую мощь дизельного варианта по сравнению с прототипом.

— Ну что ж, пойдём, глянем на ваш шедевр, — я покладисто согласился, впрочем, не собираясь уступать. Т-28 я представлял себе довольно хорошо и тоже продумывал варианты. По моим прикидкам выходило, что если отсечь от этой машины все лишнее — пулеметные башенки, огромное МТО, то опозита Д-130 вполне хватало. Правда, тогда я еще не представлял себе всей высоты полета фантазии как конструкторов, так и военных

заказчиков, которая привела почти к трехдневным спорам, именуемым нами впоследствии в шутку «Невской битвой». Впрочем, какие шутки? Победа на поле боя начинает коваться задолго до войны, в том числе и в конструкторских бюро.

Увидев воочию прототип, стоящий пока без гусениц и вооружения, который, за исключением мелких деталей был знакомым мне Т-28, я справился о его массе. Оказалось, что вес его всего 18 тонн. Прикинув соотношение мощности Д-130-2 и массы танка, примерно равное 15 силам на тонну веса, указал на то, что этого вполне достаточно для обеспечения хорошей подвижности.

— Как вы не понимаете, — увидев, что я вовсе не впечатлился, горячо возразил Гинзбург. — Компактный дизель опять даст возможность увеличить боевое отделение и поставить туда более мощное вооружение. А значит — вес растёт. Все это мы уже на Т-26 проходили. У нас сейчас на танке М-5 стоит 360-сильный, новый дизель не может быть менее мощным. Вот, взгляните на варианты новой компоновки.

Прямо на ближайшем верстаке были разложены чертежи танков, которых роднила только ходовая часть. Мама родная! Пять башен, из которых четыре пулеметные! Недомерок Т-35! А вот здесь три, но одна из них от нового Т-26 с 37-миллиметровой пушкой. Главная башня при этом сдвинута назад, а водитель сидит в бронеколпаке. Опять недомерок Т-35, на этот раз по количеству башен.

— И это еще не все, — решил добить меня Барыков, — нами прорабатывается тяжелый пятибашенный танк прорыва весом в тридцать пять тонн. Ему без мощного мотора никак не обойтись. Даже пятисот сил мало.

— А нельзя ли вообще от малых башен отказаться? А заодно и от тяжелых многобашенных танков? Вес машины снизится и мощности хватит, — я убежденно начал доказывать то, что для меня являлось прописными истинами. Упирал на невозможность управления огнем малых башен со стороны командира танка. Взгляды, которые остановились на мне, словами не передать. Жалостливые какие-то.

— Три башни, а лучше пять, абсолютно необходимы для танка прорыва по тактическим соображениям. Он, дойдя до вражеских траншей, встанет над ними и прижмет пулеметным огнем малых башен вражескую пехоту, а пушка и пулемет в большой башне будут отражать контратаки. Т-26, идущие следом, также встанут и будут вести продольный огонь вдоль вражеских позиций в обе стороны. Таким образом, минимум первые две вражеские траншеи будут подавлены, наша пехота выйдет на штыковой удар без потерь от ружейно-пулеметного огня. Если у врага траншей больше — значит, больше и танковых эшелонов, — наперебой просвещали меня насчет новейших тактических воззрений ленинградские конструкторы. Тут-то и нашла коса на камень. Я-то прекрасно представлял себе, во что выльется подобная практика, и не стал скрывать это от оппонентов. Мои аргументы были просты — меньше бесполезных башен, значит, лучше бронирование или подвижность. И то и другое способствует выживанию танка на поле боя, а горелые коробки все равно ничего подавить не смогут. Спорили до хрипоты, но ничего не добились друг от друга, разошлись на обед и, воспользовавшись паузой, ленинградцы пожаловались на меня в Москву, в УММ РККА.

Когда мы снова собрались, на этот раз в кабинете Сиркена, директор, лукаво улыбнувшись подозвал меня к телефону. На проводе был Бокис, который в жесткой форме выговорил мне, что пара статей в журналах не дает мне право определять ТТХ танков по собственному усмотрению, и категорически потребовал от меня 500-сильный мотор. Я не менее любезно ответил, что военные могут сходить с ума, как хотят, пусть хоть десять башен

ставят, но мотор будет в 265 сил. Густав Густавович в ответ сообщил мне, что выезжает в Ленинград и завтра утром, если я не дам требуемого, лично расстреляет меня как саботажника, после чего бросил трубку.

— Товарищ Любимов, а почему вы не хотите дать нашим конструкторам, чего они требуют? — Киров, отложив все дела, неотлучно присутствовал во время наших споров, взяв на себя роль арбитра. Видимо, вопрос Т-28 действительно был очень важным. Сейчас, видя, что на меня напали со всех сторон, он решил дать мне возможность привести свои аргументы именно как моторостроителя.

— Нам поставлена задача дать Т-28 к первому мая, так? Значит, танк нужно делать из тех комплектующих, которые уже есть в наличии. Сейчас мы располагаем только Д-130-2 и только в опытных образцах. Он даже еще не серийный. На освоение в серии этого мотора меньше полугода не уйдет. А Д-130-4 вообще еще нет. Вернее — нет для него компрессора, который надо создавать с нуля. Опыт Чаромского с АН-130-4 мы использовать не можем — на нем компрессор с алюминиевым реактивным колесом и без фрикционной муфты, которая на авиамоторе без надобности. Для Д-100-2 мы разрабатывали ПЦН полгода. Подведем итог — Д-130-4 требует полгода на разработку и полгода на освоение в серии. К первому мая 1932 года не успеваем никак. Это раз. По опыту серийного производства ЗИЛа, объем выпуска двух- и четырехцилиндровых моторов различается на порядок. Если сосредоточимся на последних — брака будет сверх всякой меры, что отразится на цене двигателя. Это два. Выводы из вышесказанного просты. Если хотим десять танков в год, начиная с первого мая 1933-го, то ставим на Т-28 четырехцилиндровый 530-сильный мотор. Если хотим сотни танков в год с первого мая 1932-го, то урезаем осетра и ставим Д-130-2 в 265 сил. Товарищи, — я обратился сразу ко всем присутствующим, — давайте будем реалистами, а не фантазерами. Давайте будем использовать то, чем располагаем, а не то, что нам хочется. К примеру, танк у вас без вооружения стоит, готов голову дать на отсечение, что пушки готовой к нему нет. Правильно? По глазам вижу — угадал. С таким подходом мы точно до конца 1933-го года провозимся.

— Ну пушку, положим, нам твердо обещали, — возразил Барыков.

— Новую? Не освоенную в серии? А если у нее букет детских болезней будет? Тогда что? — Здесь я беззастенчиво пользовался своим послезнанием, твердо помня, что на Т-28 вынужденно ставили КТ, так как специальная танковая пушка, названия которой я не помнил, в серию так и не пошла. Время поджимало, поэтому требовалось сразу подтолкнуть танкостроителей к этому простому решению. — Мой вам совет — возьмите полковую пушку 1927-го года и ставьте в танк ее. Она серийная. Если какие доработки нужны, то сделать их всяко проще, чем конструировать орудие с нуля.

— На это мы никак пойти не можем, хотя такая пушка у нас уже есть, ее на опытной СУ-1 смонтировали, — встрепенулся Киров, — у «Красного путиловца» есть план по выпуску полковых орудий, который нельзя не выполнить.

— Правила создаются, чтобы их нарушать, — нагло улыбнулся я, намеренно сгущая краски. — А планы, чтобы их корректировать. Все равно этот карамультик устарел еще до принятия на вооружение. Ее лафет не обеспечивает эффективной борьбы с танками и не подрессорен. В будущей войне моторов, где армии будут передвигаться на бронетехнике и автомобилях, ей места мало остается. Стволы же, установленные в танки, принесут несравненно больше пользы. Впрочем, отдав качающиеся части для Т-28, можно выиграть время для разработки нового лафета с раздвижными станинами.

Дело принимало уже нешуточный оборот, перерастая рамки чисто танковых вопросов, выходило, минимум на уровень руководства Ленобласти, а то и выше. Присутствие Кирова поэтому оказалось как нельзя кстати. Вот ведь интуиция у человека, будто знал, что без него не разобраться! Впрочем, ему самому требовалось все обдумать, поэтому Сергей Миронович предложил встретиться на следующий день, в расширенном составе.

Остаток дня я провел в моторном цеху 174-го завода, утрясая с его руководством план перехода на новую модель, беседуя с мастерами и рабочими, которые порадовали своей высокой квалификацией. По всему выходило, что наш расчет на использование уже имеющихся технологий оправдывался и дооснащения цеха не потребуется, но будет необходимо ввести те же мероприятия, что и в Москве, то есть обеспечить шаблонами и эталонами, измерительным инструментом, в частности — весами, создать участки предварительной комплектации шатунно-поршневых групп. Несколько облегчало задачу то, что топливную аппаратуру ленинградцы должны были получать со стороны. Вечером, усталый, но в целом довольный, еле дополз до своей койки.

На следующий день «Невская битва» достигла своего апогея. В обсуждении облика будущего Т-28 приняли деятельное участие Бокис в сопровождении слушателей Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования комсостава и Сяченгов от артиллеристов-путиловцев. Мне, с помощью Кирова, удалось отстоять свою позицию по применению массовых двухцилиндровых моторов, но с меня тут же потребовали увеличить их мощность. В принципе, Д-130-2 можно было, как показал Чаромский, форсировать до 315 лошадиных сил за счет моторесурса, но мне крайне не хотелось этого делать. Я думал, что до войны время еще есть, поэтому лучше иметь на танках живучие моторы, обеспечивая более интенсивную подготовку экипажей. В итоге сторговались на 280 сил, что я мог обеспечить без форсирования, введя в конструкцию мотора опорные подшипники и вкладыши вместо баббитовых втулок. Ради Т-28 подшипники мне обещали выбить любыми путями, во что я слабо верил, так как на ЗИЛе именно они сдерживали массовое производство и большей частью закупались за границей, меньшей — поступали с ГПЗ-2. А иметь один подшипник в моторе, или три — разница существенная.

А вот дальше началось самое для меня интересное — процесс отсеечения всего лишнего ради уменьшения веса. Пятибашенная компоновка для среднего танка отпала сразу: аргументов, чем пять башен лучше трех у моих оппонентов не нашлось. Трехбашенный танк тоже удалось слегка урезать, попеняв на отсутствие вооружения даже в серийных Т-26, поэтому обе малые башни стали чисто пулеметными. То есть все удалось свести к конструкции боевого отделения уже готового прототипа. Тем более что она изначально и задавалась техзаданием. В итоге Т-28 стал короче на метр и два катка. Корпус в корме стал значительно ниже, не возвышаясь над крыльями гусениц. Теперь масса танка должна была составить около пятнадцати-шестнадцати тонн, что не слишком, с 20 до 17 с половиной лошадиных сил на тонну снижало удельную мощность по сравнению с прототипом. Зато это шасси можно было получить быстро.

Дальше обсуждение шло уже целиком вокруг вооружения главной башни, и здесь все наседали уже на Сяченгова. Его 76-миллиметровая пушка ПС-3, которую изначально планировали ставить в танк, была только на стадии проектирования, поэтому прототип Т-28, за неимением лучшего, вооружили 37-миллиметровой ПС-1. Теоретически. Этой пушки пока тоже не было. Между тем, сроки поджимали, и мысль приспособить для Т-28 отработанную полковую пушку уже не казалась еретической. По крайней мере, ее можно было получить

быстро. Но против такого решения стали категорически возражать танкисты, им требовалось орудие именно для отражения контратак, в том числе танковых. Поэтому низкая начальная скорость снаряда пушки 1927-го года их никак не устраивала. Хотя мощности орудия хватало для пробития брони любого современного танка, в него нужно было сначала попасть, что несравненно проще делать, имея орудие высокой баллистики.

Не мудрствуя лукаво я предложил належащую на качающуюся часть пушки образца 1927-го года длинный 45-миллиметровый ствол, сохранив прежний затвор. Такое простое решение привлекло ко мне пристальное внимание, но было воспринято неоднозначно. Наиболее емко сомнения выразил Бокис:

— Какой смысл изготавливать заново 45-миллиметровую пушку заведомо устаревшей конструкции, когда вот-вот промышленность даст современные? Ради выигрыша нескольких месяцев? Тем более, поступая так, мы теряем в весе снаряда для поражения других, не менее важных, целей.

Раздраженный тем, что военные выдвигали требования, не согласующиеся с достижимыми в короткие сроки возможностями, и не могли выбрать между противотанковой и противопехотной пушками, я сгоряча предложил «компромиссный» вариант, помня о ЗиС-2.

— Ну так уменьшите калибр полковой пушки не до 45, а до 57 миллиметров, одновременно удлинив ствол. Потребуется новый снаряд, а гильза останется прежняя, ее надо будет только переобжать на меньший калибр.

Слегка ошалев от моей прыти, и Бокис, и Сяченко, обещали подумать на эту тему. А пока для первых экземпляров Т-28 условились переделать имеющиеся 76-миллиметровые пушки. Все равно, если будет принято решение перевооружить танк, больших переделок не потребуется, противооткатные устройства-то одни и те же. Я же, решив ковать железо пока горячо, посоветовал изменить размещение экипажа в башне, посадив командира в затылок наводчику и оставив для заряжающего свободной всю правую половину. Аргумент привел только один, но убийственный: командир должен сохранить возможность управлять боем даже при выходе из строя ТПУ, а для этого он должен быть в прямом контакте с членами экипажа. Как с наводчиком, так и с заряжающим, что при прежней компоновке было невозможно. Танкисты меня полностью поддержали, а вот танкостроители и артиллеристы заартачились, так как им светило разрабатывать с нуля спаренную установку вооружения, но ничего поделывать не смогли. Заказчик всегда прав. А я полностью удовлетворился этой маленькой мстостью, пусть знают, как московскую «тяжелую артиллерию» привлекать.

Разобравшись с основными элементами Т-28, вновь вернулись к вопросу тяжелого танка Т-35. Вот тут мне досталось на орехи! Сам виноват, никто меня за язык не тянул, когда я говорил, что разработаю четырехцилиндровый мотор на 500–600 сил за полгода. Мои рассуждения о многобашенности просто игнорировались, ведь я не был военным-профессионалом, наоборот, в моих словах усматривали примитивное желание «отмазаться» от этой разработки, подозревая в саботаже. Пришлось смириться и пообещать нужный мотор. Однако аппетит заказчиков и конструкторов-танкостроителей, помноженный на энтузиазм, границ просто не знал. Стоило мне только согласиться, как мне заявили, что его мощность было бы неплохо удвоить. Причем этого хотели все, включая присутствующего Кирова. Даже Женя Акимов глядел на меня орлом, считая, что для нашего КБ преград не существует.

— Да не вопрос! Удвоить мощность? Пожалуйста! — я неожиданно для всех,

ожидавших от меня привычного уже сопротивления, легко согласился, но при этом уточнил: — Если вас не пугает наличие на моторах импортных комплектующих. А именно — многоплунжерных топливных насосов. Потому как мы пока такие делать не в состоянии. А когда будем делать, то будем ставить наверняка не в чудовищные бесполезные танки, а например, на подводные лодки, где они в сто раз нужнее. А пока — 600 сил максимум, извиняйте.

Киров усмехнулся, что-то пометив в своем блокнотике, но настаивать не стал, высказавшись в том смысле, что надо идти от малого к большому и сделать сначала танк с четырехцилиндровым мотором, а дальше — видно будет. На этом все и разошлись.

Третий день «Невской битвы» обернулся решением чисто технических вопросов по размещению нового двигателя на танке. Участие в их обсуждении принимали только инженеры, да еще наиболее упертые слушатели бронетанковых курсов. Здесь меня ждало полное разочарование, так как все свелось к наиболее удобному размещению системы охлаждения, вспомогательных агрегатов, фильтров, баков. Как бы то ни было, вносить изменения в компоновку и саму трансмиссию никто не собирался. Мотор просто поставили на место прежнего М-5, разместив его поверх дополнительного топливного бака. Такое решение потребовало от нас слегка изменить конструкцию навесного оборудования, убрав его из-под картера. Я, было, сунулся с проектом компактного МТО, без главного фрикциона, но зато с двумя бортовыми планетарными коробками, но мне просто и незатейливо посоветовали заниматься своим делом. А Барыков в шутку предложил сделку:

— Семен Петрович, меняю две бортовые планетарные коробки на один 1200-сильный дизель-мотор! Идет? А что ты на меня, товарищ Любимов, так смотришь? Задачи, между прочим, одного порядка. Мы те коробки тоже пока делать не можем, вот и посмотрим, кто из нас быстрее справится.

М-да, похоже, здесь я переборщил. Все-таки трансмиссия танка Т-80 не для тридцатых годов. Но, надеюсь, идея не пропадет втуне, хоть до планетарных механизмов поворота доработают — уже хорошо.

Эпизод 8

— Так что скажешь, товарищ Любимов, готов ленинградский рабочий класс к переходу на систему «товар навстречу деньгам»? — спросил Сергей Миронович спустя еще четыре дня, которые он неумоимо таскал меня по всем заводам, где хоть как-то можно было непротиворечиво «залегендировать» мое присутствие. Впрочем, посетили мы и такие производства, мое отношение к которым было буквально «притянуто за уши».

Завод «Красный треугольник», например. Именно отсюда шли шины на отечественные автозаводы. Ох, и озадачил я химиков вопросами! В первую очередь, меня интересовали, конечно, шины для односкатных колес вездеходов, которые были мне привычны. С протектором «елочкой» и возможностью регулирования давления. А вторым вопросом я просто сразил их наповал. Действительно, резина для карьерного самосвала, грузоподъемностью от 25 тонн и выше, — задача нетривиальная. Резинщики обещали подумать, если задача будет поставлена официально, разумеется, но, кажется, наиболее важные направления для себя уяснили, и я покинул их полностью довольным.

А вот на Ижорском заводе, где, как и Дыренков, собирались бронировать ЗИЛ, меня

ожидало полное фиаско. Я сунулся туда, было, с проектом БА, который обрисовал в Москве Лихачеву. Так меня снисходительно похлопали по плечу и посоветовали прикинуть длину сварных швов несущего корпуса с разнесенным бронированием. В сравнении с любым другим. Получилось не очень хорошо — разница на порядок. А учитывая, что варилось все медленно, вручную, то ни о какой массовости речи идти не могло. Впрочем, ижорцы заверили меня, что и обычный бронекорпус они со временем сделают не менее защищенным. Пусть пока толщина танковой брони не превышала 13 миллиметров, а варить могли не толще 9, но работа шла, и годика через два укороченный ЗИЛ-6 обещали «догрузить» сварной броней 20–30 миллиметров, полностью выбрав его грузоподъемность. Пока же, посмотрев чертежи бронекорпуса будущего броневика, я в целом остался доволен. Слабым показалось вооружение из 45-миллиметровой пушки и двух пулеметов, но, помня 174-й завод, я не полез спорить. Все равно неполноприводные броневики — средство сугубо вспомогательное.

Завод «Красный Путиловец» поразил разнообразием своей продукции, от пушек до тракторов. Первые мне, конечно, не показали, рылом не вышел, а вот со вторыми бегло познакомили. «Фордзон», что не могло не радовать, собирались снимать с производства, заменив на более совершенную конструкцию. Судя по некоторым оговоркам, это самое совершенство собирались брать все там же, то есть за бугром. Хитрыми заходами, рисуя воображаемые картины карьерной добычи полезных ископаемых, строительства плотин гидроэлектростанций, вбросив под конец информацию, что 174-й завод будет делать дизельный двигатель в районе 250–300 сил, навел местных кулибиных на мысль о мощном промышленном тракторе. Глазки загорелись. Правду сказать, в скором времени должны были вступить в строй Харьковский и Сталинградский заводы, «путиловцы» при таком раскладе становились «одними из», а отнюдь не производителями уникальной продукции всесоюзного масштаба. «Заводской патриотизм» просто обязывал выдать что-то такое, что другим не по плечу. Промышленные тракторы становились для завода, у которого в помине не было конвейера, палочкой-выручалочкой. Их не требовалось так много, как сельскохозяйственных. Мне же было до жути интересно, где они будут искать подходящий прототип, видно ребятам придется приложить свои головы и руки и выкручиваться самостоятельно.

Правда, пришлось потом поспорить с Кировым по поводу моих пожеланий. Вот уж не ожидал, что он, в стиле Тухачевского, поставит танки на первое место. Все, конечно, было не настолько запущено, но мысль, что постройке танков ничего мешать не должно и все необходимые ресурсы, включая моторы, будут направлены именно туда, прозвучала однозначно. Несмотря на все мои убеждения, что победа, в любом случае, будет достигнута тем оружием, которое будет изготовлено в ходе войны. А значит, важнее иметь не многочисленное танковое поголовье, а промышленность, способную дать его в нужное время. А для этого нужны трактора.

Авиазавод № 23 не произвел на меня вообще никакого впечатления, он неспешно выпускал У-2 и амфибии Ш-2, что, впрочем, объяснялось не ограниченностью возможностей или какими-то производственными сложностями, а наличием моторов. Вернее отсутствием этого самого наличия. Хотя мы и направляли на московский 22-й завод комплекты поршневых, но отнюдь не сотнями в месяц, а по пять-шесть десятков, большего от нас и не требовали. Видимо, автомобилестроение, на данном этапе, было важнее учебной авиации.

Балтийский завод № 189 преподнес мне неожиданный и, не скрою, приятный сюрприз. Вначале все шло как обычно, мы осматривали цеха, но к самым стапелям, где сейчас строились подводные лодки, меня не допустили. Как двигателяста просто проинформировали, что для них требуется двигатель не менее 600 сил, которого у меня пока еще не было. Работайте, мол. А вот в крытом эллинге, где строился насквозь несекретный рыболовный сейнер, я встретил старых знакомцев из бывшего КБ-2. Разговорившись, я выяснил, что из затеи с теплопаровозом ничего путного не вышло, очень уж он был сложен. Но, что плохо для паровоза с кулисой, то не имеет никакого значения для парохода с коленвалом. Вот этот сейнер и был первым опытным теплопароходом, где скрестили машину тройного расширения и дизель. Выигрыш обещал быть неплохим, в плане экономии топлива, скорость также должна была подрасти по сравнению с первоначальным проектом с 9 до 11 узлов. Осталось только порадоваться находчивости товарищей, нашедших свою «экологическую нишу» на пользу и себе и рабочему государству. По внешнему их виду уже никак нельзя было сказать, что это вовсе не товарищи, а граждане, да и конвоя поблизости заметно не было.

Самым же интересным для меня было посещение завода «Двигатель». Мое появление там никак нельзя было объяснить производственной необходимостью, поэтому пришлось выступить в роли зачинателя женских бригад, работой которых местные товарищи и должны были похвастаться. И здесь уж, хочешь не хочешь, но торпедное производство мне продемонстрировали. На фоне оптимистичных докладов начальника завода о выполнении плана весьма кисло выглядел военпред. Причина оказалась проста и незатейлива, мореман, воевавший на эсминцах еще в империалистическую, торпедами был недоволен и ругал на чем свет стоит ОСТЕХБЮРО, которое, по его мнению, занимается непонятно чем, вместо того чтобы увеличить дальность хода торпед. Действительно 53-27, хоть и избавилась от производственных недостатков, таких, как плохая герметичность и неудовлетворительная работа автомата глубины, по-прежнему позволяла применять ее только с подлодок. Для катеров и эсминцев подойти на дистанцию выстрела означало практически самоубийство. Слово за слово, я незаметно для себя поведал все, что знал из прошлой жизни о японских кислородных торпедах с их «воздушным пускатом» и, не останавливаясь на достигнутом, посоветовал применять вместо машин центростремительные турбины, как наиболее компактные по длине. «Прицепом» к ним пошли кольцевые насадки на многолопастные винты. Отвечая на вопрос: «Зачем все это, если отработанные машины есть?», я сразил моремана наповал откровением об акустических головках самонаведения, которым гремящие машины с редукторами будут мешать. Принцип действия тоже обрисовал, как классический, так и наведения по кильватерному следу. Едва я только замолк, задумавшись о том, что бесполезной информации не бывает и что не нужно было в прошлой жизни, оказалось востребованным в этой, моряк сорвался с места и скрылся из виду со скоростью торпедного катера, видимо побежал к телефону накручивать хвосты спецам из ОСТЕХБЮРО. Директор же завода прямо спал с лица, его мысли прямо читались как открытой книге. Его можно понять — размеренная планомерная штамповка знакомых изделий под угрозой, грядут времена освоения новых конструкций. С неизбежными срывами, провалами, нервотрепкой.

— ...Так что скажешь, товарищ Любимов? — повторил Киров свой вопрос, вырывая меня в реальность из воспоминаний о сумасшедшей неделе.

— А что сказать? Все уже без меня решено, — я принял смиренный вид покорившегося

судьбе человека. — Но, думается мне, нельзя это делать сразу. Именно для того, чтобы постепенно внедряя новое, выявлять все шероховатости и своевременно их исправлять. Темпы развития, как следует из газет, у нас самые высокие в мире, поэтому никакой штурмовщины и спешки допускать нельзя, нет причин. Промышленность — это вам не отсталое сельское хозяйство, которое на ноги можно было только коллективизацией поставить. Пусть рабочие коллективы сами решают, как им жить. А чтобы была наглядность, направим вам в командировку для освоения 130-го группу моих инженеров и рабочих из моторного. ЗИЛовцы, на них насмотревшись, уже всеми конечностями за новую систему проголосовать готовы, а как постановление выйдет, так их уже ничто не удержит. Будем надеяться, что и в Ленинграде также все обернется. Никакого принуждения, никакой агитации, только положительный пример и все. Наверное, допустимо даже придерживать, разрешая вводить новую систему самым достойным. Вот увидите — жалобами на косность завалят. Запретный плод сладок. Так, лет за пять-десять все и перестроим. Вот такой мой вам совет.

— Нет, товарищ Любимов, все-таки ты не большевик, — досадливо ответил Киров. — Где решительность твоя? В нашем, большевистском духе — ставить вопрос ребром и давать ответ окончательно и бесповоротно! А главное — своевременно! Не растягивать резину на десятилетия...

— Ох, Сергей Миронович, как бы вы с бесповоротной решимостью дров не наломали, — уже подходя к машине, которая должна была отвезти меня на вокзал, заметил я. — Хорошее дело похерите.

— Не беспокойся, если где и ошибемся — исправим. Также решительно.

Киров, улыбнулся и протянул руку. Ох уж эта его манера, говорить с серьезным видом, так, что не понять, шутит он или нет. Хороший ты человек, Мироныч, горячий через меру только, жаль будет, если тебя убьют.

Эпизод 9

— Петрович, ну расскажи про Ленинград! Что вы там решили-то? — явившись домой к завтраку, я попал на форменный допрос, который мне учинили комсомольцы, у которых выдался выходной. Жена пока помалкивала, ее очередь, чувствую, придет, когда останемся наедине.

— Товарищ Милов, вам понятие «государственная тайна» знакомо?

Петя растерянно кивнул в ответ.

— Вот и не спрашивай.

— Расскажи хоть как долетели, что видели, раз остальное не доверяешь, — обиделся комсомолец.

— Да что рассказывать-то? Полетели, поплутали, прилетели, сели, все.

— А правда, что самолет самодельный был? — лягнула Маша. Вот мне еще не хватало, чтобы жена волновалась!

— Нет, не правда. Его на заводе строили. Просто он мимо плана шел, в свободное от работы время и на средства ОСОАВИАХИМА.

— Ой, а может, нам что-нибудь такое построить? Что скажешь, Петь? — Машка-заводила толкнула Петра локтем в бок и выразительно посмотрела.

— Петрович, действительно, чем мы хуже? Я как в газете про полет прочитал...

— Та-а-а-к! Сговорились, значит? И что же вы строить хотите, если не секрет?

— Да мы сами еще не знаем. И так прикидывали, и сяк. Хотим мотоцикл или машину какую легковую, но мотора нет. Вот если бы ты нам мотор сделал...

— Ну уж нет! У меня дел невпроворот, 130-й в серию запустить, «двойной» проектировать, да еще задумки есть важные, но в стороне. Так что, здесь на меня не рассчитывайте.

— Петрович, ну помоги, пожалуйста! Маха уже всю плешь проела, да еще говорит, чтобы я к ней не подходил, пока какой-нибудь аппарат строить не начнем!

— Да я вообще за другого замуж выйду! Выберу поголовастее!

Я откровенно заржал. Ситуация прям как в сказке про летучий корабль, кто первый построит, тот на царевне женится. Летучий корабль... Я хлопнул себя по лбу и выскочил из-за стола за бумагой и карандашом. Вернувшись к комсомольцам, великодушно согласился.

— Ладно, помогу вашему горю. Но уговор! С меня только два «сотых» мотора, остальное все сами! Конструировать, строить и тому подобное.

— Хорошо, народ в АМИ-ЗИЛ и на заводе организуем, без тебя обойдемся. Ты дело говори! — глаза у молодежи загорелись и стало сразу как-то радостно на душе.

— Будете строить летучий корабль или ковер-самолет, кому как нравится...

— Издеваешься?!

— Маша, дорогуша, не перебивай старших. Все серьезно... — дальше я, с рисунками и пояснениями, поделился идеей катера на воздушной подушке. Насколько я помнил, такая техника появилась только во второй половине века и комсомольский сказочный аппарат обещал быть уникальным. Схема его была для меня традиционной, один мотор работает на центробежный нагнетатель подушки, второй — на пропеллер в кольцевом туннеле. Торможение и задний ход обеспечиваются перекрытием этого самого туннеля жалюзи, которыми одновременно осуществляется управление по курсу.

— И что, летать будет? — с сомнением протянул Петр.

— Летать не обещаю, но ползать должно. По любой ровной поверхности. Вода, болото, улавливаешь?

— Вездеход?

— Это уж, знаете, от вас зависит. Может, и посмешище получится, но других идей все равно нет. С чем-то сложным, где куча агрегатов вроде сцепления и коробки скоростей, вы не справитесь. А эта штука проста как палка, к тому же ее «вырастить» можно, моторов прибавив или их мощности. Но начинать нужно с малого. Показать, что идея стоящая и работающая. Вот и займитесь.

Едва я только закончил излагать, парочка, переглянувшись, поднялась из-за стола и поспешила к выходу. Чувствую, в комсомольской ячейке сегодня дебатов будет выше крыши, но сами напросились.

— Ловко ты их выпроводил... — Полина передвинулась по лавке ближе ко мне и, уже не стесняясь посторонних, прильнула к плечу.

— Да я, в общем-то, не старался. Кто ж знал, что они убегут? Надеюсь, Маша с Петром тебе не в тягость?

— Что ты! С ними хоть весело, а то все одна да одна. Сегодня дома побудешь, у тебя ведь выходной? — Поля взглянула на меня с надеждой.

— Конечно, солнце мое! Еще как побуду! Мы с тобой и за обновками сходим, а то дядя в

гости приглашал. Надо тебе платье подходящее купить, да и мне тоже придется не мешает...

Дребезжащий звонок заставил меня подскочить, а Петя-младший, сосредоточенно несший ложку ко рту, глядя на отца, закатился звонким смехом.

— Блин, что это?!

— А, забыла сказать. Нам, пока тебя не было, телефон поставили... — Полина поднялась и вышла в сени, и продолжила уже оттуда: — Это тебя.

Я оценил взглядом вычурный, явно бывший в употреблении антикварный аппарат, сделавший бы честь любому фильму о революции, и взял трубку.

— Слушаю, Любимов.

— Меркулов на проводе. Доброе утро, товарищ Любимов. Почему не отметились, что прибыли?

— Так выходной у меня...

— Впредь всегда при любых перемещениях за пределы Москвы ставьте в известность отдел охраны ЗИЛ. Вы являетесь важным секретносителем и не должны быть столь легкомысленны.

— Так вы хоть предупреждайте заранее о своих порядках... — опешил я.

— Вижу, вы не прониклись, поэтому с завтрашнего дня к вам будет прикреплен сотрудник охраны, в обязанности которого и будет входить контроль за соблюдением вами режима секретности. С утра вам следует прибыть в ГУ БД к товарищу Берии с отчетом по ленинградской командировке, там и познакомитесь с прикрепленными.

— Хорошо...

— Всего доброго, товарищ Любимов.

Ничего себе наезд! Что-то я не видел, чтобы к кому-нибудь из инженеров приставляли охрану, чем бы тот ни занимался. Значит, это чтоб я не сбежал? Подозревают в чем-то? Пожалуй, с «трансфактором» на время придется распрощаться, да и все остальное нелегальное, вроде вальтера с наганом и фашистского кинжала из дома следует убрать, мало ли обыск.

— Что-то случилось? — Полина подошла и заглянула мне в глаза.

— Нет, нормально все пока, — я решил не волновать жену, ведь пока еще ничего не случилось. — Пойдем за покупками прошвырнемся. Нам обязательно надо побывать у дядюшки в гостях, и я хочу, чтобы ты была там самая красивая!

Целый день мы мотались по городу, ища подходящую нам ткань. Это вам не XXI век и даже не середина XX, готовой одежды днем с огнем не сыщешь. Новой, разумеется, ношенной, на барахолках было полно, но от такого варианта я категорически отказался. В итоге пришлось купить даже нитки, а работу заказать знакомой Полине портнихе, счастливой обладательнице швейной машинки. Доплатить пришлось и за срочность. В итоге, где-то через неделю мы должны были стать счастливыми обладателями вечернего платья, мужского костюма, нескольких штанишек и курточек для Пети-младшего. Пожалуй, этот день вымотал меня не меньше, а пожалуй и больше, чем любой рабочий. Особенно снятие мерок. Но жена была на седьмом небе от счастья, а это для меня на текущий момент — главное.

— Проходите, товарищ Любимов, садитесь, — кроме Берии в кабинете уже присутствовал Меркулов. — Как съездили?

Я, стараясь быть кратким, рассказал о командировке и ее итогах. Особое внимание обратил на необходимость отправки специалистов на 174-й завод для быстрейшего освоения 130-го в серии. Лаврентий Павлович отнесся к этой необходимости с пониманием и обещал отдать соответствующее распоряжение, которое не могло понравиться Лихачеву, лишавшемуся на время части подготовленных кадров, что ставило под угрозу выполнение плана.

— А теперь, товарищ Любимов, прошу вас встать, — Берия и сам поднялся и, придав голосу официальную торжественность, стал читать: — От лица коллектива завода ЗИЛ и Главного управления быстроходных дизелей, товарищу Любимову Семену Петровичу, за выдающиеся достижения в области проектирования и освоения новой техники, имеющей большое хозяйственное значение, а также за выполнение специальных задач, вручается почетная грамота и памятный подарок.

Начальник ГУ передал мне бумагу и, достав из-за стола сверток, развернул его. Ё-мое! Это ж мой меч! Металлические ножны с какой-то надписью, но рукоять-то я не узнать не мог! Надеюсь, никому не пришла в голову мысль испохабить клинок, накарябав там какой-нибудь лозунг. Я с трепетом принял оружие в руки и, выдвинув его из ножен, убедился, что все в порядке. От сердца отлегло.

— Можете владеть на полностью законных основаниях, — сухо, со ставшим сильно заметным акцентом проговорил Берия. — Довольны?

— Еще как!

— А скажите, товарищ Любимов, — вступил в разговор Меркулов. — Вас не задевает, что другие за схожие заслуги получили орден Трудового Красного Знамени? Не только вашего завода, но и ГПЗ-1, ГАЗ-2, «Серпа и Молота», «Электростали». Награждение совсем недавно прошло.

— Нет, ребята, я не гордый, не заглядывая вдаль, я скажу: «Зачем мне орден? Я согласен на медаль!» — весело продекламировал я Твардовского. — А за товарищей рад, конечно.

— Хорошо, сформулирую по-другому, — не поддержал шутливого тона Меркулов. — Вас не интересует вопрос, почему так произошло?

— Совершенно.

— Хватит!!! Вы прекрасно понимаете, что нам от вас нужно! Мы с вами здесь беседуем только потому, что явного вредительства и участия в контрреволюционных организациях за вами пока не замечено! Пока!

— Товарищ Меркулов несколько перегибает палку, не обижайтесь, — мягко вмешался Берия. — Конечно, вы приносите немалую пользу СССР. Я бы даже сказал, вы самый эффективный конструктор. Абсолютное большинство смотрит на заграничные разработки и пытается их воспроизвести, для чего просят закупок лицензий и оборудования, а вы даже ни разу не поинтересовались, как идут дела за рубежом, с успехом обходясь большей частью тем, что имеется в наличии. Но, чтобы мы могли вам полностью доверять, должен быть прояснен вопрос вашего происхождения. Обещаю вам, что вопрос будет рассматриваться с учетом ваших заслуг. Бояться не надо, вон, товарищ Меркулов у нас из дворян, что не мешает ему быть настоящим коммунистом и чекистом.

— И советую вам не пытаться повторять нам сказочки об отшельниках, — строго добавил Всеволод. — Мы провели расследование в Вологде и восстановили картину ваших

похождений. Вас опознали в цирюльне, а потом, по откорректированному портрету, вас узнал священник. Он очень хорошо запомнил человека с мечом, ведь тот правильно предсказал ему рождение внука. А на базаре вы продали четыре ножа. Вот этих.

Меркулов, один за другим, выложил из портфеля на стол немецкие штыки. Я весь похолодел.

— Любопытные вещицы, правда? Откуда они у вас? — Берия взял один из ножей в руки и стал его рассматривать. — О, да это оказывается штык! И символика на нем оригинальная. Как вы сказали? Знак качества? И где же такие знаки ставят? Явно не в СССР! Что молчите?

Я не просто молчал, я думал, прикидывая варианты. Рассказать? Но, насколько я успел познакомиться с товарищами, они заиклены на идеологическом противостоянии, остальные вопросы для них третьестепенные. Дизели — фигня по сравнению с мировой революцией! Запрут, как пить дать, и будут трясти на предмет причин, почему коммунизм не построили и кто в этом виноват. А вот здесь-то я полный ноль! Я вообще в местных политических раскладах пока слабо разбираюсь. Прогнозирую кровавую межкоммунистическую резню, как только я открою рот. А попадут под нее, по традиции, большей частью непричастные и невиновные. Лес рубят — щепки летят. С другой стороны — прилично объяснить, откуда штыки, я не смогу. Остается только тупо молчать, уповая на то, что кроме продажи ножей у них на меня ничего нет. Провокация?

— Во многих знаниях — многие печали. Я не буду обсуждать вопрос моего происхождения. Меня он совершенно не беспокоит. В другой раз, когда будет раздача бижутерии, можете ее себе в задницу засунуть. Не претендую. Если за мной не числится никаких грехов, кроме неизвестного прошлого, предлагаю вернуться к обсуждению действительно важных рабочих вопросов.

Ради того, чтобы это увидеть, стоило рискнуть! Лица моих собеседников в короткий промежуток времени показали такой калейдоскоп эмоций, что я чуть было не заржал в голос. И где же ваша холодная голова, чекисты? Горячее сердце в наличии, вижу.

— Да, как ты смеешь! — Берия молодец, не сплеховал и не ляпнул ничего сгоряча, а вот Меркулов не выдержал.

— Вам, товарищи, известна история, как вы вдруг оказались в Москве на нынешних должностях? Вижу, известна. Не знаю, в чем вы меня там подозреваете, но если я враг, то вы мои подельники или, минимум, пособники. А если я не враг, то вы сами вредители и саботажники, мечтающие оставить СССР без собственных моторов. То есть, копая под меня, вы рубите сук, на котором сидите. В любом случае. Так что давайте работать дружно.

— Вы пытаетесь нас завербовать?! — изумление Берии было настолько искренне, что то, что он произнес потом, казалось, говорил совершенно другой человек, абсолютно хладнокровный. — Не выйдет.

— Есть еще третий вариант. Я просто увольняюсь, а в заявлении честно и откровенно излагаю истинные причины. Не сработались мы с вами, товарищи. В отношении меня, может, и предпримут расследование, которое ничего не даст, как ваше не дало. А вот вам придется отвечать за развал работы по дизелям. По всей строгости. Просто потому, что в СССР толковых конструкторов — раз, два и обчелся. А бестолковых чекистов и администраторов — пруд пруди.

— Ах, ты, ссу... — Меркулов попытался вскочить на ноги, но тяжелая столешница ударила его в живот, опрокинув навзничь. Меч вылетел из ножен и развернул меня, описав быструю дугу и упершись острием в стекло, чуть вдавив пенсне в глазницу. Во всем черно-

белом мире остался только огромный зрачок, смотрящий на меня из дальней дали, с самого острия моего клинка.

— Застынь... — слова дались с трудом, челюсти свело и язык во рту еле ворочался. — Будешь мне мешать — сокрушу!

Взгляд скользнул ближе, на лезвие, запутался в волнистых узорах, напоминающих далекое серо-свинцовое море, ища и не находя выход из причудливого лабиринта. Сокрушу!!! Нос ладьи высоко подбросило на волне, и вражеская посуда скрылась внизу, будто нырнув в черную воду. Ноги упруго толкнули тело вверх и подо мной промелькнули шлемы выстроившихся вдоль борта свенов, так и не успевших вздеть копья повыше, чтобы поймать на них отчаянного удалца. Не ждали?! Мудрено ждать такого прыжка, но раз сам Царь Морской в помощь, грех не испытать удачу. Ноги толкнулись в противоположный борт шнеки, резко качнув ее не в такт морю, заставив оборачивающихся врагов промедлить, сохраняя равновесие. А каленое железо уже летело с разворота к их лицам, вспахав кровавую борозду по шеям и головам не успевших защититься. Море, упруго ударив снизу, пронесло свою необъятную мощь сквозь все тело в шуйцу и, через щит, ударило в свена, крайнего на носу, вынеся его за борт и приняв в свои ледяные объятия. Рывком развернувшись к опомнившимся врагам справа, схватился с ними, отражая бешеный натиск, отбивая, и пропуская мимо себя удары мечей и секир, но поздно. Поздно!!! С треском корабли столкнулись носами и за мою спину, через борт, с криками сыпанула судовая рать, подпираемая в спину тугим ветром начинающейся бури, обрушила на татей всю ярость и силу русской стали и русской крови. Сокрушу!!!

— Тебе не выйти отсюда! В приемной мои люди! — Берия отстранился и, подойдя к столу, пока я переваривал увиденное, налил воды из графина. — На выпей, остынь.

Я последовал этому мудрому совету и, не ограничивая себя, тут же опорожнил второй стакан. Меркулов, между тем, поднялся на ноги, смотрел откровенно зло, но ничего не предпринимал, ожидая решения начальника. Ё-мое! Что со мной происходит?! С ума схожу? Ради чего было так обострять?

— Работать будем по-прежнему. Но нам нужны гарантии, поэтому вас, под видом охраны, будут постоянно сопровождать мои люди. — Берия воспользовался тем, что я был отвлечен на самокопание, и сейчас жестко диктовал свои условия. — И еще. Вы, товарищ Любимов, явно перетрудились. Вам нужен отдых. Поэтому мы предоставляем вам отпуск и путевку в санаторий. Отдохнете и подлечитесь.

— Какой отпуск? Работы полно! — я очнулся. — И, если уж приставляете ко мне конвой, то и за мной оружие закрепите.

— Это еще зачем?

— Мне тоже нужны гарантии, что со мной несчастных случаев не произойдет. Вдруг вам в голову мысль придет решить все радикально и разрубить гордиев узел, придушив меня по-тихому.

— Ну знаешь, товарищ Любимов! Ты за кого нас принимаешь? Нам бы очень не хотелось потерять ценного специалиста из-за его собственной глупости, охрана как раз убережет от вредных мыслей, заодно и безопасность обеспечит.

— Какое совпадение! Мне тоже не хотелось бы себя терять! Тем более из-за того, что кому-то показалось, что у меня мысли неправильные. Так что оружие обязательно. Еще, я должен быть уверен, что прикрепленные достаточно сведущи в деле сбережения моего тела, поэтому организуйте совместные регулярные занятия в спортзале и тире. Вот так, думаю,

будет честно. Ночью, кстати, тоже «сопровождать» будете?

— Круглосуточно.

— У меня дома лишним людям ночевать негде!

— Этот вопрос мы решим, не беспокойтесь.

— Вы бы еще кадровый вопрос решили.

— Это какой?

— У меня в КБ людей не хватает! Коллектив надо делить, выделяя группы на сопровождение серий на ЗИЛе и в Ленинграде, чтобы остальные могли полностью на новых разработках сосредоточиться. На главном направлении людей остается всего ничего! Прошу разрешения привлечь студентов последних курсов еще до окончания вузов, хоть на неполный день.

— Такой шаг обострит ситуацию с секретностью. Это в компетенции товарища Меркулова.

— Было бы крайне нежелательно расширять штат КБ, — Меркулов говорил подчеркнуто деловым тоном. — Мы с трудом уже сейчас справляемся, отслеживая контакты. Хорошо еще, что треть КБ — спецконтингент, иначе было бы туго.

— Да какая там секретность?! ЗИЛ за год почти двенадцать тысяч грузовиков выпустил, они по всей стране разошлись! Наш главный секрет в том, что никаких секретов нет.

— Вот! Но наши враги об этом не знают, поэтому мы регулярно и отлавливаем излишне любопытных, — тема была чекисту приятна, это было заметно даже через налет злости.

— Новые разработки важнее выловленных шпионов! Тоже мне приманку устроили!

— Вы не горячитесь, товарищ Любимов, вам вредно, — сделал мне замечание начальник ГУ. — Раньше-то вы справлялись.

— Я же говорю, серию надо сопровождать, да еще сразу на двух заводах. Потом, в плане у нас был только 130-4-й X-образный мотор. Теперь же добавилась доработка 130-2-го под «ленинградский» стандарт. И в полный рост встал вопрос совершенствования ТНВД. Я поспорил с ленинградцами насчет мотора в тысячу сил. И я могу его дать, даже еще мощнее, если соединю последовательно два 130-4-х X-образника. Но восемь цилиндров! Мы, максимум, уже можем делать четырехплунжерные ТНВД, пусть они пока уникальные, значит, надо изменить их так, чтобы плунжеры делали два, а лучше четыре рабочих хода за оборот вала, вместо одного. Схема вчерне ясна, но заниматься ею просто некому. А могли бы через год такой мотор иметь. Кроме того, ТНВД такой конструкции позволяет отказаться от сортировки парных деталей при производстве насосов для двухцилиндровых дизелей. Потому что для стовторого нужен только один плунжер, последовательно обслуживающий цилиндры. Выпуск ТНВД для оппозитов по плунжерам можем увеличить в два раза, а с учетом вовлечения в производство ранее негодных деталей, — в три. Три темы вместо одной! А хотелось бы еще по нескольким направлениям работать.

— Я, пожалуй, частично поддержу товарища Любимова, — Берия, пристально смотревший до того только на меня, повернулся к Меркулову. — Всеволод, обеспечь со своей стороны по возможности. Приказ по ГУ на днях будет. А чтобы чрезмерно не раздувать штат, передайте доработку 130-2-го в Ленинград, организуем там не отдел, а филиал вашего КБ с привлечением местных специалистов 174-го завода. А за оперативным обменом информацией по работам товарищ Меркулов проследит. Надеюсь, вы не «против»?

— Почему я должен быть «против»? Я только «за»! При условии, что будет исключено параллельное решение задач и мы не будем наступать на одни и те же грабли в Москве и

Ленинграде по отдельности.

— Что вы там, кстати, про другие направления говорили?

— Это побочное, но непосредственно связанное с нами. Товарищ Берия, ЗИЛ вывели из подчинения автопрома в наше ГУ. Я хотел бы, чтобы инициатива исходила от вас, меня заводское КБ и начальник завода не принимают всерьез.

— Что случилось?

— Нужны полноприводные грузовики! Все эти игры с «Кегрессом» бесполезны! Мы просто теряем время!

— Вас удивит, но я консультировался по этому вопросу. На ЗИЛ-5 и ЗИЛ-«Кегресс» нужно два карданных шарнира. На ЗИЛ-6 — уже четыре. А на двухосный полноприводный ЗИЛ их нужно восемь! Вы предлагаете снизить выпуск машин в четыре раза?

— Да что ж такое! Куда ни сунешься — ничего не хватает! Нищета надоела! Но хоть опытные разработки начать можно? Хоть для броневиков полноприводные шасси? Сравнительные испытания, думаю, сомнений не оставят, какие машины нужны. Придет время, нарастим выпуск шарниров, а к серии уже все готово.

— Хорошо, подумаю.

— И еще. ГАЗ делает легковые автомобили. А ЗИЛ? Посмотрел я, на чем наши руководители передвигаются. Без слез не взглянешь. Нужно делать высококлассный лимузин! Бронированный лимузин. Это, прежде всего, престиж страны! Советские и партийные органы власти, посольства, торгпредства должны быть обеспечены отечественными машинами, а не импортным зоопарком. Так мы продемонстрируем свою техническую мощь нагляднее всяких танков. Тем более что танки у нас — говно.

— И над этим подумаем. А как же моторы еще большей размерности, которые вы хотели делать? Они ведь у вас в плане на второе полугодие! Это ваша прямая задача!

— Мы фактически уже исподволь начали по ним работу. Компрессор 130-4, например, пойдет на 160-2. Но требуются дополнительные исследования по прочности, а возможно, и новые материалы. Шутка ли, снять с одного цилиндра свыше 250 сил! Поэтому проблема 160-й серии напрямую зависит от смежников. Как только ЦНИИМаш, ВИАМ, МИСиС решат поставленные перед ними задачи, так приступим к детальной проработке проекта.

— Плохо, товарищ Любимов! Вы самому товарищу Сталину обещали дизели в несколько тысяч лошадиных сил, а теперь ссылаетесь на смежников. Это не к лицу кандидату в ВКП(б), не говоря об остальных ваших художествах!

— Я от своих слов не отказываюсь, но на все нужно время. Бессмысленно что-то делать наобум. Шанс на то, что все получится без дополнительных исследований, очень мал. Их придется проводить все равно и лучше сделать это сразу, не тратя время, силы и ресурсы на бесполезную работу, которую придется переделывать.

— Ладно, — скрепя сердце ответил Берия, — перенесем на вторую пятилетку. А насчет отпуска подумайте. Будете долго думать — отправим принудительно. Все, идите, в приемной вас ждут прикрепленные, сами познакомьтесь.

Захар, Иван и Федор, фамилии которых я даже и не пытался запомнить, оказались весьма молодыми людьми богатырской наружности, особенно последний, смотревший на меня с высоты своего двухметрового роста сверху вниз. Приятным бонусом к ним был легковой «Форд» отечественной сборки, закрепленный, правда, именно за моими «телохранителями», а не за мной. Но, в любом случае, теперь я всегда был «на колесах».

Мужики крепко взяли меня в оборот и ни о каком КБ в тот день речь не шла, поехали

сразу ко мне домой, налаживать службу. Так как у меня действительно ночевать было негде, кроме холодных сеней, бойцы сразу же организовали тулуп и буржуйку, а в следующие два дня бригада плотников утеплила помещение, истратив изрядно дефицитных досок и пакли. Устроились, в общем со смыслом и удобствами.

Отношения, поначалу бывшие весьма холодными, быстро наладились в ходе совместных зарядок-тренировок. Да еще, теперь, каждый свой выходной я начинал рано утром в чекистском гимнастическом зале «Динамо», после чего следовал тир. И я, и мужики занимались с огромным энтузиазмом и удовольствием, к тому же, мне было, что им показать и в плане рукопашки и в плане стрельбы. Только все стало налаживаться, как эту группу у меня забрали и приставили новых, Олега, Игоря и Диму, которые тоже продержались всего две недели, им на смену пришли Серега, Слава и Коля, оставшиеся со мной надолго. Причину такой кадровой политики я не понимал, тем более что с бывшими «моими» продолжал встречаться на занятиях, куда они приходили, специально подгадывая время, чтобы составить мне компанию.

Эпизод 11

— А, Семен, проходи, дорогой! — в гости к Исидору Любимову удалось вырваться только в конце февраля, подгадав специально под 23-е число. Прохожу. М-да, сталинские наркомы живут... кучеряво. Это стало понятно по одной лишь прихожей, сравнимой по размерам с моей избушкой. Очень скоро стало наглядно видно, к наркому какой именно промышленности мы пожаловали. Всевозможных тряпок было море, от шикарной женской одежды до тяжелых портьер и натуральных матерчатых обоев. Не подвел и накрытый в огромной зале стол, напомнивший, что пищевая промышленность сейчас относится именно к легкой. А ведь товарищ в народных комиссарах-то всего ничего, двух месяцев не будет.

Но сразило меня не это великолепие, а то, что у Исидора Евстигнеевича была натуральная прислуга. Очень уж это не вязалось с моими наивными стереотипами, и чувствовал я себя очень скованно. Выпитая в изобилии водка ничуть не помогла, а контакты как-то налаживать надо было, ведь я именно за этим сюда пришел. Разговор откровенно не клеился, я избегал копаний в родословной, а Исидор Евстигнеевич почему-то напирал на свою партийную деятельность, подробно освещая ее чуть ли не с начала века. К счастью, жена наркома, проявив повышенное внимание к моему сыну, который никак не хотел сидеть спокойно за столом, заявила, что детям скучно, и отпустила их играть, а Полину утащила к себе, похвастаться тряпками и обсудить последние писк моды. Полю было откровенно жаль, но я вздохнул с облегчением, так как хозяин предложил переместиться в кабинет и продегустировать настоящий французский коньяк, который он привез из Германии. Там нашему разговору уже никто не должен был помешать.

— А знаешь, Семен, мы с товарищем Фрунзе советскую власть в России первыми установили. Еще в августе семнадцатого, когда меня городским головой Иваново-Вознесенска выбрали. По всей стране еще буржуи заправляли, а у нас уже исполком был! — нарком вновь оседлал своего любимого конька. — А еще раньше, мы в Минском совете с Михаилом работали, на фронт с агитацией выезжали, ему это особенно хорошо удавалось, принимали за золотопогонника. И ведь удалось нам наступление тогда сорвать!

Исидор Евстигнеевич был невероятно горд собой, а я невольно сморщился,

замаскировав это под поедание эксклюзивного в данной обстановке лимона. Мне живо вспомнился январь 1995 года и мерзкий, дребезжащий голос сексуального меньшевика, призывающий нас сдаваться, «спасать генофонд», наплевав на страну и тех беззащитных, кто был за нашими спинами. Тоже в чинах тот подонок был, избранник, блин...

— Ты, Исидор Евстигнеевич, лучше про деда расскажи, про революцию и гражданскую все и так знают, — я поспешил сменить неприятную для меня тему.

— А что дед? Дед крестьянином был. В деревне Старицево, Кологривского уезда. — Нарком ответил как-то казенно, будто анкету читал. Я вцепился в эту тему и стал задавать уточняющие вопросы, получая от напрягшегося партийца все такие же сухие ответы. Исидор Любимов, наоборот, старался перескочить обратно на свою биографию, но я все время возвращал разговор в прежнее русло. Из-за этого наше общение получилось сумбурным, но перескакивая с пятого на десятое, я все же смог сделать интересные выводы. Во-первых, дядя избегает вспоминать свою собственную родословную, но вытянуть из него то, что его отец, мой «псевдодед» шить умел и маленького Исидора научил, мне удалось. Больно уж сказочно было то, что мальчишка мог самостоятельно изготавливать одежду на продажу. Это обстоятельство не оставляло и камня на камне от версии крестьянского происхождения. Любимовское учительство тоже было нехарактерно для биографий земледельцев. Во-вторых, вся «хозяйственно-управленческая» карьера наркома прошла под девизом «отнять и поделить». Революционные советы, должность зампотыла, то бишь чуснабарма у Фрунзе, НЭПовская потребкооперация, все это не оставляло никаких шансов на созидательную деятельность. А скорее всего, Исидор к ней совсем не стремился, идя по более удобной и, что немаловажно, хлебной стезе. Оценив свои выкладки, я живо вспомнил комедию «Ширли-Мырли». Получается, что я фактически Изя Шниперсон?

Вот жук! Да он совершенно точно знает, что я ему никакой не племянник, но зачем-то поддерживает эту версию. Какая ему выгода? Рассчитывает свою собственную легенду укрепить? Она и так была весьма устойчива, просто потому, что его прошлым никто не интересовался. Значит, причина в видах на будущее. И здесь вариантов всего два. Либо он «наш человек» и действительно планирует строить легкую промышленность, но не имеет достаточных навыков и ему нужен неофициальный помощник с каким-никаким опытом. Либо он «не наш» и рассчитывает что-то с меня поиметь. Хотя бы укрепить свое положение «династическим» способом. А вот это мы сейчас и попытаемся выяснить.

— Что это мы, дорогой дядя, все о прошлом да о прошлом, давай лучше о светлом будущем, — имитируя благодушие и среднюю степень опьянения, предложил я, — очень уж хочется узнать, как будет с одежкой при коммунизме в отдельно взятой стране. А то, не поверите, неделя уходит, чтобы платье или костюм купить, не говоря о деньгах. Ведь все по отдельности, да еще и это поискать надо.

— А ты ко мне обращайся, враз организуем, — нарком не без удовольствия продемонстрировал свои возможности, а потом добавил: — Ведь родня на то и существует, чтобы помогать друг дружке, вместе житейские невзгоды преодолевать.

— Непременно. Но я не о том. Как-то неудобно племяннику наркома по улице пройти в дорогом костюме, когда все вокруг в домотканине. Не находишь?

— А ты не ходи. Ты на машине ездил, — это что, он шутит так? Или я имею дело с классическим номенклатурщиком, напрочь оторвавшимся от «земли»? Не зная, что ему ответить, я просто сидел и смотрел на псевдородственника тяжелым взглядом, и он не выдержал:

— Ну что ты жилы из меня тянешь? Царизм, война, разруха, ничего же толком не осталось, все заново строить надо! Так и того не сделать сразу! Вон, с хлопком как быть? Тряпок не хватает, а его на порох забирают. Второго Туркестана у нас нет. С мясом так же, деньги выделим, мясокомбинаты построим, а что на них перерабатывать? И так за что не возьмись. Как наркомат образовали, сразу стал ресурсы подбивать, а там слезы одни. Баб надо чем-то занять им подходящим, хоть и старается твоя подруга им дело по плечу подбирать в машиностроении, но там легкой работы мало. Трудов непочатый край и быстро все не сделать, сколько золота ни заплати буржуйам за станки. Потому как сперва сельское хозяйство поднять надо, чтобы легкой промышленности было что перерабатывать.

— Раз решать задачу «в лоб» долго, значит, другие пути искать надо. В обход. Разве целлюлоза только в хлопке есть? Нет, просто там она в готовом виде. Вот и выделить часть средств на поиск технологий получения целлюлозы из других источников, древесины например. Найдете — сразу скинете проблему обеспечения пороховых заводов на лесную промышленность. Поголовье скота мало? Так значит, упор надо делать на живность, которая быстро плодится, на кур например. Строить не мясокомбинаты, а птицефабрики. Их, кстати, прямо в городах размещать можно, женские рабочие руки туда пойдут.

— Экий ты находчивый, племянник! Вот ты мне лучше скажи, к какому году вы проблему с автотранспортом решите? Что наверху говорят, я и без тебя знаю, а внизу что слышно?

— А что внизу? Внизу только видно. Как Лихачев говорил, ЗИЛ должен был только к весне этого года конвейер пустить по плану. Год мы выиграли. Выпустили 12 тысяч 5–6-тонных грузовиков, которые каждый за два прежних АМО-2-3 считаем. Два года выиграли. Но это только начало, выпуск сдерживали смежники, сейчас ГПЗ-1 на полную мощность выйдет, ЗИЛ сможет достичь плановой мощности 50 тысяч машин в год. А вот много это или мало и когда автотранспорта будет достаточно, я без понятия, но цифры по нашему заводу я дал, считайте сами. Вам зачем, кстати?

— Да, понимаешь, мысль была частично решить проблему сырья за счет внешних источников. Монголия. Они бы нам с радостью и шерсть на сукно, и мясо продали, мы бы им тряпки, стройматериалы, топливо, корма поставляли. Только железнодорожную сеть там разворачивать нерентабельно. Остается автотранспорт. Машины мне обещали в «шерстяные» колонны выделить только «после удовлетворения внутренних потребностей», вот так. Но автопробег Москва — Владивосток все-таки будет, посмотрим, как автотехника себя в степи покажет.

— Про пробег слышу первый раз. А насчет Монголии... У нас что, своих степей мало?

— Хватает, на них нам лимит будет выделен в ближайшее время. Куцый правда. Но если машины испытание пройдут, думаю, можно еще потребовать будет.

— Да пройти-то пройдут, что там такого особенного? Степь ровная как стол, летом сухая. Там даже дорог не надо, направлений хватит. А с лимитами подшаманить можно по уму. На одну машину три-четыре прицепа заказать.

— Хитро. ЗИЛ сейчас из автопрома выведен, получится машины и прицепы из разных контор поступать будут, поэтому вопросов несоответствия количества, скорее всего, не возникнет. А мы, одним махом, в три-пять раз большую территорию охватим. Хитер! А потянет машина?

— Шерсть относительно легкая, но объемная, пять тонн в один ЗИЛ вряд ли запихнешь, с прицепами так же. Думаю, даже пять прицепов с шерстью потянет. Вот будет пробег, там

и испытайте такую систему.

— Обнадежил ты меня, племяш. Ну давай по последней, за нашу партию, и по домам, а то время уже позднее.

Уходил я от наркома, так и не сделав для себя однозначных выводов относительно этого человека. Время и дело покажет, что он представляет. Жаль, конечно, что мне он ничем, кроме бытовухи, помочь не может. Хотя... Черт! Надо было ему насчет синтетики как-нибудь намекнуть! Жаль, дельные мысли приходят в пьяную голову сильно запоздав. А может быть, это и хорошо, что не ляпнул ничего сейчас, будет время подготовить почву для такого решения. Посмотрим еще, как он с пороховой проблемой справится. Хотя шины с синтетическим кордом хотелось бы иметь еще вчера!

Эпизод 12

Яркое апрельское солнышко, уже перевалившее за полдень, ярко освещало арсенал, на который выходили окна кабинета вождя. До первомая остались считанные дни, и снег давно уже растаял, а почки деревьев набухли и вот-вот готовы были распуститься яркой и чистой зеленью. Природе не было никакого дела до людских забот, она просыпалась под шелест свежего влажного ветерка и щебетание птиц, ее голоса несмело проникали сквозь приоткрытую форточку в помещение, где разговаривали трое, узкий круг, необходимый для решения конкретной задачи.

Разговаривали по-грузински, пользуясь тем, что все были земляками, и размеренные глухие слова Сталина перемежались со звучными репликами Орджоникидзе и четкими, сухими фразами Берии.

— Значит, товарищи, вы считаете, что создавать центральное КБ по дизелям, подобное тем, которые мы организовываем в области авиации и артиллерии, преждевременно? — Сталин сделал какую-то пометку на листе бумаги и посмотрел на собеседников.

— Не совсем так, товарищ Сталин, — Берия сидел, напряженно выпрямив спину и высоко держа голову, — в настоящей ситуации, считаю, это вообще не нужно и опасно.

— Опасно? Чем? Мы имеем два сильных КБ в Москве, которые хорошо кооперируются между собой. А вот другие коллективы в создании быстроходных дизелей не достигли пока значимых результатов. Разве не нужно помочь товарищам из Ленинграда и Харькова?

— Опасно тем, что самым результативным конструктором и наиболее очевидной кандидатурой на должность главного конструктора центрального КБ является товарищ Любимов. Ему такую ответственность доверять нельзя! «Темная лошадка».

— Темная, светлая, какая разница? — Орджоникидзе возмущенно перебил своего подчиненного, активно жестикулируя руками. — Главное, он дает моторы! В отличие от других, которые только на теории и кляузы способны! Да так дает, что мы за ним не успеваем! Что еще требуется? Люди нужны! Дадим людей, привлечем другие КБ, они вдесятеро больше сделают!

— Это верно, но только отчасти. Другие коллективы тоже могут дать неплохие моторы, а делать ставку всего на одну конструкцию опасно. Нужна страховка обязательно.

— Способны? Не вешайте нам лапшу на уши, товарищ Берия! Все, что я до сих пор видел, использовало зиловские насосы. Других отечественных просто нет. И импортные форсунки, потому что, видите ли, наши шариковые не годятся. — Орджоникидзе

издевательски усмехнулся и добавил: — К тому же называть моторами опытные двухцилиндровые блоки преждевременно.

— Все равно, работать по другим схемам надо. Нельзя складывать все яйца в одну корзину. В ЦНИДИ сильно сомневаются, что схема Любимова будет работать в легкосплавном варианте. Если это верно, то традиционные моторы себя еще покажут.

— Поэтому вы и поручили Мамину с «Коммуниста» сделать мотор по схеме Любимова? — подколот нарком своего подчиненного.

— Это была инициативная разработка! Мамин сам этот мотор сделал! Да и как не сделать, если все комплектующие в наличии?

— Но Любимову ничего не сказали, верно? — наседал Орджоникидзе.

— Я не обязан перед ним отчитываться! — вспыхнул Берия.

— Может, товарищ Берия, вы и передо мной не должны отчитываться? — вмешался Сталин. — О каком моторе речь? Почему я ничего не знаю?

— Товарищ Мамин правильно понял, что пусковой двигатель ЗИЛ является фактически черновой «половинкой» мотора Любимова, только уменьшенных размеров. Готовый пример в лице ЗИЛ-5 и ЯГ-10 был перед глазами, поэтому собрать четырехцилиндровый мотор в 90 лошадиных сил труда не составило. Мотор передан в НАМИ. Теоретически, имея вдвое большую мощность, но и вдвое большие обороты, он может быть установлен на шасси ГАЗ-АА, надо только изменить передаточное отношение ведущего моста. Если все получится, то грузоподъемность усиленного ГАЗа можно увеличить до двух с половиной тонн.

— А почему молчите? Это же ГАЗ, огромный завод! Может, вы уже между собой все решили?

— Товарищ Сталин, докладывать не о чем! — Берия слегка покраснел. — Мотор экспериментальный, его топливная аппаратура такая же, как у Д-100-4. ГАЗ дизелями мы при всем желании обеспечить не сможем, значит, и говорить не о чем. Другое дело, если Любимов успешно завершит разработку нового топливного насоса «комбинированного» типа, который позволит строить двух и четырехцилиндровые моторы примерно одинаковым темпом. Или если Мамин сделает компрессор для оппозита, тогда получим мотор в 45–50 лошадиных сил. В любом случае, ГАЗ не приспособлен к производству таких дизелей и потребуется переоснащение, вот тогда уже будет, что обсуждать.

— Вот! Все опять в зиловское моторное КБ упирается! — торжествующе сделал вывод Орджоникидзе. — С какой стороны ни посмотри. Хоть с насосом, хоть с компрессором. Товарищу Мамину, используя уже полученный однажды в Москве опыт, будет гораздо проще. Верно, товарищ Берия? Почему вы товарища Любимова затираете? Почему представления на Трудовое Красное Знамя на него от вас не поступило? Он его с лихвой заслужил. Товарищ работает, двигает индустриализацию, вы не помогаете и не цените. Будет он и дальше так работать? Как это на индустриализации отразится?

— Неправда! Товарищ Любимов получает от нас практически все, что требует! Ему созданы отличные условия для работы, запросы в исследовательские организации удовлетворяются в первую очередь! И награду за работу он получил, какую хотел! А орден, между прочим, он хамски назвал «бижутерией» и посоветовал мне засунуть его, не буду говорить куда! Вообще, он ведет себя вызывающе, постоянно скандалит со смежниками, неоднократно за ним замечено рукоприкладство в отношении конструкторов, которые его дизели должны использовать! Он, видите ли, эксперт во всех областях и лучше других знает, какие танки, самолеты и катера нам нужны! После случая с товарищем Туполевым неделю

назад его вообще пришлось в отпуск отправить! Пусть нервы подлечит. Как он будет руководить центральным КБ с такими замашками?!

— Неуживчивый, значит, товарищ? — Сталин, пока собеседники пререкались, набивал трубку и, раскурив ее, с наслаждением затянулся, утонув в густых клубах ароматного дыма. — Как же он своим КБ руководит? Палками?

— И палками тоже! Правда, в исключительных случаях. Однако, должен признать, что обычно он относится к своим сотрудникам исключительно внимательно и терпеливо, держится на равных. Случай избиения был всего один, когда ленинградский филиал КБ, вместо того, чтобы запустить 130-2 мотор в производство, решил самостоятельно выжать из него требуемые изначально 500 сил. Из затеи ничего не вышло, в результате сроки освоения мотора в серии сорваны и отстают от плана на три месяца. Любимов тогда второй раз срочно выехал на 174-й завод и, разобравшись, в чем дело, попросил пригласить уборщицу со шваброй. Досталось той шваброй всем, кто убежать не успел.

— Мало. Таких вредителей надо под суд отдавать. Следствие провели? Нашли виновных?

— А чего их искать? Вот он, орел, сидит! Это ведь вы, товарищ Берия, лично санкционировали и, при этом, опять не поставили в известность товарища Любимова? И меня тоже в известность не поставили! — Орджоникидзе весь подался вперед, встопорщив усы. — Что теперь на параде покажем? Голую задницу?

Отец народов весь пошел мелкими красными пятнами и вперился в Лаврентия Павловича тяжелым взглядом.

— Товарищи! Товарищ Сталин! Были веские причины! У нас есть подозрения, что Любимов скрытый враг! Было только непонятно, чем и как он вредит! Из Ленинграда поступил сигнал, что мощность мотора вредительски умышленно занижена! Мы обязаны были проверить! Понятно, что Любимова не предупредили, чтобы он ничего не заподозрил. К тому же ГУ БД санкционировал проведение опытных работ по повышению мощности двигателя, но прекращать работы по освоению в серии первого варианта мы не приказывали. Это целиком самодеятельность моторного КБ 174-го завода. Поэтому не надо, товарищ Орджоникидзе, пытаться повесить на главное управление прямую вину в произошедшем. Что касается наказания виновных, то Любимов в ультимативной форме потребовал ограничиться административными мерами, зарабатывая себе дешевый авторитет. Видите ли, если всех его конструкторов по подозрению во вредительстве арестуют, то он может и простым сварщиком быть, ему все равно такой танк не нужен. Он вообще наши танки не стесняется открыто называть говном!

— Доверялись. «Непонятно, как вредит»! Я не вижу от него вреда! А от тебя товарищ Берия, вижу! А, между тем, товарищ Любимов тебя все время хвалил и защищал! Да да! Защищал! Я твой вопрос не стал поднимать еще тогда, в марте, только потому, что он прямо в лоб заявил, что другой начальник ему не нужен, работать он ни с кем, кроме тебя, не будет! — ворчал Орджоникидзе и досадливо морщился. — А ты? «Дешевый авторитет зарабатывает!»

— Я, как честный коммунист, должен сказать, что Любимов мне угрожал! Он специально предложил меня на пост руководителя дизелестроения, зная, что у меня были неприятности по партийной линии! Он опрометчиво полагает, что я буду смотреть сквозь пальцы на него и его художества, лишь бы вновь не бросить тень на свою репутацию. А, между тем, происхождение товарища Любимова неизвестно, и прояснять этот вопрос он

отказывается. То, что его признал нарком легкой промышленности как своего племянника, ничего не значит. Он мог ошибиться. А Любимов может воспользоваться этим признанием в своих целях. Фактически мы не знаем о нем ничего ранее времени, когда он объявился в Вологде. При этом он продал там на рынке четыре ножа-штыка от неизвестного оружия с символикой немецкого оккультного «общества Туле», которую использует также немецкая же партия национал-социалистов. Клеймо завода, проставленное на ножах, никому не известно, а номера изделий дают основание подозревать, что выпущены они тиражом в сотни тысяч, если не миллионы экземпляров. Кустарщина полностью исключается, клинки выполнены на высоком технологическом уровне, а материал рукоятей вообще нигде неизвестен, химики разбираются, что это. Лидер этой нацистской партии Адольф Гитлер написал враждебную нам книгу «Майн Кампф», между прочим. Материалы по делу нами направлены в ИНО. Косвенно подтверждает связь Любимова с оккультистами то, что он в разговорах и песнях иногда упоминает славянских языческих богов, к прикрепленным обращается «бояре». А ведь он крещеный! Но маловерующий, в церковь не ходит и из молитв, хорошо, если «Отче наш» знает наизусть. В Вологде он посетил собор, но там, по словам попа, не молился, а клялся на мече, который сам по себе уникальный, скован из метеоритного железа, на основе которого была решена проблема жаровых колец для дизеля. И это еще не все! Любимов имеет навыки диверсанта! Мы, несмотря на то, что имеем своих информаторов прямо у него дома, которые за два года так и не смогли выявить его преступных связей, прикрепил к нему под видом охраны конвой, чтобы лишить всякой возможности нелегальных контактов. Состав конвоя пришлось менять два раза! Но это ничего не дало, Любимов молниеносно втирается в доверие к нашим людям. В частности, с «телохранителями» он сошелся на почве совместных тренировок по стрельбе и рукопашному бою, где вытворяет такое, что бывшие его прикрепленные теперь могут работать инструкторами по этим дисциплинам. А еще есть основания подозревать Любимова в антисемитизме. Анонимные доносы поступают регулярно. Он при приеме на работу лиц еврейской национальности требует предоставить ему, в качестве свидетельства профпригодности, схему и описание несуществующего прибора под названием «андронный коллаيدر». При этом в анонимках пишется, что в самом названии прибора, переводимого частью с древнегреческого, частью с английского, как «встречное движение в мужском помещении», содержится грязный намек на мужеложство. При этом Любимов языками якобы не владеет. Примечательно, что один кандидат принес требуемое, фактически один из вариантов топливного насоса, его немедленно зачислили в штат. Потом похожие схемы принесли еще пятеро, и Любимов «зарубил» всех шестерых. Первого, правда, отправил в распоряжение отдела кадров ГУ БД с отличными рекомендациями. Все в целом позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с каким-то политическим извращением, вроде роста русского национал-социализма, который необходимо вырвать с корнем.

Сталин слушал внимательно, буквально замерев на месте, после чего вновь раскурил, потухшую было трубку. Встал, прошелся по кабинету, что было хорошим знаком. Цвет лица вновь стал сероватым, всем привычным. Дойдя до кожаного дивана в простенке, сел на краешек и принялся задавать уточняющие вопросы:

— Я помню, он, выступая на митинге в честь пуска конвейера ЗИЛа, просил обратить особое внимание партии на недопущение нацистов к власти в Германии. Считаете, это был обман? Как он может быть связан с «обществом Туле» и при этом бороться с ним? Здесь какая-то нестыковка.

— То, что русскому нацисту не нравятся немецкие, вполне понятно. Это у нас, коммунистов, интернационал. А у нацистов все наоборот, у каждого своя берлога. При этом идеология может быть одна и та же, за исключением маленького, но принципиального расхождения. Гитлер может считать истинными потомками ариев немцев, а Любимов, наоборот, — русских. Здесь и почва для непримиримой ненависти. Любимов без конца распространяет провокационные слухи о войне между СССР и Германией в течение ближайших десяти лет. При этом он подчеркивает ее характер как войну на полное уничтожение. Его ближайшее окружение под гнетом такой мощной пропаганды уже принимает это как данность, а не гипотетическую возможность. Любимов и сам искренне верит в свой бред, поэтому и вкалывает не покладая рук, будто война уже началась. Возможно, это какая-то форма психического расстройства. Мы специально отправили его в санаторий, чтобы там негласно провести полное медицинское обследование и прояснить этот вопрос. Заодно может удастся выяснить, откуда у Любимова следы от множественных осколочных ранений, замеченные нашими прикрепленными в раздевалке спортзала, — как можно обстоятельнее доложил Берия.

— А к ВКП(б) он как относится? Я знаю, он кандидат в члены нашей партии.

— Никак он к ВКП(б) не относится! Проверка показала, что он заявление написал под давлением Лихачева, который и дал ему рекомендацию. Собрания не посещает вообще под предлогом занятости. По словам Любимова, коммунизм хорош для войны, которая как раз на носу, поэтому он полностью поддерживает линию партии. Из этого сам собой напрашивается вывод, что ему с нами по пути лишь временно. После войны его лояльность может быть поставлена под сомнение.

— Значит, никаких контактов с врагами советской власти не выявлено и личного вредительства не замечено? А на какой почве он ссорится со смежниками?

— Любимов считает, что его моторы используются неправильно. Последний раз он случайно встретился с товарищем Туполевым у Чаромского, куда тот приехал проработать возможность установки АН-130-4 на бомбардировщик ТБ-3. Любимов полез к Туполеву с советами насчет переделки ТБ-3 в транспортный самолет. Под предлогом, что как бомбардировщик он уже через пять лет устареет, а транспортники будут летать лет двадцать. Туполев стерпел. Потом речь зашла о проекте мотора Д-130-8 в 1250 лошадиных сил. Такой двигатель как нельзя лучше подходит для катера Г-5, но Любимов категорически заявил, что туда ни единого мотора не даст. Назвал катер диверсией против советского флота. Вот тут они и сцепились с Туполевым, охрана еле растащила.

— Почему он так сказал — выяснили?

— Кто такой Любимов, чтобы о катерах судить? Военмор? Флотским виднее, какие катера заказывать, и их мнению я доверяю гораздо больше, — ответил Берия. — Любимов очень много на себя берет. Его самомнение ни в какие ворота уже не лезет!

— Не надо забывать, товарищ Берия, что для самомнения товарища Любимова есть почва. В своей области он еще ни разу не ошибся. И в других областях себя хорошо проявил. Винтовка и пулемет Шпагина, например. Это ведь конструкция товарища Любимова на самом деле? Кстати, я тут недавно выяснил, что рецепт хромансиля, за разработку промышленной технологии выплавки которого мы уже решили орденом Ленина награждать, тоже исходит от товарища Любимова. Днепропетровский завод обязался уже к концу года выпускать хромансилевые трубы вместо хромомолибденовых. А способ закалки сварных соединений этих сталей? Авиаконструктор Калинин строит гигантский бомбовоз на каркасе

из таких труб, и проблема прочности стыков была для него главным препятствием. А теперь она решена! Да, за одно это мы уже должны пылинки с товарища Любимова сдувать! Подумать только, избавиться от импорта молибдена, который у нас как гири на ногах висел! Все не могли решить, кому его дать, то ли авиации, то ли нефтедобытчикам, то ли еще куда. Теперь, мы можем плавить стали, аналогичной хромомолибденовой столько, сколько нужно, и дадим ее всем! — вмешался Орджоникидзе.

— А откуда он это взять мог, вы подумали, товарищ Орджоникидзе? Он разве металлург? Да, его жена активно скупает где только можно техническую литературу, в том числе и по металлургии. И Любимов эти книги читает, что ясно показывают очень любопытные пометки на полях. Но тогда получается, что под видом реального опыта он весьма хитро подsunул нам свое гипотетическое предположение! Поскольку мы выяснили, что такую сталь еще никто в мире не варил! Да это авантюризм чистой воды! И вы хотите его во главе ЦКБ поставить? — Берия твердо придерживался своей позиции.

— А кого ставить? — задал встречный вопрос Орджоникидзе. — Пусть Любимое подозрительный товарищ, но фактов против него нет! Но он дает результат, а это самое важное! Тем более, на иностранную помощь в вопросах дизелей мы рассчитывать не можем. Все наши попытки закупить лицензии и специализированное оборудование, особенно прецизионное, наталкиваются на отказ. Причем везде. Я могу это расценивать только как попытку затормозить наш прогресс в области создания дизельных моторов, где мы достигли значительных успехов. Такое поведение буржуазных стран внушает беспокойство за нашу работу. Как бы не было попыток развалить ее «изнутри». Вот куда надо внимание обратить, товарищ Берия! А вы на чью мельницу воду пытаетесь лить своими интригами? Ведь ясно, что товарищ Любимов своей работой буржуям поперек горла, раз они решили его придушить.

— Товарищ Берия, нам понятно, что кандидатуру товарища Любимова на пост начальника центрального КБ вы не поддерживаете. Но, как правильно сказал товарищ Орджоникидзе, мы теперь можем рассчитывать только на свои силы. Как нам поставить работу так, чтобы не отстать от буржуазных стран в этом вопросе? Какое решение вы можете предложить? — Сталин внимательно слушал своих собеседников, собирая информацию для того, чтобы принять свое собственное решение, которое он потом будет отстаивать в Совнаркоме.

— Центральное КБ нужно, оно позволит лучше планировать работу и сделает ее более эффективной. Мы не можем строить всю работу, полагаясь на человека, которому не доверяем. Предлагаю назначить руководителем ЦКБД товарища Бриллинга. Он оступился, но получил хороший урок, рассчитывать на него можно. Я уже назначил его заместителем к товарищу Любимову, чтобы он полностью вошел в курс дела и, при необходимости, взял все в свои руки. Пока товарищ Любимов в отпуске, проверим, как товарищ Бриллинг справляется. Не стоит опасаться того, что товарищ Любимов незаменим. Незаменимых кадров не бывает! Товарищ Бриллинг представил нам ситуацию совершенно в ином свете. Он высоко оценил конструкцию моторов серии Д, но обратил внимание, что основная часть работы уже выполнена. Главным было получить работающий двухцилиндровый блок, что уже сделано. Компоновать же блоки в моторы нужной мощности и габаритов можно относительно легко. Главным препятствием было отсутствие нужной топливной аппаратуры, получить которую мы могли только со временем, когда качество ее выполнения достигнет высокого уровня, но теперь и эта проблема в основном решена Любимовым.

Другим путем, за счет изменения конструкции. Теперь на первый план выходят совершенно другие вопросы, связанные с рабочими процессами, в которых товарищ Любимов, как выяснилось, разбирается слабо, а профессор Бриллинг, наоборот, хорошо. Создание моторов другой размерности, как показывает пример завода «Коммунист», тоже может вполне обойтись без Любимова. Тем более что основные параметры «большого» мотора уже определены.

— А товарища Любимова, значит, как буржуазию — на свалку истории? Так? Отработанный материал? Не знаю, что там между вами произошло, но я вижу, что вы, товарищ Берия, руководствуетесь личными мотивами! Это не по-большевистски! Какой вы большевик, если личное ставите впереди общественного и государственного? — Орджоникидзе в запале перешел на личность уже самого начальника ГУ БД и не собирался останавливаться. — А как понимать то, что вы приказали прекратить на ЗИЛе работы по минометам? Между прочим, «любимовская» шкала весов и калибров нашла полную поддержку в артуправлении РККА, в отличие от работ группы «Д». Несмотря на то, что последние для них — «свои»! А изготовленный автозаводом батальонный миномет, после подбора зарядов, полностью подтвердил заявленные характеристики и принимается на вооружение. Это не просто образец, он сделан с учетом массового изготовления на неспециализированных предприятиях, опять в отличие от конструкций Доровлева. Почему остановлены работы по горному и полковому минометам?

— Вы, товарищ Орджоникидзе, упускаете сказанное мной в самом начале! Я чекист, пусть и бывший. Как я могу благодушно относиться к человеку, который что-то знает о миллионах нелегальных винтовок и не желает этим знанием поделиться? Только как к врагу! Ножи, между прочим, всплыли на НАШЕЙ территории, а численность всей РККА д. миллиона никак не дотягивает! Вы, товарищ Орджоникидзе, отдаете себе отчет в том, кого защищаете? А также в возможных последствиях вашего благодушия? И не надо мне тыкать минометами! Мы приостановили работы ровно на той стадии, чтобы быть не хуже буржуазных армий, а для крупнокалиберных минометов мощности пороховых заводов все равно не хватит! Чертежи этих систем готовы, а отработка опытных образцов займет явно меньше времени, чем строительство заводов! Направить все усилия на разработку гораздо более нужных моторов я считаю правильным решением. А Любимова нужно арестовать и получить от него всю информацию. Это несопоставимо важнее всех его конструкторских достижений!

Сталин, мягко ступая, прошел на свое место и, садясь, пристукнул трубкой по столу, одним этим движением привлекая внимание и прекращая пререкания Орджоникидзе и Берия.

— Очень плохо, что руководство НКТП и ГУ БД не смогло прийти к единому мнению в вопросе центрального КБ дизелей. Надо работать дружно. Вы, товарищ Орджоникидзе, заботясь об индустриализации, слишком легкомысленно относитесь к вопросам государственной безопасности. А вы, товарищ Берия, наоборот, находясь на организаторской работе, считаете себя чекистом. Учтите это на будущее, товарищи. Что касается ЦКБД, то направьте ко мне товарища Бриллинга для беседы, согласуйте время с товарищем Поскребышевым. Товарищ Любимов, когда вернется из отпуска, пусть тоже позвонит. Хочу с ним поговорить лично. Тогда и вернемся к вопросу о кандидатуре на пост руководителя центрального КБ. Видимо, все же придется Любимова отстранить от работы, очень она для нас важна, рисковать в этом вопросе мы не можем. Арестовывать его пока преждевременно,

но продолжайте держать дело под контролем. Если бы ваши, товарищ Берия, опасения имели реальную почву, мы бы уже имели мятеж или что-то подобное. Как я понял из ваших слов, товарищ Любимов патриот и видит основную угрозу как внешнее вторжение и действует исходя из этого. Говоря о советской власти, как наилучшей для войны, он не стал бы от нас скрывать, если бы что-то угрожало ее свержению. Проработайте вопрос так, чтобы снятие товарища Любимова не обернулось для нас потерей хорошего конструктора. Интересы его весьма разносторонни, направьте его на другую работу, не столь важную, подберите достаточно сложное задание, чтобы он мог принять его как вызов своему таланту. Пусть считает отстранение от дел повышением. Есть соображения на этот счет?

— Товарищ Сталин, сам Любимов уже давно настаивает на разработке полноприводных машин, хотя бы как шасси для броневиков. А также он говорил о необходимости постройки легковых автомобилей правительственного класса, в том числе бронированных. Считаю, что эта работа как раз ему подойдет. В то же время, для нас она не настолько важна, как дизеля, а при успехе может дать значительную выгоду, — подумав, проговорил Берия.

— Хорошо, товарищи. Примем это пока как предварительное решение, до тех пор, пока я не переговорю с конструкторами. Но подготовку к его проведению начинайте уже сейчас. Надеюсь, товарищ Орджоникидзе, на заседании Совнаркома мы выступим с вами единым фронтом по этому вопросу?

— Да, товарищ Сталин. Такое решение меня, как наркома тяжелой промышленности, устраивает.

— Обращаю ваше внимание, — вождь поочередно посмотрел на каждого, — что разглашать подозрения в отношении Любимова не нужно. Это может повредить делу при любом его повороте. Вы можете быть свободны, товарищи.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

ГГ ошибается.

В эпизоде использован текст песни «Князь», исполняемой группой «Сколот».

В эпизоде использована песня Михаила Калинин «Куликово поле». Ну а про вторую все и так знают.